

Талина Березина

12+

СЧАСТЬЕ

из другого мира

Повести

Москва, 2020

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б48

Березина Галина Сергеевна.

Б48 **Счастье из другого мира: Повести / Г. С. Березина. —**
Москва: Издательский и книготорговый
холдинг «Новая Страна», 2020. — 188 с.
ISBN 978-5-907322-30-1

Чувство и разум — две составляющие одного целого. Как сделать правильный выбор? Чем руководствоваться человеку, находясь на пересечении судьбы? Кто может это знать: бог, дьявол, некие сущности или сам человек?

Галина Березина — автор современной прозы — пишет о красивом и невероятном... Являются ли эти истории вымыслом?.. Существуют ли всё-таки сверхъестественные силы, и кто мы такие на самом деле?

Повести «Счастье из другого мира», «Борьба с тенью» и «Часы с кукушкой» — о главном: жизни и любви, событиях, которые иррациональным образом влекут за собой неожиданные поступки, ставшие решающим шагом в вопросах бытия...

На что будут полагаться герои книги «Счастье из другого мира», каков путь «предначертан» каждому из них, какую роль в этом всём играет собственно Душа и что это за этакая субстанция, вы узнаете, открыв и прочитав произведения автора новой эпохи, заставляющего даже зрелого читателя переосмыслить своё существование...

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907322-30-1

© Березина Г. С., текст, 2020
© Издательский и книготорговый холдинг
«Новая Страна», издание, 2020

Об авторе

Галина Березина родилась и выросла в г. Рыбинск Ярославской области. По образованию — техник-механик по сборке и ремонту авиационных двигателей. Много лет отработала на авиационном предприятии в Бюро технического контроля. На данный момент занимается предпринимательской деятельностью. В 2016 г. окончила литературные курсы в г. Москва. Член Союза российских писателей. Кандидат Интернационального Союза писателей. Член Союза деятелей культуры и искусства. Участник многих литературных конкурсов. Лауреат международного фестиваля фантастики «Аэлига» (г. Екатеринбург, 2017 г.). Лауреат литературно-музыкального фестиваля «Седьмое небо» (Республика Крым, 2020 г.). Публиковалась в сборниках и альманахах: «Каталог современной литературы», «Далёкий голос Аэлиты», «Писатель года», «Во власти слова», «Российский колокол». Автор книг «Тысячи дорог» и «Просто люблю».

Счастье из другого мира

Повесть

Часть 1

1

«Надо напиться», — спонтанно принятое решение казалось единственно правильным. Дверь, захлопнутая за Александром, всё ещё дрожала. Ключи подпрыгивали в непослушных Юлиных пальцах и не хотели попадать в скважину. «Напиться. Срочно. До беспамятства. Чтобы заглушить боль. Чтоб утром голова превратилась в раскалённый шар и не было сил оторвать её от подушки».

Замок, наконец, сработал. «Надо перетерпеть три дня. Первые три дня, а потом всё забудется». Юля прижалась спиной к холодной стене и несколько раз ударила по ней затылком. Собралась с силами, попыталась сделать шаг и резко опустилась на корточки. Колено выглянуло из новых «рваных» джинсов, и те, не выдержав, затрещали. «К чёрту джинсы!» — девушка стукнула по колену кулаком и закусила губу. Плакать она не будет. Вдохнула длинно, болезненно и со стоном выдохнула. Неловко поднялась, одёрнула задрвшуюся на спине клетчатую рубашку (а-ля строитель) и направилась в комнату родителей. По пути тем же голым коленом налетела на стул. Боли не почувствовала, лишь замерла и потёрла лоб. В голове прояснилось, и сразу наметился план. «Вряд ли в баре есть спиртное. Мама старается

ограждать отца от соблазнов. Надо одеться и пойти в магазин. Главное, не забыть паспорт».

Лицо на секунду расслабилось, но улыбки не получилось. Недавно ей, Юле, без документа не продали шампанское. Пришлось звонить Александру и звать на помощь. Приятно, конечно, получить комплимент, но очередь у кассы ворчала. Хорошо, что Александр прогуливался у входа и пришёл быстро. Улыбнулся, извинился, обаял и очередь, и кассиршу, оплатил вино. Только потом весь вечер был не в настроении.

Александр... В лицо словно плеснули ледяной воды, и Юля зажмурилась. Перед глазами вспышками молний одна за другой возникали недавние картины. Вот распаивается дверь. Он делает полшага назад — уклоняется от поцелуя. Стоит на пороге, что-то говорит. Губы шевелятся, а слов не разобрать. Не разуваясь, проходит в квартиру и тут же поворачивает назад, к выходу. Что-то держит в руках. Улыбается ласково, чуть насмешливо и беззвучно, шаг за шагом спускается по лестнице. А это она, Юля. Стоит в дверях и смотрит вслед. Там, на лестничной клетке, между этажами, Эмма — подруга детства. Она отводит взгляд и делает шаг навстречу Александру. Юля с усилием разлепила глаза. Картинки исчезли, вместо них включился звук. «Цок, цок, цок», — уверенно выстукивали по ступенькам Эмины каблук. Послышался приглушённый смех. Сердце Юли болезненно сжалось и превратилось в маленький камешек. «Вжжжик», — безжалостно чиркнул по нему каблук. Пропищал домофон. Хлопнула дверь. И — тишина. Они ушли вместе: жених и лучшая подруга.

Юля села на край стула, вцепилась зубами в согнутый палец и, наконец, почувствовала боль. Значит, она ещё жива. Если это можно назвать жизнью. Планы, мечты — всё раздавил острый беспощадный каблук.

Мысль-сомнение тут же ужалила мозг: может, зря она готовила сюрприз и скрывала от Александра хорошую новость? Та точно пришлась бы ему по душе. Он давно предлагал жить вместе и не раз намекал, что в Юлиной квартире чувствует себя как дома. Ещё бы! Престижный район, уютный двор, никаких помоек под окнами. В прошлом году мать выбросила весь хлам, а отец организовал ремонт. В их «двушке», переделанной из «трёшки», так легко задышалось, что мама оставила «пыльный офис» и перешла на удалённую работу. Конечно, мужа Юля могла бы привести на свои законные метры, но сожителя — нет. Александр из кожи вон лез, чтобы добиться расположения родителей. Расшаркивался при встрече: «Валерий Петрович, день добрый! Как ваши дела? Надежда Сергеевна! Ооо! Вы всё молодеете!» В ответ мама упорно называла Александра Шуриком, словно не замечая нервного подёргивания его плеч. Отец и вовсе к нему не обращался, а за глаза называл хорьком. «Хорёк и есть! — не принимая возражений, упорствовал непреклонный родитель. — В тридцать лет снимать угол в коммуналке! Мужик, что ли?» Разговор на тему «сейчас все так живут» не имело смысла заводить даже с мамой. Что толку? Та повздыхает и, как обычно, сошлётся на тяжёлый характер мужа:

— Ты же знаешь, как папа относится ко всем этим неофициальным отношениям.

Юля знала. Ещё она знала, что мама (со своими кошачьими манерами) прекрасно управляет мужем.

Вариант снять квартиру не подходил. Для всех (по крайней мере, для отца) выглядело бы очевидно, кто оплачивает жильё. Александр обещал найти выход, но дальше обещающий дело не шло. Казалось, ситуация зашла в тупик, и вдруг всё решилось само собой — отцу предложили повышение по службе с переездом в другой город. Сборы родителей

были быстрыми, и со вчерашнего вечера квартира поступила в полное Юлино распоряжение.

2

На деле всё обстояло не так просто. Валерий Петрович Майоров — Юлин отец — в очередной раз расконфликтовался с начальством. Он занимал высокий пост на крупном предприятии и считался опытным руководителем. Потому скверный характер его терпели долго. Однако всякому терпению наступает предел. На сей раз скандалисту в мягкой форме, но настойчиво предложили перевестись в другое подразделение завода. Перевод вуалировался под повышение по службе, вот только подразделение находилось в Омске.

Скорей всего, Валерий Петрович швырнул бы на стол заявление об уходе. В пятьдесят лет переехать с Верхней Волги в Сибирь — дело нешуточное. Супруга же посоветовала не торопиться. Она рассудила так: должность мужу предлагают выше, зарплату больше, квартиру предоставить обязаны. К тому же Омск — не какое-то захолустье. Большой, красивый город, и в нём живёт Маргарита — троюродная сестра. Омск — не тюрьма, не понравится — можно вернуться назад.

Выслушав доводы жены, Майоров успокоился и, как чаще всего бывало, согласился с её мнением.

В предвкушении свободы Юля надавала обещаний: поливать цветы, выносить мусор, оплачивать счета, навещать тётку. Следить за состоянием отцовской машины — теперь она, как и квартира, считалась Юлиной. И ещё: тепло одеваться, хорошо питаться и всегда быть на связи.

Вчера она распрощалась с родителями, изрядно поволновалась за них и за себя, а сегодня сбежала с работы пораньше, чтобы приготовить романтический ужин. Свечи,

музыка, шампанское. «Идиотка!» — громко, в голос простонала Юля. Срочно в магазин! Шампанское — напиток для слабаков.

Она вскочила со стула и заметалась в поисках сумки. Куда та запропастилась? Может, на кухне? На кухне сумки не было. Бросилась в глаза тарелка. Белая, в голубых рыбках, приготовленная под бутерброды, она скучала на столе. Как от прыжка с высоты, внутри у Юли похолодело. Не может быть! Всего лишь час назад у неё была подруга и молодой человек, почти муж. Остались только бутерброды в холодильнике. «Надо убрать рыбок с глаз. Засунуть подальше». Хлопая дверцами гарнитура, Юля пыталась найти убежище для тарелки, пока та не вырвалась из рук. Раздался сухой хруст. Теперь на полу валялись три осколка — рыбки поплыли в разные стороны.

Нужно заставить себя отвернуться. Она уберёт потом, а сейчас надо продолжить поиски. Сумка наверняка в маленькой комнате где-нибудь на самом виду. Но и там сумки не оказалось.

Опустившись на кровать, девушка пыталась удержать слёзы. Несколько секунд она мычала и раскачивалась, как от зубной боли, потом, не выдержав, упала лицом в подушку и зарыдала. Отчаяние, бессилие, ревность, стыд, жалость к себе — всё смешалось в один клубок. Этот клубок душил. Юля ударила подушку кулаком, потом ещё, и принялась лупить её, словно та была виновата, словно из-за неё Юля вляпалась в унизительно-банальную ситуацию. Когда иссякли силы и отступил гнев, несчастная притихла. Лишь тонкие солёные ручейки продолжали заливать избитую подушку.

3

Недаром Валерий Петрович называл дочь «Ярославский водохлёб». Юля пришла в себя от сильной жажды. Икая,

сползла с кровати и поплелась на кухню. Свет включать не стала. На ощупь нашарила графин и поднесла ко рту. Пила не отрываясь, не чувствуя, как зубы колотятся о стекло, а вода выплёскивается на клетчатую рубашку. Потом зачем-то подошла к окну. Мокрый воротник противно натирал шею. На секунду вспомнила, что обещала маме поливать цветы, и тут же забыла. Лишь выстроила на подоконнике яркие горшки в одну линейку.

Тягучие мысли принялись медленно расплзаться в голове: интересно, который час? Скорей всего, около восьми. На улице совсем темно. Автомобилисты возле подъезда не могут поделить парковочные места — обычное дело.

Заслышав детский плач, Юля вздохнула. У соседки этажом ниже близнецы: мальчик и девочка. Дети плачут дружно. Сначала раздаётся тоненький писклявый голос, проходит минута, две, и его поддерживает солидный мальчишеский басок. Юля частенько помогает соседке справиться с колясками. Замечательные у той карапузы. Витя и Вика. Семья поселилась здесь недавно, и молодая мать с соседями не откровенничает. Как её зовут, Юля пока не знает, зато детей различает. Отец, похоже, с ними не живёт, и всё равно соседке можно позавидовать. Подумаешь, муж! Начихать бы на него десять раз! Без мужа можно обойтись, а без детей — нет! Это только её, Юлина, мать беспокоится, чтобы всё выглядело пристойно: мама, папа, полная семья. Вздыхает, головой качает: «Дети — безотцовщина. Бедная женщина!» Папа, и тот рассуждает проще: «Их отец — государство! Вырастут не хуже других».

Сверху донёсся шум. Юля посмотрела на потолок и понимающе кивнула. Соседи, что живут двумя этажами выше, выясняют отношения, но слышно так, будто скандал за стеной. Хотя как раз за стеной её комнаты тишина. В той квартире много лет никто не живёт. Честно признаться, шумные

верхние соседи — муж и жена — люди неплохие, услужливые. Работают дворниками. Во время ремонта родители не раз к ним обращались, и те не отказывали: помогли занести строительные материалы, убрали мусор, мыли полы. Дружба с алкоголем — единственное, что портит впечатление об этой паре. Иной раз стены дрожат, как ругаются, ногами топают, правда, до мордобоя не доходит. Отец всё равно их уважает, говорит: трудяги, на их участках всегда чистота. Сейчас, видно, муж клянчит на бутылку, а денег перед получкой нет. Вот и ругаются — выпить-то обоим хочется.

Юля вострепнулась — она же собиралась в магазин. Оцепенение спало, а тело мелко и противно подрагивало. Сумка, объёмная, кожаная — не сумка, а бухгалтерский портфель, — тут же попала на глаза. Вот она, лежит себе спокойно на табурете. Паспорт, кошелёк, карточки — всё там, но теперь возникал вопрос: как появиться с зарёванной физиономией в магазине, к тому же возле винной витрины? Определённо стоило попытаться счастья и проверить папин бар.

4

Бутылка водки в форме огромного меча поначалу испугала. Наверняка это подарок, и папа про него не забудет, а значит, будет ругаться, подумала Юля. Но это потом. Она двумя руками перенесла меч к себе, водрузила на сверкающую поверхность журнального стола и охнула — утром будет не проснуться. На всякий случай стоило предупредить начальство.

Отец и Вадим Михайлович — руководитель духового оркестра, где Юля трудилась главным бухгалтером, — выросли в одном дворе. Она догадывалась, что начальник отцу чем-то обязан, и без стеснения пользовалась привилегиями.

— Вадим Михайлович! — решительно выговорила девушка в телефонную трубку и на секунду примолкла — кажется, получилось слишком громко. — Извините, что беспокою, мне нужно три дня поработать дома. Отчёт подготовить.

Трубка помолчала, кашлянула и ответила голосом начальника:

— Хорошо, Юлия Валерьевна. Делайте как вам удобно.

В отличие от Валерия Петровича, его приятель всегда был вежлив.

— Как наши путешественники? Добрались?

— Угу. Привет передавали.

— Спасибо. Приятно. Надеюсь, на новом месте родитель ваш не будет так суров к вышестоящим. Возраст уже не тот, чтоб саблей махать.

Вадим Михайлович бубнил что-то ещё. Юлия не вслушивалась, лишь представляла, как тот по обыкновению во время разговора протирает толстую лысину клетчатым платком. Ухо неожиданно поймало в голосе начальника добродушно-лукавые нотки. Кажется, он пожелал удачи. Похоже, сделал свои выводы. Неважно. Как бы там ни было, но нынешнего главбуха он ценит, а возможно, и уважает.

В своё время, получив диплом экономиста, Юлия не пожелала устраиваться на предприятие, где руководил отец. Он так часто утомлял их с мамой рассказами о заводе, что отбил всякое желание там работать. Валерий Петрович не настаивал, но после нескольких безуспешных попыток дочери самостоятельно трудоустроиться, взял её за руку и повёл к старому приятелю.

— Возьми моего ребёнка в свою «богадельню».

— Возьму, — протёр лысину тот. — Немного не по профилю — в бухгалтерию, но возьму. Надежда твоя Сергеевна поможет дочери на первых порах. А там, глядишь, она и до «главного» дорастёт. Может, всю бухгалтерию одна вести будет.

Предсказания начальника сбылись. Старые кадры-пенсии одна за другой ушли на заслуженный отдых. Юля освоилась, заняла должность «главного» и теперь свободно представляла всю бухгалтерию в одном лице.

Итак, вопрос с работой решился, «горючее» добыть удалось. Юля передвинула журнальный стол к кровати и занялась сервировкой. Расставила свечи (не пропадать же добру!), вазу с фруктами, сок и тарелку с нарезкой. «Этого хватит», — усмехнулась она, вспомнив папину шутку: «закуска градус крадёт».

5

Первая стопка пролетела одним глотком. Без тоста. Юля похватила ртом воздух и запила соком прямо из коробки. Тонкая струйка обожгла изнутри и растеклась в животе.

— Фу, гадость! Как её пьяницы-то пьют? — пробормотала девушка, покосилась на потолок, а затем на часы — скоро девять. Значит, беспокойные «верхние» соседи вот-вот уgomонятся. Они рано встают и рано ложатся спать. Хотя сегодня ей не до чужих проблем. Чёрные мысли ожили и зашевелились в Юлиной голове скользкими червяками.

Эмма... Когда-то они были лучшими подругами. Детский сад, школа — всегда вместе. Сидели за одной партой. Эмме не давалась математика, и Юля приноровилась быстро решать оба варианта контрольной. Потом влиятельный отец пристроил Эмму в Юлин университет. Ей — старосте группы — приходилось хитрить и покрывать прогулы подруги, а потом помогать готовиться к экзаменам. Но ту всё равно отчислили за неуспеваемость.

Юля плеснула из «меча» следующую порцию зелья, разбавила соком (всё же не так противно) и влила в себя.

Помнится, тогда Эмма обиделась на всех. Укатила неизвестно куда и на несколько лет пропала из виду. Ходили слухи — вышла замуж, живёт у моря. Потом вроде как развелась. Общие знакомые давно перестали её вспоминать, и вдруг в начале зимы подруги детства столкнулись на улице.

В тот день, вопреки заверениям Гидрометцентра, на город обрушился снегопад, словно кто-то бритвой прорезал огромное облако. Юля никогда не видела на дорогах столько снегоуборочной техники. Машины шумели, сверкали огнями, но не могли справиться с задачей. Дома, дороги, автомобили — всё укуталось холодным белым одеялом. Ветви деревьев согнулись под тяжестью снега до земли, а он всё шёл и шёл, точно хотел спрятать город.

Непогода стихла к вечеру. Юля с трудом вытащила Александра на прогулку. Как всегда, в тех редких случаях, когда уступал, он был не в духе. На улице, вооружённые огромными пластиковыми лопатами, трудились дворники. Они работали на совесть и от усердия то и дело снимали рукавицы и сморкались в снег. Скрип лопат раздражал Александра. Он морщился и брезгливо переступал ботинками на толстой подошве по занесённой тропинке. Юле же нравилось давить ногами белый пух: с носка на пятку, с пятки на носок. Редкие снежинки кружились в воздухе. Это был не мокрый, не липкий, а самый настоящий сухой снег. Он не хотел скатываться в снежки, но так приятно хрустел под ногами. Хррр! Хррр! Сугробы напоминали заснеженные горы. Хотелось сфотографироваться на их фоне. Как назло, прохожих почти не было. Лишь пробежала мимо шумная стайка ребятишек с санками да брёл столетний старичок с батоном в старомодной авоське.

Тут из дома напротив выплыла Эмма. Высокая, яркая. Шуба в пол, голова не покрыта. Королева. Блестящие чёрные локоны пружинили при каждом её шаге. Снежинки

вспыхивали на волосах, и она изредка встряхивала головой. Юля вспомнила: мама всегда говорила, что в Эмме чувствуется порода, а папа называл подругу «лошадь».

Казалось, они обе обрадовались встрече, и даже Александр оживился. Поймал пробежавшего мимо тинейджера, сунул в руки телефон — щёлкни на память. Фото получилось смазанным, но Александру понравилось. Он даже потратился на рамку.

В тот вечер они долго болтали на улице. Юля пересказала всё, что знала об одноклассниках, одноклассниках, и, не утерпев, похвасталась новой должностью. Эмма слушала с интересом, но о себе говорила скупой. «Работаю в фирме отца. На днях квартиру приобрела. В общем, не бедствую».

После той встречи они часто созванивались. Настолько часто, что оставалось удивляться: как столько лет обходились друг без друга? Потом Эмма предложила отметить новоселье узким кругом: она, Юля и Александр. Тогда ни приглашение, ни быстрый мамин взгляд, ни её банальная фраза: «Третий, по-моему, всегда лишний» — ничуть не насторожили. А зря.

6

Юля потёрла нос и прислушалась. Наверху угомонились. Тишину нарушал лишь дуэт близнецов. Да уж, с двумя малышами управляться непросто. Тянуло спуститься вниз и предложить помощь. Она даже привстала, но тут же села назад. Лезть в чужую жизнь неприлично, со своей бы разобрататься. Долгожданная свобода, похоже, обернулась наказанием, а ведь так хотелось жить отдельно от родителей, принимать пусть неправильные, но свои решения. По маминой указке она забрала документы из педагогического университета (побереги нервы!) и выучилась на экономиста. Из-за

папиных предрассудков не имела права жить гражданским браком (мнимый союз безответственного мужчины и женщины с низкой самооценкой!). Родить без мужа в их благой семье — вообще моветон. Именно так при жизни выразилась бы бабушка — папина мать, дражайшая супруга известного нейрохирурга Майорова.

Нос опять зачесался, напоминая, с какой целью Юля села за стол. Она слабо улыбнулась. Как бы там ни было, у неё самая замечательная семья. Рука тут же подняла стопку за маму, следом другую — за папу, и ещё одну — за обоих родителей, бабушек и дедушек.

Закусывать водочно-апельсиновый коктейль мандарином показалось смешно. Юля хихикнула и прищурилась, пытаясь поймать отражение в резном бутылочном стекле. К счастью, безуспешно. Потому как сейчас в дополнение к опухшему лицу её модная стрижка скособочилась, а макушка напоминала завалившийся на бок петушинный гребень. «Ой, чуть не забыла, за Шурика-то я не выпила! — ёрничая, Юля наполнила стопку. — Уж извини, дорогой, никакой ты не Александр, а самый обычный Шурик». Она максимально растянула букву «ш» и дёрнула под столом ногой, словно сталкивая «бывшего» с пьедестала, расплескав при этом большую часть содержимого стопки.

Шумно выдохнув, Юля подумала, что ни закусывать, ни запивать этот жалкий глоток не имеет смысла, так же, как и обманывать себя. В своё время Александр не уставал твердить, что ей повезло от рождения. Он загибал пальцы, перечисляя бонусы, подаренные ей жизнью. Родилась в хорошей семье — раз. Учёба давалась легко (Конечно! С такими-то генами) — два. Отец пристроил на тёплое местечко — три. Начальник — друг отца — четыре. Мать — бухгалтер со стажем — пять. Живёт в прекрасной квартире — шесть. И так по списку. Каждый раз он добавлял новый пункт.

Приходилось опасаться, что однажды Александру не хватит пальцев на руках и ногах. Самое страшное, что она начала верить в свою никчёмность.

О себе он говорил уважительно и кратко: «В жизни пробиваюсь сам» — и никогда не рассказывал о семье. Как-то раз вскользь упомянул, что в юном возрасте приехал из глубинки и помощи от родных не видел.

В последнее время с карьерой у него не ладилось, но Александр не отчаивался. Прозябал младшим менеджером в фирме по продаже садовой мебели, говорил, что в жизни его затянулась чёрная полоса, старался производить впечатление успешного человека и откликнулся только на полное имя — Александр.

От Натальи — бывшей одноклассницы, а нынешней соседки по дому — Юлия кое-что слышала о тёмных пятнах на биографии друга. Якобы его, приехавшего из захолустья, приняли в университет вне конкурса и обеспечили общежитием. Бедный студент быстро сообразил: обшарпанные общаговские стены кормить не будут. Он познакомился с женщиной намного старше себя, переехал к ней и зажил безбедно. Даже кое-как «допинал» два курса университета. Потом сытая жизнь, а вместе с ней и учёба завершились: дочь сожительницы развелась с мужем, забрала детей и вернулась к матери. Места в квартире сделалось мало, по крайней мере, для Александра его не нашлось. Собрав вещи и вытребовав от вчерашней гражданской жены «выходное пособие», он снял квартиру и закрутил любовь с её хозяйкой. Ему повезло. Новая подруга оказалась родной сестрой влиятельного человека. Денег за жильё она не спрашивала, устроила Александра на работу в крупную фирму и помогла «отмазаться» от армии.

На этом везенье закончилось. С работы его выкинули, как блудливого кота, за роман с женой директора. Из квартиры

выперли за неверность. Потому Александр и оказался на непрестижной работе и мог себе позволить только съёмную комнату в коммуналке.

Верить сплетням не хотелось. От зависти Наталья могла ляпнуть что угодно. Её муж — коротконогий крепыш, от которого за километр несло луком, — не шёл ни в какое сравнение с Александром. Тем не менее в куче информации, нарытой бывшей одноклассницей, доля правды наверняка была. Дорогие часы на руке «бывшего» — скорей всего, чей-то подарок.

Думать об этом было неприятно даже сейчас. Юля встала, качнулась и оглядела стол. Свечи оплавилась и погасли, тарелки опустели. Непорядок. Стараясь держать равновесие, она отправилась на поиски еды.

Разбитая тарелка по-прежнему валялась на кухонном полу. Избегая на неё смотреть, девушка достала из холодильника контейнер с бутербродами и отнесла в комнату. Поставила на стол, сняла крышку и залюбовалась. Красота! Специальный хлеб, творожный сыр, икра. Сверху листик петрушки. Вкуснотища! Александр любит всё вкусное и красивое, но не любит за это платить. Однажды мать обронила в его адрес противное слово «крохобор». Разве она не права? К примеру, сегодня он мог позвонить и объяснить. Мог вообще не приходить и не звонить, но явился. Удивительно, как некоторые умеют делать гадости с улыбкой. «Я за своими вещами. Извини, тороплюсь». Вещи — древняя видекамера и полупустая пачка дорогих сигарет. Тех, что он курит на людях.

Плач близнецов заставил Юлию отвлечься. Выпить за детей — святое дело. Руки сделались неловкими, то и дело что-то роняли. С трудом вписавшись в дверной проём, она снова наведальась на кухню и принесла салат. В одиночестве его можно есть прямо так, ложкой, подумала девушка и тут

же запротестовала: одиночество — плохое слово. Провозгласила тост за себя и за свою счастливую жизнь, ту, что наступит не позже, чем через три дня.

Тост получился длинным, язык заплетался. Юля покусала нижнюю губу и, ничего не почувствовав, обрадовалась: алкоголь знает своё дело. Стоило закрепить эффект и ещё раз выпить за себя. Бутылок на столе стало две. Приходилось смотреть на них, прикрывая по очереди то один, то другой глаз. Мысли текли медленные и липкие, как мёд. «Завтра будет плохо. Будет болеть голова. Ну и пусть. Пусть болит что угодно, лишь бы не тут», — Юля ткнула пальцем в грудь, попала в пуговицу и сломала ноготь. Подумаешь, беда! Она наполнила стопку и, теряя гласные, выдавила: «За тех, кто в море, кто в роддоме и кому тяжело!» Отхлебнула шумно, словно чай, упала головой на подушку и заснула.

Часть 2

1

Её разбудил собственный храп. В горле драло, словно за ночь там вырос репейник. Ужасно хотелось пить. Голова разрывалась — тысячи железных молоточков стучали по ней одновременно снаружи и изнутри.

Юля спустила ноги с кровати и застонала. Память пыталась что-то выудить, но девушка отмахнулась: «Отстань!» — и, с трудом нашарив одну тапку — вторая куда-то подевалась, — поковыляла на кухню.

Графин был пуст, но в холодильнике нашлась спасительная минералка. Несколько колючих глотков дали возможность дышать. Аптечка — прозрачный контейнер с красным крестом — стояла в шкафчике на самом виду. Юля сунула

в рот сразу две таблетки — благо аспирин и анальгин лежали сверху, — прихватила с собой воду и, щурясь и держась за стены, побрела назад. Мимоходом взглянула на часы — начало шестого.

Пристроить на подушке рвущуюся на куски голову оказалось непростой задачей. Стиснув зубы, Юля долго возилась в кровати, пока не заметила чей-то пристальный взгляд. Сквозь тонкую щель между шторами пробивался лунный свет, а на подоконнике — возле двери, ведущей на лоджию, — сидел маленький человечек. Он болтал ногами и улыбался.

«Мерещится», — Юля зажмурилась, выждала несколько секунд и приоткрыла глаза. Видение не исчезло. «Глюк. Это ж надо так напиться!» Она включила ночник. Глюк сидел на прежнем месте и продолжал улыбаться, подмигивал по очереди то правым, то левым глазом. Ростом странное существо казалось не больше трёхлетнего ребёнка. Комбинезон цвета какао плотно облегал его тело и голову, оставляя открытым лицо. На макушке человечка торчало нечто, напоминавшее толстые пчелиные усики. Или, скорее, две мягкие антенны такого же приятного цвета с шариками на концах. Антенны-усики шевелились и раскачивались в разные стороны.

Вновь пересохшее горло задёргалось. Юля глотнула из пластиковой бутылки и просипела:

— Ты кто?

— Доброе утро! Меня зовут Никита. Приятно познакомиться. Рад встрече. Как ваши дела? — существо выговаривало слова механическим голосом, медленно, словно пробуя их на вкус.

— Ничего себе Карлсон! — Юля выпуталась из одеяла и осторожно подошла к незнакомцу. Пропеллера сзади не наблюдалось. Она протянула руку и потрогала комбинезон.

На ощупь это было нечто среднее между снегом, плотной губкой и ворсовой тканью. Человечек хихикнул и спрыгнул на пол, заставив Юлю отшатнуться. Она тут же взяла себя в руки — в конце концов, это её дом.

— Ты откуда явился? — девушка подёргала дверь — заперто. Открыла, высунулась на лоджию — никого. Сделав пару шагов, распахнула раму и с высоты шестого этажа глянула вниз. Всё как обычно. Возле подъездов и детской площадки теснятся машины. Соседи-дворники дружно шуршат лопатами. Сверху — тёмное зимнее небо.

— Прекрасно, — не находя ничего прекрасного, Юля вернулась назад и, пытаясь согреться, обняла себя за плечи. — Ты кто? Инопланетянин?

Гость хлопал белёсыми ресницами и бессмысленно улыбался.

— Не понял, — догадалась Юля, потёрла виски и громко, по слогам, помогая руками, перевела вопрос: — Ты прилетел с другой планеты?

Как двоечник у доски, «пришелец» поднял вверх глаза, сдвинул светлые бровки и радостно закивал:

— Да, да. Из другого мира. Так точнее.

— Ого! Значит, ты мой гость?

— Да, да, я — гость. Ваш гость, — он вытянулся в струнку и чуть поклонился. — Разрешите узнать, как вас зовут? — с каждым словом механические нотки исчезали из его голоса. Теперь речь его напоминала речь иностранца из Прибалтики.

— Нас зовут Юля, — хмуро передразнила девушка и, чуть помедлив, добавила: — Раз ты мой гость, пойдём, угощу кофе.

Бодро переставляя непропорционально длинные ножки, обитатель другого мира потопал на кухню вслед за хозяйкой.

— Располагайся, я сейчас, — она придвинула табурет и, не дожидаясь, пока непонятное существо на него вскарабкается, вышла. Глюк он или инопланетянин, неважно. Девушка всегда должна выглядеть на «пять с плюсом».

2

Она смывала под душем остатки сна и вечернего застолья, попеременно включая горячую и холодную воду, массируя затылок, виски и постанывала. Боль не отступала. Во рту было мерзко, словно там заночевала стая бездомных кошек.

Юля в очередной раз охнула и поморщилась: вот это она вчера оторвалась! Не помнит, как заснула. Даже глюк явился. Наверное, ждёт, чем его угостят, а может, уже исчез. Только без чашки горячего кофе она и сама не человек.

Сунув джинсы и рубашку в корзину с грязным бельём, она переделалась в домашний костюм. Сил уложить волосы феном не осталось. К тому же мокрые, они приятно охладили голову.

Исчезать глюк не думал. Сидел себе на табурете и разглядывал разбитую тарелку. Юля подобрала осколки, покосилась в сторону гостя — явился тут не вовремя! Под строгим взглядом человек невольно съёжился, а его усы-антенны напряглись и испуганно застыли. Не упуская инопланетянина из виду, девушка занялась приготовлением традиционного бодрящего напитка.

Вскоре кофейный аромат заполнил кухню. Стараясь выглядеть гостеприимной, Юля поставила на стол вазу с конфетами, приготовила чашки и всё же не удержалась от замечания:

— В вашем мире не принято мыть руки?

Гость притих, посмотрел на потолок и тут же закивал:

— Да, да, да. Прежде чем сесть за стол, требуется тщательно вымыть руки горячей водой с мылом, так как на руках скапливается огромное количество микроорганизмов, опасных для здоровья и жизни человека, — он резво прыгнул на пол.

От неожиданности Юля едва не опрокинула чашку.

— Не делай резких движений и говори короче, — рассердилась девушка. — И сними наконец свой скафандр. Я не хочу сидеть за столом с рогатым полуроботом. Пойдём, дам тебе папин банный халат.

— Это — не скафандр. Это — костюм для путешествий, — следуя за хозяйкой по пятам, запротестовал человек.

Юля помогла ему стянуть комбинезон с головы и верхней части туловища. Сунула в руки халат — держи, подвнешься как-нибудь — и подтолкнула в спину: «Всё. Пошёл, космонавт!» Тот чуть помедлил и уверенно потопал в нужном направлении.

Кофе не успел окончательно остыть. Юля сделала глоток, второй и замычала от удовольствия. Почувствовала, как в голове что-то расправляется. Словно там надували старый свалявшийся мяч. Стало легче, и даже захотелось жить. Как ловко она избавилась от глюка!

— Куда я могу убрать вещи?

Нижняя челюсть Юли поехала вниз. Поверить в увиденное оказалось непросто. Гость — умытый и причёсанный, словно только что из парикмахерской, — сжимал в руках одежду и улыбался по-детски доверчиво. Странно, халат отца (а тот немаленького роста) оказался ему впору. Ничего себе! Похмелье так похмелье! Тот, кто представился Никитой, сейчас выглядел как обычный человек примерно одного возраста с Александром и даже немного на него смахивал. Вот только рост — мечта её «бывшего».

Юля подошла вплотную, ещё раз смерила гостя взглядом, выхватила из его рук комбинезон и развернула. Для трёх-летки тот был явно мал, от силы подошёл бы годовалому ребёнку.

— Костюм из специального материала, — понимающе улыбнулся Никита. — Сюда можно упаковать любое тело. Это совсем несложно, если делать по инструкции. Размер костюма оптимальный, чтобы было легче передвигаться в пространстве.

Повлажнел не только Юлин лоб, но и спина, и ладони. Во рту опять появился кошачий привкус. Хоть снова отправляйся в душ. Всё же хозяйка сделала вид, что ответ её удовлетворил, и приготовила свежий кофе взамен остывшего.

Никита наклонился к чашке, словно собирался пить носом, и издал восторженное: «Ооо!» Приподнял голову, снова ткнулся в чашку и втянул аромат. Сделал аккуратнейший глоток, зажмурился и притих. Опять глоток, и — долгое мычание. «Дикарь какой-то», — хмыкнула Юля. Тем временем, допив жидкость, гость подцепил ложкой кофейной гущи, отправил в рот и пожевал. Коричневая капля просочилась на губу и упала на подбородок. Девушка отобрала ложку, чашку и салфеткой (той, что недавно промокала лоб), вытерла лицо инопланетянина: «Так будет лучше».

Он поморгал и молча дожидался следующей команды. Юля задумалась. Таблетки и кофе сработали, она пришла в себя. Лучше это или хуже — сказать трудно. Потому что теперь возникли, как минимум, две проблемы. Вопрос первый: что делать с пришельцем? К современной жизни он не приспособлен, это ясно. На дворе зима. Не выставлять же человека (или кто он там?) за дверь в махровом халате. К тому же, как только исчезнет этот непонятный организм,

остро встанет вопрос номер два: как решить её, Юлину, проблему? Ту, что никуда не ушла и то и дело напоминает о себе холодком в окаменевшем сердце. Повторять одинокое застолье нет ни сил, ни желания. Искать сочувствия у подруг, изливать в их телефонные трубки личные переживания? Нет, с подругами нужно быть осторожной. Позвонить родителям? Им сейчас тоже непросто: новое место, новые люди. Эх, зря она отпросилась у Вадима Михайловича. Лучше бы прийти в свой кабинет и нырнуть с головой в работу. Хотя встречаться с начальником, отвечать на его вопросы и делать вид, что у неё всё прекрасно, тоже вариант не из лучших.

«Ладно, — сдалась Юля, — пусть инопланетянин остаётся, но только до вечера. Может, поднимет настроение, а там посмотрим».

Приняв временное решение, она встала и потянула гостя за руку — пойдём, проведу экскурсию по квартире. Рука Никиты оказалась на удивление мягкой и тёплой. Обычная человеческая рука.

В родительской комнате, несмотря на их скорый отъезд, царил порядок. Ни пылинки, ни соринки. Шторы: пять складочек с одной стороны, пять — с другой. Подушки-думки — в тон обоям выстроились на диване, как солдатики. Не хватало лишь на столе рабочего ноутбука.

— Это комната мамы с папой. Поживёшь пока здесь.

— Ваша мама? — Никита заинтересовался картиной на стене. — Вы на неё очень похожи.

— Балбес, — вырвалось у Юли. — Это «Неизвестная».

— Вы её не знаете?

— Знаю. То есть нет, конечно.

Девушка напряглась и, стараясь дышать в сторону, отчеканила:

— Репродукция картины «Неизвестная» кисти Ивана Крамского. Ещё вопросы есть?

Никита похлопал ресницами и промолчал.

— Идём дальше. Ну, здесь ты уже был, — от резкого толчка дверь в Юлину комнату распахнулась, и в нос ударил запах кислятины. Хозяйка прикусила губу и покраснела — вот это натюрморт! Постель сбита. На стеклянном столе засохшие островки сока. К одному из них, как наполовину затонувший корабль, приклеился огрызок бутерброда. Бутылка-меч повисла на самом краю. И как только она не упала вслед за стопкой? Вот та, заляпанная жирными отпечатками, красноречиво валялась на полу. Сдерживая подступившую тошноту, ругая себя за неосмотрительность, Юля кинулась наводить порядок.

Тем временем Никита отошёл в сторону и взял с полки фотографию:

— С картины какого художника эта репродукция?

Он всё время улыбался, что невероятно раздражало.

— Не картина, а фотокарточка, — буркнула Юля и, собрав грязную посуду, поспешила в кухню.

Там, открыв кран, облокотилась на раковину. Это был тот самый смазанный снимок, только без рамки. Значит, «свою вещь» Александр забрал, а фото оставил на память.

Вода шумно лилась на посуду и крупными брызгами ricochetted в стены. «Всё пройдёт. Всё пройдёт», — мысленно, как заклинание, твердила Юля, стараясь дышать глубоко. Воздух застревал в горле. Приходилось делать усилие и проталкивать его внутрь. Ну почему же так тяжело? Надо позвонить родителям. Прямо сию минуту. Они поймут, пожалеют, посочувствуют. Нет. Не надо. Юле даже показалось, что она слышит мамино вкрадчивое: «Надеюсь, ты поняла, что совершила ошибку, отказав Диме». Девушка вздохнула и, заметив, мокрый кафель, закрыла кран.

3

Дима... Они любили друг друга и собирались пожениться ещё в детском саду. Любовь была настолько сильной, что к двадцати годам переросла в крепкую дружбу. Оба поняли одновременно: детство ушло и забрало чувство с собой. Дима стал засматриваться на других девушек, а Юля испытывала облегчение от того, что им больше не надо изображать «пару». Они решили поставить точку в отношениях и остаться друзьями. Дима никогда (кроме как в детстве) не делал Юле предложения, а Юля ему не отказывала. Это были фантазии её мамы. На свадьбе друга Юля громче всех кричала: «Горько!» — и почти не ревновала, когда он целовал невесту, а та по-хозяйски обнимала жениха за шею. Дима сделался чужим мужем, а спустя три дня Юля перестала о нём думать. В её жизни появился Сергей.

Серёжа ухаживал по-взрослому. Цветы, конфеты, комплименты. Перед сном в трубку: «Спокойной ночи, любимая». Всё разрушила мама. Та на месте зятя видела только Диму. Быстро и безошибочно она раскусила того, кто занял Димино место, — женат. «Скорее нет, чем да», — пытался выкрутиться Сергей. В свою очередь мать мягко, но доходчиво объяснила дочери: отношения ведут в никуда, а время идёт. С Сергеем пришлось расстаться. Юля попереживала, но — две бессонные ночи, и на утро сердце снова получило свободу.

Потом, на короткое время, в её жизнь вклинился поэт — непризнанный гений (тоже Сергей) с трагическим взглядом и горькой усмешкой. После него промелькнул стоматолог Виктор (как быстро вычислила Надежда Сергеевна — запойный). Случилось ещё несколько незначительных эпизодов, и каждый раз мать с болью в голосе вспоминала Диму.

«Не везёт мне в любви», — подумала Юля. Она потеревала в руках салфетку, протёрла кафель и, так и не помыв посуду, ушла с кухни. Хотелось посидеть в тишине, подумать, пожалеть, а может, и поругать себя. Почему-то совсем вылетело из головы, что в комнате остался незванный и не совсем обычный гость.

Он топтался на прежнем месте и вертел карточку в руках. Юля отобрала снимок. Почему-то только сейчас бросилось в глаза: на нём Эмма стоит посередине. Секунда — и фото превратилось в мелкие кусочки. Ещё секунда — Юля выскочила на лоджию и распахнула раму. Ветер обжёг влажные щёки и окончательно отрезвил. Ладонь разжалась. Обрывки бумаги заплясали в воздухе, перемешались со снежными хлопьями и понеслись в сторону от дома. Плотно заперев окно и дверь, девушка вернулась назад.

Во взгляде Никиты читалось недоумение. Оценить происходящее он не мог, а спросить не решался.

— У меня тоже есть снимки. Хотите, покажу?

Он подошёл к компьютеру и щёлкнул пальцами возле монитора. Изображение появилось мгновенно. На бледно-сером фоне экрана плавал небольшой золотистый шар, похожий на ёлочную игрушку.

— Это я.

Картинка сменилась. Экран запестрил множеством шаров, разных по цвету и размерам.

— Это мой мир.

Юля нашарила в кармане полупустую пачку жевательной резинки и сунула пластинку в рот. Сосредоточенно работая челюстями, долго наблюдала за происходящим не экране. Прошла минута, другая, третья, а шары по-прежнему мельтешили перед глазами. Чтобы не обижать инопланетного гостя, девушка ткнула пальцем в первый попавшийся:

— Это ты?

— Нет, это Ли.

— Он китаец?

Никита наморщил лоб и тут же замотал головой:

— У нас нет различий по национальному признаку.

Юля взялась за «мышку», навела стрелку на очередной шар.

— Это Дю, — недоумённо протянул Никита. — Вот же я! Посмотрите, какие на мне блики!

Сколько бы девушка ни напрягала глаза, ни бликов, ни других отличий не нашла.

«Имена у них короткие, как обрубленные, — подумала она, — значит, там его зовут Ни. Ну и мир! От одних картинок можно сойти с ума. Недаром он оттуда сбежал».

— У нас хорошо, — опроверг её мысли гость. — У нас есть всё: тепло, свет, а главное — свобода. Мы счастливы.

— Вы — это кто?

— Люди.

Юля с трудом подавила смешок.

— Да, мы выглядим иначе. У нас нет физического тела, но тело — футляр или, если угодно, платье. Мы надеваем его, когда материализуемся на Земле. Так же, как вы покупаете в магазине наряд, мы можем выбрать любое тело.

Надо признаться, движение шаров завораживало. Пространство, в котором они плавали, то и дело меняло цвет. От серебристо-прозрачного до нежно-розового. Затем темнело, становясь густо-фиолетовым, почти чёрным, и опять размывалось. Это вызывало у Юли волнение и умиротворение одновременно.

Вспомнилось, как перед школой родители привезли её на юг. Их пансионат располагался в тихом месте, и отдыхающие купались в небольшой бухте. Каждое утро туда заплывала стайка дельфинов. «Дельфины! Смотрите, дельфины!» Лежаки вмиг пустели, люди выстраивались вдоль берега

и, затаив дыхание, смотрели на море. Там, среди волн, дельфины исполняли завораживающий танец, демонстрируя блестящие, упругие спинки. «Будто из храма вышла», — слышала Юля однажды, когда стая исчезла за волнорезом, и обернулась. Их соседка из номера напротив — старая бабушка, как тогда казалось Юле, — перекрестилась и вытерла глаза.

Оторвавшись от монитора, девушка посмотрела на часы. Ого! Скоро девять! Самое время наведаться в ближайший супермаркет — запастись жевательной резинкой и минералкой. С газом.

— Ник, я в магазин за водой. Займи себя чем-нибудь. Я мигом.

— У вас вода течёт из всех кранов, — услышала она, натягивая угги, и отмахнулась: «Потом объясню».

4

Покупателей в торговом зале почти не было. В основном суетились продавцы — выставляли на прилавки яркие коробки с йогуртами да шуршали хлебной упаковкой. Возле одной из витрин крутилась Наталья. «За молоком примчалась, — подумала Юля. — Каши наварит своей детворе. Эх, молодец Наташка! Выскочила замуж в семнадцать лет. Все говорили: рано, рано, надо образование получить. Зато теперь как выкатится во двор со своими колясками-велосипедами... Малыши у неё румяные, крепкие, как грибочки, глазки умные. Наталья на работе давно не показывается — ныряет из декрета в декрет, зато муж её вкалывает в ритуальных услугах. Не бухгалтером, не менеджером — могилы копает и всю семью обеспечивает».

Бочком-бочком, Юля переместилась к другой витрине, избегая попасть на глаза бывшей однокласснице. Та всегда

в курсе дворовых новостей, и сейчас, скорей всего, прицепится с ехидными вопросами. Остаться незамеченной удалось, Юля облегчённо вздохнула, сделала шаг в сторону нужного отдела и опять замерла на месте. Знакомая пара — Александр и Эмма — торжественно вышагивала по магазину.

Что им тут понадобилось с самого утра? Ах, да! У них праздник — можно сказать, помолвка! Сердце колотилось часто и больно. Надо же, притащились именно в этот супермаркет! Хотя чему удивляться? Эмма живёт в соседнем доме — значит, встреч не избежать. Цок, цок, цок, уверенно выстукивали по плиткам каблуки. Как она ходит в таких сапогах по улице?

Юля притаилась за витриной с конфетами, старалась и не могла отвести глаз от соперницы. «Мама права, порода в Эмме чувствуется. Уверенный взгляд, уверенная походка. Расхаживает по магазину, словно всё здесь принадлежит ей. Одета как модель. В шубе — другой, с укороченными рукавами — и длинных перчатках. Как всегда, без шапки. Чёрные локоны змеями шевелятся на её голове. Мама всегда относилась к Эмме с недоверием — считала, что та претендует на Диму, а он смеялся и говорил, что боится Эмму. Что у неё длинные зубы и она наверняка ест маленьких детей».

Наталья с коробкой молока под мышкой и пакетом крупы проскочила мимо. Кивнула на ходу — привет! «Как и я, в пуховике и сапожках на плоской подошве», — удовлетворённо отметила Юля и выглянула из засады. «Вот они: царственная Эмма и её не менее гордый спутник — на полшага сзади, в расстёгнутом модном пальто и шапке-котелке. Ботинки (папа называет их «ортопедические») и шапка делают Александра выше ростом. В продуктовой тележке полный набор: вино, фрукты, пакеты кверху этикетками — значит, что-то дорогое. Хвастун! Бутылку хорошего вина готов катать по магазину полдня».

В очередной раз нырнув за витрину, Юля притихла. Цоканье удалялось. От напряжения спина взмокла, а пуховик так облепил тело, что, казалось, приварился. Хотелось растегнуться, но молнию заело. Переждав пару минут, девушка снова решила выглянуть. Наконец-то! Эмма возле кассы. Не спеша вытягивает из сумки кошелек — большой, красный, кожаный. Александр красиво, с достоинством раскладывает продукты по фирменным пакетам. «А они друг другу подходят», — ревниво подумала Юля. Всё напоказ. Шубы — котелки — сапоги. Почему-то бросилось в глаза — у Эммы большая, словно мужская ступня. Это подействовало как микроскопическая капля бальзама. «Лошадь, — хихикнула про себя Юля. — Лошадь и хорёк в ортопедических ботинках. Ох уж этот папа!»

Тем временем пузатый охранник в чёрной форме с жёлтой надписью на спине следил по монитору за перебежками подозрительной девицы. «Ведёт себя неадекватно, — насупившись и шумно дыша носом, размышлял он. — Скачет по магазину, как блоха, но придраться не к чему — товар в руки не берёт, даже не глядит на него. Обыскать бы её, да вдруг окажется чья-нибудь дочь или любовница. Или больная. А, хуже того, журналистка. С такими свяжешься — себе дороже. Лучше шугнуть». Он оставил пост и пошёл навстречу странной покупательнице.

В свою очередь та, дождавшись, когда за её объектами наблюдения захлопнутся автоматические двери, выскочила из укрытия. Едва не снесла холодильник с мороженым, схватила бутылку минеральной воды, первый попавшийся торт и, чуть прихрамывая, поспешила к кассе. Там добавила к покупкам пачку мятной жевательной резинки. Расплатилась и под пристальным взглядом охранника выскочила наружу.

Разгорячённое лицо сразу принялся хлестать ветер, словно только и ждал Юлиного появления. Как назло, обнаружилась

только одна перчатка. Пришлось сунуть минералку под мышку, голую руку в карман, а другой крепко ухватить перевязанную бечёвкой коробку.

Метель напала со всех сторон, пригоршнями закидывала в глаза колючий снег. Пластиковая бутылка окаменела и норовила выскользнуть. Торт угрожающе раскачивался — того гляди потеряет привлекательность. Шапка сползла Юле на одно ухо, а ветер словно издевался над девушкой. Рвал её на части и раздувал пожар в душе, оживляя воспоминания о том, как всё начиналось.

5

В тот день Валерий Петрович Майоров поехал выбирать подарок сестре — садовую мебель — и взял с собой Юлю. В магазине их обслуживал менеджер, судя по бейджику — Александр. Впечатления на девушку продавец не произвёл: рост ниже среднего, манерная улыбочка, да и разговаривал с покупателями странно. Казалось, хвалит не товар, а себя. Отец сделал заказ и, сославшись на занятость, для связи дал номер Юлиного телефона.

Александр позвонил на следующий день, чтобы уточнить какие-то непонятные Юле детали. В следующий раз сообщил, что заказ готов. Третий, неожиданный, звонок был личным. Александр назначил свидание, а она почему-то согласилась.

Они встречались долго, и Юля была готова перейти к серьёзным отношениям. «В моём возрасте давно пора иметь детей, а у меня даже кошки нет», — переживала она и втихоря от Надежды Сергеевны просматривала каталоги свадебных платьев... И вот всё разрушилось в один миг.

Снег колот щёки, таял и был солёным на вкус. Юля пнула преградивший дорогу снежный ком. Чёрт! Банальная

ситуация: подруга из-под носа увела жениха. Как теперь справиться с собой и сохранить остатки достоинства?

Возле квартиры девушка задержалась, чтобы отдышаться и выудить из кармана ключи. Она опять забыла о госте и, шагнув через порог, с трудом удержала в разжавшейся руке бутылку воды. В прихожей стоял Никита.

— Я нашёл чем себя занять, — его безмятежная улыбка опять была не к месту, а светлые ресницы особенно раздражали. — Они лежали там, в стеклянном шкафу.

Судя по крошкам на его губах, речь шла о пирожках.

Вчера по пути с работы Юля заскочила в кулинарию. Там от аромата свежеиспечённой сдобы рот сразу наполнился слюной. Юля не только купила целый пакет пирогов, но и слопала один по дороге — свежий, вкусный, совсем как домашний. Такую выпечку вполне можно было выдать за свою. Дома она разложила пироги на противне и убрала в духовку, чтобы разогреть перед приходом Александра. Потом, конечно же, обо всём забыла. Так и есть! Противень был пуст.

— Вкусно, — облизнулся Никита. — Что там внутри?

— Начинка из мяса.

Пирогов было не жалко. Злило, что незваный гость продолжал бессовестно улыбаться. Просто свинство так улыбаться, когда рядом у человека трагедия.

Так и хотелось ему наругать, но Юля сдержалась — мало ли что на уме у этого существа в человеческой шкуре.

— Замёрзла, — пробормотала она и прошла в ванную. От горячей воды пальцы левой руки, которой не досталось перчатки, заломило. Они на глазах начали распухать и краснеть, а ладонь напомнила перезрелый помидор. Того гляди брызнет сок. Даже страшно. Юля отдернула руки, нацепила на лицо маску успешного человека (это она переняла у Александра) и покинула убежище.

Никита поджидал на кухне. Судя по сияющей раковине и перемытой посуде, польза от него всё-таки была. Торт и минералка уже заняли на столе центральное место. Юля отвинтила крышку и наполнила два стакана. Один сунула в руки гостю — хочешь? Тот сделал вежливый плоток, поперхнулся до слёз и вернул стакан на стол.

В махровом халате Никита больше походил на хозяина, чем на гостя, и это не доставляло удовольствия настоящей хозяйке. «Пойдём!» — скомандовала она и, убрав торт в холодильник, направилась в комнату родителей.

Отцовской одежды в шкафу было мало, но самое необходимое нашлось. Юля сложила вещи аккуратной стопой, подала Никите и, чтобы не смущать молодого человека, ушла к себе.

Кислый запах в комнате почти исчез. Девушка плюхнулась в любимое кресло-грушу — подарок родителей, — угнездилась в нём и поморщилась: недавнее застолье отозвалось тошнотой. Юля закрыла глаза: скорей бы закончился сегодняшний день.

За дверью послышался шорох и неуверенное:

— Я могу войти?

В спортивных брюках и футболке Никита выглядел не так солидно, как в халате. Бросались в глаза его непропорционально длинные ноги, короткое туловище и острый клин желудка, обтянутого футболкой. «Пирог никак не переварятся», — усмехнулась Юля и тут же подумала, что ей нет никакого дела до фигуры инопланетного гостя.

— Нууу, — хозяйка, передвинув кресло, села спиной к окну так, чтобы хорошо видеть лицо собеседника, — давай, рассказывай.

Тот смешно вытянул руки по швам и неловко переминался с ноги на ногу в ожидании конкретных вопросов.

— Имя, отчество, фамилия?

Он задумался, поднял вверх глаза, но Юля звонко хлопнула в ладоши, не позволив взять ответ с потолка.

— Вот смотри: я — Юлия Валерьевна Майорова. Юлия — моё имя, Валерьевна — отчество. Мой отец — Валерий Петрович Майоров. Майоровы — наша фамилия. Можно сказать, наследственное родовое имя. Мой дедушка — Пётр Михайлович Майоров — был известным в городе нейрохирургом. Он умер, но люди до сих пор его помнят и интересуются: не «того ли Майорова» я внучка? И я горжусь, что «тот Майоров» — мой дед. И отцом горжусь — он большой начальник на крупном заводе. И мамой — таких бухгалтеров, как она, ещё поискать.

— Для вас важно гордиться предками? Я думал, важнее то, что у человека внутри. Как начинка в пироге. В нашем мире именно так.

Разговор не получался.

— Сядь, — скомандовала Юля. Ей надоело наблюдать, как собеседник переступает с ноги на ногу, точно на ходулях.

Он послушно опустил в компьютерное кресло. Выпрямил спину, положил руки на подлокотники. Как будто ждал, что к нему сейчас подключат детектор лжи.

— Твой мир — планета?

— Нет. Это межпланетный мир, но он тесно связан с вашей планетой. Когда на Земле жизненный путь человека заканчивается, он попадает к нам и продолжает жить. Только в другой форме. Свою прежнюю жизнь он забывает и через некоторое время может вернуться на Землю, чтобы прожить новую жизнь. Потом следующую. Ещё и ещё.

Помолчав и не дождавшись очередного вопроса, Никита продолжил:

— Их много, разных миров. В наш попадают те, кто верит в его существование и отрицает факт смерти.

Юля прокашлялась и попила воды — она сегодня точно лопнет.

— Там, — гость показал глазами на потолок, — как вы уже заметили, мы выглядим по-другому и, повторюсь, забываем прошлую жизнь. Так надо. Жителям Земли свойственно совершать поступки, о которых позже они предпочитают забыть. Зато приобретённые навыки остаются с нами навсегда. Вам известны такие случаи, когда, к примеру, человек впервые садится за руль и управляет машиной не хуже профессионала?

Нечто подобное произошло с самой Юлей, ещё в студенческие годы. Как-то раз она пожаловалась на неудачную стрижку однокурснице. Та с минуту разглядывала Юлину голову, потом взяла в руки ножницы — дай-ка я попробую — и привела причёску в норму. Да так здорово, что удивились все, в том числе и сама однокурсница.

Рука невольно поднялась и потрепала непривычно прилизанную макушку.

— Мы основательно готовимся к путешествию. Изучаем последние данные о законах, порядках той страны, где планируем воплотиться. Затем выбираем пол и родителей, — продолжал вещать Никита. — И всё, человек готов для следующей жизни. Можно отправляться на Землю. Для тех, кто считает нецелесообразным тратить время на взросление, есть другой вариант, проще. Можно сразу воплотиться взрослым, как это сделал я. В таком случае требуется лишь выбрать пол и физическое тело. Входишь в тело, затем упаковываешься в костюм для путешествий и — в путь.

Юля прижала ладони к щекам. Кажется, она разговаривает с умалишённым. В висках стучало. Комната качнулась и поплыла. Снова подступила тошнота. Юля прикрыла рот рукой и согнулась, пытаясь как можно ниже склониться над

полом. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Это просто нервы. Ей всё померещилось. Такое бывает. Сейчас она распрямится и увидит пустое компьютерное кресло и снежную пелену между шторами.

— Возвращение на Землю — не только приятное путешествие. Мы занимаемся важным делом: досконально изучаем особенности жизни человека на этой планете.

Знакомый голос заставил открыть глаза. Комната остановилась, но картина осталась прежней — за окном метель, а странный гость в той же неестественной позе. Изменился его взгляд: стал сочувствующим и даже виноватым. Никита заговорил быстрее, словно оправдываясь:

— Это необходимо. Жители Земли взяли слишком быстрый темп. Тем самым они раскручивают планету. Она с каждым годом вращается всё быстрее и однажды может совсем исчезнуть. Скажите, у вас бывает ощущение, что вы стоите на месте, а время проносится мимо?

С этим можно было согласиться. Юля не раз ловила себя на мысли, что в сутках не двадцать четыре, а каких-нибудь восемнадцать часов.

— Наши исследования хранятся в надёжном месте, — не унимался Никита. — Когда Земля исчезнет, мой мир соединится с подобной, пригодной для жизни планетой. Люди будут воплощаться на ней, и им не придётся начинать всё сначала. Вот тут, — он многозначительно поднял палец, — и пригодятся собранные нами знания.

Юля выбралась из кресла. Мысли в голове закипали, напрыгивали друг на друга, падали и снова вскакивали. Надо отвлечься. Вот что! Надо выпить чашку крепчайшего кофе. Или даже две.

— Сиди здесь, — бросила она на ходу и вышла из комнаты.

6

В кухне девушка прилипла к окну и смотрела на улицу, не различая предметов. Точно хотела заземлиться. Мысли начали группироваться и кое-как выстроились в нелогичную корявую цепочку, благодаря которой напряжение отпустило, а зрение сфокусировалось.

Во дворе резвилась малышня. Снег им нипочём, подумала Юля. Вон и Наташка со своими. Улыбается, наверное. Она всегда улыбается. Будь у Юли столько детей — да хотя бы один, — она бы тоже улыбалась. Мать близнецов прогуливалась у подъезда. Колёса у коляски маловаты, далеко на такой не уедешь, — отметила про себя Юля. Сразу видно, выбирала женщина. Ну и горе-папаша! Вдруг вспомнилось: мать близнецов зовут Альбина. Её историю недавно пересказывала во дворе Наталья. Коротко это выглядело так: Альбина долго не могла родить, и свекровь поедом ела бесплодную сноху. Бесхребетный муж при этом занимал сторону матери. Когда же чудо свершилось и долгожданные дети появились на свет, их папаша сбежал без оглядки от такого счастья. Оказалось, он ждал одного ребёнка, а стать отцом двоих не готов. Свекровь же объявила молодой матери: «Сама виновата!», не вдаваясь в подробности: в чём и перед кем. А Альбина молодец! Плюнула на мужа с его мамашей, квартиру у них оттяпала и растит себе детей.

Юля нарисовала на стекле рожицу и вздохнула: а тут — ни мужа, ни детей. Только вон, чудо межпланетное. Может, уже улетел? Хотя вряд ли. Наверное, сидит в кресле и смотрит на дверь не мигая. Как кот.

Так и не заварив кофе, Юля вернулась назад. Ещё много вопросов оставалось без ответов.

— Объясни, что значит — выбрать родителей?

— Угу. Так вот. Задолго до путешествия на Землю человек (Юля усмехнулась) выбирает тему для изучения. Любую, по своему вкусу, и начинает над ней работать. У нас есть свой информационный центр. Наподобие вашего интернета, только информация там достоверная. Будущий путешественник собирает материал и тщательно его изучает. Но! Теоретические знания, не пропущенные через жизненный опыт, искажают действительность. Чтобы этого избежать, требуется воплотиться на Земле и прожить обычную человеческую жизнь. Тогда исследование будет считаться полноценным.

Никита выдержал паузу, давая время осмыслить сказанное.

— К выбору семьи нужно подходить ответственно, чтобы в дальнейшем жить в условиях, наиболее благоприятных для сбора материала. Варианты родителей нам предлагаются, нужно лишь вычислить наиболее подходящий. Если же мы воплощаемся во взрослом возрасте, наличие родителей необязательно. Они как бы есть, но где-то далеко, или, говоря вашим языком, умерли. Собственно, это всё. Прожив человеческую жизнь, мы возвращаемся назад, заканчиваем труд и сдаём его в хранилище.

Принять услышанное было сложно. Юля провела тест: несколько раз сжала и разжала кулаки. Ногти больно впивались в ладони — значит, она не спит. Тем не менее блондин в папиной одежде сидел напротив неё и спокойным, ровным голосом нёс откровенную чушь. Может, это шутка? А если всерьёз?

Прошло не больше минуты, и общая картина неожиданно ровно уложилась в Юлиной голове.

— Проще говоря, сначала вы выбираете тему диссертации и изучаете теорию. Потом прилетаете на Землю и влезаете в человеческую шкуру. Живёте так лет до восьмидесяти, умираете, возвращаетесь в свой мир. Там дописываете

диссертацию, защищаете и сдаёте в архив. После этого некоторое время отдыхаете, а потом всё сначала. Так?

— Нуу... Приблизительно. Мы проживаем столько земных лет, сколько сами считаем нужным. Одни торопятся доделать работу и вернуться назад. Они проживают короткую земную жизнь. Другие работают вьедливо, не спеша, и живут по сто, а то и больше лет. Мы свободны в своём выборе. Ещё хочу внести дополнение по поводу костюмов. Их два вида. Одни, как у меня, для тех, кто прилетает взрослым. Другие имеют круглую форму и вот такой размер, — он очертил пальцем круг величиной с детский мяч. — Те, кто в них упаковываются, во время перелёта постепенно уменьшаются в размерах и прилетают на Землю в виде маленькой, почти незаметной точки. Точка проникает в женский организм, и при благоприятных условиях в нём зарождается новая жизнь.

Юля поморщилась: ну и зануда. Пока его дослушаешь, состариться можно.

— Стесняюсь спросить: как эта самая точка «проникает»?

— Через дыхание. Как же ещё? Появление нового человека всегда связано с дыханием. Вы этого не знали?

Она знала. У Натальи вторые роды были сложные. Весь двор в курсе, как она рожала. Как вдыхала, как выдыхала.

Никита поднялся с кресла, подтянул штаны, отчего стал похож на циркового клоуна, и заходил по комнате.

— Вернувшись назад, мы получаем яркий блик — отметку путешественника, а закончив работу над исследованием и отправив его в хранилище, увеличиваемся в размерах. После этого наша память стирается, ведь помнить прежнюю жизнь ни к чему. Главное, когда живёшь на Земле, — не забывать, что настоящий наш дом там.

Никита поднял вверх глаза и мягко улыбнулся.

Юля выкарабкалась из кресла, подошла к окну и распахнула шторы. Сквозь снежную пелену неожиданно пробил-

ся солнечный луч и лизнул лицо Никиты. Тот встрепенулся и приосанился.

— К примеру, я. Сейчас я взял тему «Чувства и эмоции». Научиться чувствовать и испытывать эмоции (он поочерёдно ткнул себя в грудь и в голову) — задание не из простых.

Юле хотелось заткнуть уши и не слушать противного зазнайку. Со вчерашнего вечера она стремилась совсем к противоположному — ничего не чувствовать и не испытывать. Тем временем гость расхваливал себя на все лады:

— Я не собираюсь терять времени даром. Знаете, у меня уже получается. Я чувствую: там, на улице, у вас что-то случилось.

— Да, случилось, — огрызнулась Юля. Слушать чужие бредни — одно, но выворачивать душу перед каждым идиотом она не собиралась. Потому вспыхнула чиркнутой спичкой: — Я встретила тех, кто причинил мне боль.

— Боль?

— Ты даже не знаешь, что такое боль! — разозлилась девушка, подскочила и вlepила ему пощёчину.

Ударила сильно. Следы от пальцев отпечатались на щеке багровыми припухшими полосами. Никита сел на прежнее место и притих.

Гнев прошёл так же быстро, как и появился. Как-то неплохо получилось.

— Больно? — спросила Юля виновато.

Гость потрогал распухшую щёку и испуганно кивнул.

— Мне тоже больно. Только вот тут, — девушка приложила ладонь к груди и примирительно добавила: — Извини. Пойдём на кухню. Будем пить чай с тортом. Таких вкусных в вашем мире наверняка не умеют печь. Кстати, можешь обращаться ко мне на «ты».

Процесс принятия пищи в мире Никиты не относился к удовольствиям. Потому он раньше хозяйки проскочил

в дверь и, сидя на табурете, поджидал, когда чашку — большую, красную в белый горох — ему наполнят чаем, а на блюде — такое же гороховое — положат угощение.

Юля никогда не видела, чтобы так ели торт. Даже дети-сладкоежки ведут себя гораздо спокойней. Никита же абсолютно неинтеллигентно отхватывал ложкой большие куски, впихивал в рот и, зажмурив глаза, качал головой.

«Вот бедняги, сидят там без сладкого», — посочувствовала девушка. Её так и тянуло снять ролик и выложить в интернет.

Первый кусок испарился сразу. «Приятного аппетита!» — Юля положила следующий и, оставив инопланетянина допивать чай, улизнула в свою комнату. Там срочно требовалось сделать влажную уборку. Неудобно, когда тапки гостя липнут к полу. Ещё отразит это в своей диссертации.

Уединившись, Юля загрустила. Гость гостем, а её проблема так никуда и не ушла. Сейчас всё выглядело очевидным. После Эмминого новоселья у Александра то и дело появлялись неотложные дела, а телефон подруги зачастую не отвечал. Как можно было раньше этого не заметить? Юля взялась за швабру. Яростно натирая пол, рассовывала вещи по местам и фыркала, словно подхватила насморк.

Вскоре комната приобрела приличный вид. Хозяйка распахнула дверь и вышла, стягивая на ходу резиновые перчатки. Тишина. Фуу! Кажется, наваждение прошло. Но — нет. Из-за соседних дверей донёсся слабый стон. Там на родительском диване полулежал Никита — бледный, страдающий. Побелело не только его лицо, даже ресницы окончательно потеряли цвет, отчего глаза казались лысыми.

— Кит, что случилось?

Он замер, с трудом приподнялся на локте, огляделся по сторонам и пролепетал:

— Кит — морское млекопитающее из разряда китообразных. Имеет самые большие размеры. Среднее животное во взрослом возрасте достигает длины двадцать пять метров, массы — сто тонн...

— Вот справочник ходячий, — перебила Юля. — Кит — это ты! Сокращённо от Никиты. Уменьшительно-ласкательное.

— Уменьшительное? — обессилев от разговора, он упал на подушку и простонал: — У меня проблема большого размера. Торт больно ударил меня в живот.

Догадка тут же осенила Юлю. Миг — и она очутилась на кухне. Подозрения оправдались. За утро гость не только слопал полтора десятка пирогов, но и умял килограммовый торт.

Она покопалась в аптечке, впихнула лекарство в рот больному и даже погладила по голове. Никита закрыл глаза и застонал. Ни дать ни взять захворавший мужчина с планеты Земля.

Вскоре он уснул, а Юля задумалась. Похоже, горе-путешественник не осознаёт, в какую ситуацию попал. Прилетел неизвестно откуда. Собрался жить среди людей. Легко сказать. Где жить? На что жить? В конце концов, человек — не птица перелётная, ему документы нужны. Вот тут уж точно проблемы большого размера. Непонятно, как он собирается их решать...

Никита проспал весь день. На ужин получил овсянку на воде и чашку сладкого некрепкого чая. Юле пришлось смириться с тем, что ночевать незваный гость останется у неё — не выгонять же больного на улицу.

Устраиваясь на ночь, он благодарно пробормотал:

— Подождём до завтра. Я так торопился, что опередил время и, кажется, отклонился от курса. Потому и получилась задержка с документами. Надеюсь, утром меня обеспечат

подушкой безопасности — всем необходимым на первое время. Ну а потом я смогу рассчитывать только на себя. Таковы правила. Потерпи меня немного.

Ночью Юлю атаковали мысли. Одну, самую назойливую — о предательстве Александра, — она гнала прочь, стараясь переключиться на рассказанное Никитой. Странно, если человек (а он считает себя человеком) живёт в мире, где счастлив, зачем ему возвращаться на Землю и прожить другую жизнь?

Послышались шаги. Юля вздрогнула и бросила на дверь испуганный взгляд. Нет, показалось. Когда же наконец наступит утро? Не очень-то уютно ночевать в одной квартире с инопланетянином. Время, как специально, еле ползёт. Интересно, там, в другом мире, оно такое же резиновое? Или его вовсе нет? Надо спросить. Да уж, изъясняется инопланетянин странно. Вместо того чтобы сказать: «Я подумал», говорит: «Я сделал запрос». Вместо: «Я догадался» — «Мне пришла информация».

Незаметно сон начал пеленать девушку, а мысли стали путаться. Скорей всего, нет никакого Никиты. Всё это ей приснилось, а может, продолжает сниться. Какой-то сон во сне. Нужно встать, дойти до соседней комнаты и убедиться, что там никого нет. Но сил на это уже не осталось.

7

Под утро Юле снилось: она сидит за столиком в кофейне. Одна. С потолка на блестящих нитях спускаются золотые шары. Много шаров. Они вращаются, переливаются и отражаются в стеклянном потолке вместе с ней. Вот к столу подошёл официант в неестественно белой рубашке и застыл с подносом в руке. На подносе чашка. Не маленькая, кофейная, а огромная красная в горох. Это для неё. Здесь больше

никого нет. Только она и официант. Он приветливо улыбается. Ого! Ради такой улыбки можно ходить сюда по сто раз в день.

Сон нарушил осторожный стук. Шары, стеклянный потолок — всё исчезло. Остался только запах кофе. Показалось, что там, за дверью, красавец официант. Юля поправила волосы. Дверь медленно открылась. На пороге стоял Никита в папином халате. Свежий — видно, только из душа. На лице улыбка.

— Доброе утро! Сейчас будет кофе!

«Лучше бы сном оказался ты», — беззлобно подумала Юля и потащилась умываться.

В кухне было свежо. Из открытой форточки доносились утренние звуки. На каждый из них Никита реагировал по-разному. Посигналила машина — вздрогнул. Гавкнула собака — замер. Донёсся детский плач — помрачнел. Юля захлопнула окно и села за стол. Роль хозяина сегодня выполнял Никита.

— Вкусно. Молодец. Я обычно пользуюсь кофеваркой. Кто научил тебя варить кофе в турке? — Юля наморщила лоб, подняла кверху глаза. — Тебе пришла информация?

— Прочитал инструкцию на пачке.

Шутка не удалась. Девушка отставила пустую чашку и кивнула — пойдём.

В комнате, где временно проживал Никита, царил геометрический порядок. Вещи, сложенные аккуратным квадратом, лежали на стуле чётко посередине. Сам стул — ровно придвинут к столу, а ножки его — в строгом соответствии рисунку ламината. Пульт — перпендикулярно телевизору.

Порывшись в мамином ящике, Юля достала пачку бумаги, сверху положила ручки, карандаши и многозначительно посмотрела на гостя — давай, рисуй свой мир.

Придвинув к себе чистый лист, Никита изобразил нечто, напоминающее перевёрнутую матрёшку. Рядом с ней начертил большой круг.

— Схематично это выглядит так, — он ткнул карандашом в круг. — Это Земля. А это, — он указал на «матрёшку», — мой мир. Он состоит из двух частей. Мир Малый и мир Большой.

От условной Земли инопланетянин прочертил две параллельные линии к маленькой части матрёшки.

— Это тоннель. Через него осуществляется связь между Землёй и Малым миром. Когда человек заканчивает земное существование, или, по-вашему, умирает, он покидает физическое тело, принимает форму шара и отправляется в путь.

Внутри тоннеля Никита стрелкой обозначил направление.

— Малый мир — мир промежуточный, но значение его велико. В нём сосредоточено всё самое важное. Отсюда ведётся наблюдение за внешней средой. Здесь же проходит адаптация человека к его новой форме. Забывая земную жизнь и не утрачивая при этом навыки, в Малом мире новички занимаются привычным делом. Чаще всего, это связано с организацией путешествий. Руководство тоже находится в Малом мире. Задача руководителей — следить за общим процессом и за работой новичков.

Никита говорил медленней, чем обычно, то и дело вытирая ладонью лоб.

— Новички пребывают в Малом мире, пока знания их актуальны, а затем отправляются в мир Большой.

Рисунок дополнился короткой, чуть заметной линией, скорей всего, обозначающей тоннель между Малым и Большим мирами.

— Там человек появляется в виде крошечного бесцветного шара и первое время отдыхает и восстанавливает силы.

Отдыхать можно сколько угодно. Можно больше вообще не возвращаться на Землю, но тогда так и останешься маленьким и бесцветным.

Юля потрогала лоб. Он показался горячим. Её вдруг замутило, словно укачало в автобусе.

Вид Никиты — от позы до электрического блеска в глазах — говорил о том, что гость готов продолжить рассказ. Юле же требовался перерыв. Она придвинула другой, чистый, лист и принялась беспорядочно чертить геометрические фигуры: квадраты, треугольники, круги. Тем временем мозг её напряжённо обрабатывал информацию и, казалось, гудел, как вентилятор в перегретой машине.

В какой-то момент мысли, делавшие зигзаги, выровнялись, и Юле, хотя и с трудом, удалось собрать услышанное в примерную модель. Выглядела она так: человек, умирая, покидает тело и в форме шара отправляется в Другой мир. Сначала (ненадолго) он попадает в карантин, то есть в его малую часть, а затем перемещается в основной — Большой мир. Его-то и показывал Никита на экране монитора. Там, в Большом мире, человек-шар занимается научной работой и получает возможность вернуться на Землю и прожить следующую земную человеческую жизнь. И так по кругу: то возвращается на Землю, то улетает в Другой мир. Скорей всего, Никита прав: после каждого путешествия человек-шар растёт, иначе чем объяснить, что на «фото» все они разных размеров...

— Допустим, — нехотя протянула Юля. — Но, если ваши обитатели увлекутся путешествиями и начнут быстро расти, мир ваш просто лопнет. Или он не имеет границ?

— Границы есть, они эластичны и могут растягиваться, но не это главное. Когда в Большом мире мы достигаем определённой величины, то перемещаемся в Малый мир, уже в качестве руководителей. У нас их не избирают и не

назначают. Во главе стоит тот, кто может что-то дать, и до тех пор, пока есть что дать. Руководить у нас не значит отдавать приказы. Заняв ответственный пост, мы бок о бок работаем с новичками и делимся опытом. Отдаём всё, что накопили, опять становимся маленькими и возвращаемся в Большой мир, чтобы начать всё сначала.

«Однааааа! Продвинутый мир. Неплохо бы и нам использовать такую схему», — подумала Юля и тут же опровергла собственную идею. Трудно представить, как депутаты выкачивают из себя всё до потери веса и отдают избирателям, а после отставки живут бок о бок с народом на такие же зарплаты. Это уже самый бредовый бред.

За разговорами подошло время обеда, и Юля решила: раз гость считает себя человеком, требуется вывести его «в люди».

8

Кафе «Лакомка» располагалось в двух шагах от дома, и всё же банный халат и спортивные брюки для общественного места не годились. Родительский шкаф снова подвергся досмотру, и кое-что из «уличных» вещей отыскать в нём удалось. Рукава куртки и джинсы были слегка коротковаты, но в общем получилось неплохо. По крайней мере, Никита своим отражением в зеркале остался доволен.

«Лакомка» разделялась на два зала: большой — для взрослых и поменьше — для детей. Вход-арку в маленький зал украшал цветной дождь и воздушные шары, внутри переливались огоньки гирлянд и улыбались со стен мультяшные персонажи. Сегодня там было шумно: кому-то из ребят справляли день рождения, и клоуны в ярких высоких колпаках развлекали юных гостей. Юля подумала: будь она на месте аниматоров, справилась бы гораздо лучше. Скорей все-

го, те неудачно подобрали программу: малыши веселились, а ребята постарше откровенно скучали. В своих педагогических способностях Юля не сомневалась. За пять минут, по дороге в кафе, она разъяснила инопланетянину правила поведения за столом. И вот результат: Ник ловко расправился с комплексным обедом, не привлекая внимания. Даже, получив заслуженный десерт, не задал ни одного вопроса. Лишь временами переводил взгляд от вазочки с мороженым за окно на снежные сугробы.

К концу обеда Никита окончательно освоился и стал поглядывать в арку. Малыш, что сидел у входа и нехотя ковырялся в вазочке, поймал его взгляд. Улыбнулся и помахал ложкой, заляпав стол и рукав рубашки густыми бело-розовыми каплями. Другой мальчик — постарше, — до той минуты уныло подпиравший кулаком щеку, невероятно позабавил Никиту, показав ему язык и скорчив рожицу. Тут же, заметив плачущую девочку с бантом, Никита сам постарался изобразить подобную гримасу. Получилось неплохо: слёзы девчушки застыли на щеках, и даже розовый бант удивился.

— Прекрати заигрывать с детьми, — сквозь зубы процедила Юля. — Тебя могут неправильно понять.

Она ошиблась: молодые мамы ничего не имели против внимания со стороны молодого человека.

Плотный обед успокоил Юлю и вызвал желание прогуляться. Даже дослушать инопланетный абсурд она, казалось, была готова. Сытый Никита сделался ещё более разговорчивым.

— Мой мир похож на те мягкие шары, что висят в кафе. Как они называются?

— Воздушные.

— Да. Два соединённых между собой огромных воздушных шара. То, что ты вчера видела на экране, — зона отдыха

в Большом мире. Там можно расслабиться, отключить мысли, а если есть желание — пообщаться. Конечно, уважая чужое пространство и не нарушая его границ.

Вывод напрашивался: навязываться, лезть в душу и давать советы там не принято.

— Дома, магазины, кафе — всё, чем набита ваша планета, нам не нужны. Это — лишнее.

Юля остановилась и посмотрела по сторонам.

— Из чего тогда состоит твой мир? Что там есть, внутри воздушного шара?

— Тоннели. У нас множество тоннелей. Причём для работы каждому выделен персональный.

«Кабинет», — подумала Юля.

— Там мы создаём труды, а потом записываем на энергетический носитель.

«Флешка или диск», — кивнула она.

— Большой мир — лёгкий и спокойный. Я бы сказал, индивидуальный, в отличие от Малого, более активного мира.

«В одном работают головой, в другом — руками, — улыбнулась девушка. — Хотя рук-то у них как раз и нет».

— Догадываюсь: тебя интересует, как люди в нём обходятся без глаз, рук, ног, как понимают друг друга без слов, — считал её мысли Никита. — Так вот. Всё, что необходимо, есть у каждого из нас внутри. Мы видим мир внутренним взглядом, а для работы используем силу мысли, воображение и визуализацию. Мы чувствуем и общаемся по-своему — на энергетическом уровне. Сравнить наши миры, пытаться анализировать, который из них лучше, бессмысленно. Они разные, и в каждом свои законы и правила. К примеру, процесс питания. В нашем мире он совсем другой. Осознав, что потрачено много энергии, мы перемещаемся в специальный тоннель. Вращаемся в нём, как по спирали, — и на выходе всё готово. Мы заправились и можем

работать дальше. Скажу честно, мне ваш процесс принятия пищи нравится больше.

Юля сделала знак рукой. Никита понял жест правильно и замолчал.

Включив своё — земное — воображение, девушка постаралась представить, как это выглядит. Большой мир она частично видела, остальное могла додумать. С Малым миром было сложнее. И вдруг как будто что-то щёлкнуло в голове. Не зря отец донимал рассказами о любимом предприятии — Юля всегда воспринимала его как город внутри города. Сейчас Малый мир представился ей как крупнейший завод. Почему-то первым делом она подумала, что там должны быть склады, где хранится субстанция для изготовления комбинезонов, и что-то типа ателье по пошиву одежды. Представила, как конструктор или технолог мысленно рассчитывает параметры костюма и телепатически передаёт их швее. Та смотрит на так называемую «ткань» и без швейной машины формирует из неё одежду. Наверняка в Малом мире имеется канцелярия, где готовят документы путешественникам таким же — безруким — способом. Есть курьеры по доставке бумаг на Землю. Какие-нибудь центры, где составляются биографии, психологи подбирают родителей, а риелторы жильё. Что-то такое она уже читала или слышала. Сведения эти были обрывочными, но раз имеется очевидец, придётся принять на веру то, что он утверждает. Юля подумала, что в последние дни в её жизни всё перевернулось с ног на голову. Казалось, толкни сейчас ствол дерева — и снег посыплется не вниз, а вверх.

Не сдержавшись, Юля перелезла через сугроб и вцепилась в ветку. Снег упал куда положено, в том числе и на самую Юлю. Она отряхнулась и повернула к дому.

Возле детской горки представитель другого мира собрался было задержаться — понаблюдать за вознёй малышей,

но девушка бесцеремонно схватила его за рукав отцовской куртки и потащила к подъезду.

— Они интересные, эти маленькие существа, — послушно переставляя ноги, оправдывался Никита.

«Что я его всё время дёргаю? Человек просто любит детей», — устыдилась Юля и с трудом сдержала смехок — человек!

— Ты прав, они другие: непоседливые, любопытные. Живут в своём детском мире. Тебе надо у них поучиться. Малыши эмоциональны, и очень хорошо чувствуют. Особенно ложь. Как маленькие барометры.

Никита закатил глаза. Наверное, хотел узнать, что такое «барометры», и, только войдя в подъезд, удовлетворённо кивнул.

Лифт послушно поднял пассажиров на нужный этаж. Остаться незаметными не удалось. Из дверей напротив выглянула соседка, поздоровалась и просканировала молодого человека острым взглядом.

Пока Юля запирала замок и снимала пуховик, её подопечный ловко переоделся. Развесил одежду, без напоминаний помыл руки и, пригладив волосы, пошагал вглубь квартиры. «За дамой не поухаживал», — сделала мысленное замечание девушка, но озвучивать не стала — всему своё время.

Она прошла следом за Никитой в «его» комнату и включила телевизор. Наступило время новостей — как раз то, что нужно. Хозяйка настроила местный канал — смотри и проникайся человеческими проблемами, — а гость, проводив её взглядом, послушно устался на экран.

9

Присутствие постороннего в доме напрягало. Как будто не он, а Юля была в гостях. «Надо отвлечься», — подума-

ла она, усаживаясь за компьютер. На глаза сразу попала папка с фотографиями за последние полгода. Снимков много, и все вперемешку: со дня рождения однокурсницы, со свадьбы друзей, с Натальиными детьми (та убедила — хорошая примета). Юля знала: больше всего там фотографий Александра. Он любит позировать возле чужих дорогих автомобилей и в дверях брендовых магазинов. Рука потянулась к клавиатуре и застыла. Открыть? Рассортировать? Удалить ненужные? Юля медлила. Откуда взялась эта Эмма? Столько лет пропадала и вдруг явилась. Устроила из своего возвращения фейерверк: квартиру купила, жениха отбила. Весь двор это обсуждает. А ей, Юле, что теперь делать? Застрелиться? На улицу выйти стыдно. Как будто украла чего. Так и кажется, что все за ней наблюдают, как охранник в супермаркете. Да ещё Никита этот навязался. Соседка только что: «Здравствуйте, здравствуйте!», а у самой нос трясётся от любопытства. Странно, что Наталья помалкивает. У неё обычно свербит — кто кого бросил, и кто кого нашёл. Да пошли они все! Она что, должна кому-то? Палец с силой ударил по клавише, папка с фотографиями улетела в корзину, а Юля постаралась сосредоточиться на работе.

— Ты любишь цифры? — за спиной неслышно материализовался Никита.

— За этими цифрами стоят живые люди.

— Где?

— Ооо! — на манер гостя девушка закатила глаза и постаралась набраться терпения. — Я работаю главным бухгалтером в духовом оркестре. В данный момент рассчитываю премию нашим музыкантам, — первые фразы она отчеканила по слогам. — Они талантливейшие люди. Почти гении. И это — мнение специалистов. Понимаешь, мастерство музыканта оценивается категориями. К нам приезжает

серьёзная комиссия, проводит аттестацию. Меня тоже приглашают. Правда, мне-то как раз «медведь на ухо наступил».

Никита покосился в сторону, и Юля дёрнула его за рукав — не отвлекайся.

— Так вот, был случай: на аттестации комиссия стоя аплодировала нашим музыкантам. Вот так. Хотя в жизни они как большие дети. Вечно что-то теряют, забывают, за ними только глаз да глаз. Живут в своём мире музыки. Инструмент в руки — и они уже там. А как они любить умеют! Смотришь и удивляешься: семейная пара, всю жизнь вместе, а ни насмотреться, ни надышаться друг на друга не могут. Живут на одной ноте.

— Вот! — перебил Никита, потирая руки. — Миры. Ты уже дважды упомянула про другие миры. Я согласен, один из них переходный. Дети вырастают и навсегда покидают его. Но сейчас ты говоришь про взрослых людей. Выходит, на вашей планете параллельно существуют разные миры. Их ты признаёшь, а мой мир — нет. Почему?

Юля покрутилась в кресле. В принципе, инопланетянин прав. Что бы он сказал, если б узнал про мир слепых, мир глухих и многие другие, действительно параллельные миры?

Пускаться в долгие объяснения не хотелось. Кто бы ответил на её вопросы. Почему Никита явился к ней? Не к Эмме, не к Альбине? Разве не проще было бы остановиться у одинокого мужчины? Надо выяснить, есть ли в его мире мужчины и женщины? Спросить? Хотя, судя по тому, что перед путешествием они выбирают внешность, получается, там все однополюе.

Юля напряглась, пытаясь отыскать в кипящей голове ответ хотя бы на один вопрос. Вспомнилось: незванный гость объяснял — он отклонился от курса из-за сильных вибраций, вызванных шквалом её же, Юлиных, эмоций. Якобы

они, как магнит, притянули беднягу. Кстати, он грозился сегодня показать документы и обещал съехать. Теперь топчется напротив — развлекай его! Как со всем этим быть? И как ей вообще сейчас не до этого!

Никита считал — или почувствовал (!) — Юлино настроение и принялся многословно извиняться за причинённые неудобства. Девушка слушала вполуха и ждала: если мужчина признаёт вину, значит, будет о чём-то просить. Так и есть! Он, видите ли, вынужден вновь воспользоваться гостеприимством и задержаться ещё на одну ночь.

— Ладно, — помолчав, вздохнула Юля, — даю тебе сутки. Сутки, но не дольше. Утром я уйду на работу. Ненадолго. На всякий случай оставлю тебе ключи.

Она хотела добавить: «Только без глупостей», но подумала, что придётся объяснять, что это за глупости такие, и промолчала.

Ночевать в одной квартире с малознакомым мужчиной, у которого даже паспорта нет, было неразумно. Юля это понимала. С другой стороны, те, что с паспортами, доставили ей столько неприятностей, что оставалось лишь махнуть рукой.

Вечером на всякий случай (сегодня гость выглядел вполне здоровым) девушка забаррикадировала дверь, улеглась в кровать, приказала себе думать о работе и неожиданно быстро уснула.

Поднялась она раньше обычного. По дому передвигалась бесшумно, чтобы не беспокоить гостя. Уходя, оставила на обувнице комплект ключей с брелоком-сердечком. Тот, что был припасён для Александра.

У подъезда Юля задержалась, прикидывая, ехать на машине или пробежаться пешком. Честно признаться, её езда за рулём была лишь данью моде. Водила Юля хорошо, но делала это по настроению. Сегодня выбор пал в пользу

прогулки. Девушка зашагала быстро, точно пыталась убежать от тоскливых мыслей, и на ходу уговаривала себя — сегодня третий день. Завтра она и думать забудет об Александре.

В кабинете с табличкой «Юлия Валерьевна Майорова. Главный бухгалтер» она почувствовала себя привычно уверенно и вместо намеченных двух часов провела полдня. Её спугнул Вадим Михайлович — заглянул «на огонёк» и сразу прицепился с вопросами. Как родители? Не скучаете? Утюг выключать не забываете? Женщины часто этим грешат. Рассеянный взгляд начальника на долю секунды задержался на столе — в аккурат на том месте, где раньше стояла фотография Александра, — скользнул по мусорной корзине, где было её нынешнее место, и остался таким же рассеянным. Клетчатый платок прогулялся по лысине и исчез в недрах кармана.

Простые вопросы Вадима Михайловича растревожили Юлю. Никита в квартире один. Что, если она за порог, а гость распахивает ценности по карманам и умотает. Хотя зачем в его мире нужны женские побрякушки?

— Я в налоговую, — она выключила компьютер и порадовалась в душе, что есть организация, куда можно уйти хоть на весь день.

«Юленька! Всё хочу спросить...» — соседка едва не за руку поймала её у подъезда. Юля выхватила из кармана телефон, сделала вид, что отвечает на звонок, извинилась взглядом и проскочила мимо. «Когда же всё это кончится?» — стоя перед собственной дверью, она не могла решить, как было бы лучше: чтобы инопланетный гость исчез или остался.

Её ждал сюрприз. Даже целых два. Первый — Никита догадался заказать на дом обед в кафе «Лакомка». Второй — со словами: «Полный пакет документов» — торжественно вручил пластиковую папку.

Разложив бумаги на мамином столе, Юля принялась внимательно их изучать. Получалось, что перед ней стоял Никита Сергеевич Хрусталёв, тридцати лет от роду. Родился он в глухой деревне Архангельской области. В раннем детстве потерял обоих родителей и вырос в приёмной семье военно-служащих. Он явно сменил несколько школ — новые родители часто переезжали с места на место. Высшее образование Никита Хрусталёв получал заочно, в армии служил в закрытой части. Не так давно он осиротел во второй раз. «Вполне приличная шпионская легенда», — рассмеялась девушка.

Она полистала паспорт — никаких лишних штампов, но прописка имелась. Улица и дом те же, что у неё, а квартира, судя по номеру, — в соседнем подъезде. Ну и ну. Сосед, значит.

Документы выглядели настоящими, только поблёскивали подозрительно — как новенькие, только что выданные. Особенно именная банковская карта, водительское удостоверение и документы на машину.

— Да ты у нас, оказывается, зажиточный крот.

— Крот — насекомоядное, приспособленное к подземному образу жизни... — завёл было Никита и тут же получил тычок в плечо.

— Про крота — шутка. Сейчас перекусим и пойдём смотреть твои хоромы.

На улицу они вышли порознь: сначала Никита, затем, спустя несколько минут, Юля. Она прикрыла глаза рукой, будто спасаясь от ярких лучей зимнего солнца, и быстро-быстро проскочила из подъезда в подъезд. На бегу боковым зрением отметила припаркованный неподалёку автомобиль голубого, совершенно не мужского цвета и успела подумать: он наверняка принадлежит Никите. Нажав кнопку лифта с цифрой «шесть», Юля уже не сомневалась, что перешагнёт порог той самой, «тихой», квартиры за своей стеной.

Ничего приметного в рядовой «однушке» со средним ремонтом и холостяцкой обстановкой не наблюдалось. Девушка обследовала шкафы, заглянула в пустой холодильник и тут же составила список вещей — из тех, что надо купить срочно, и ещё один — то, что может подождать до завтра.

Прогулка по магазинам заняла не так много времени: Юля не позволила Никите надолго застревать возле витрин, потому с первым списком было покончено быстро.

Назад они вернулись так же, соблюдая конспирацию. Дома, подсмеиваясь над неуклюжестью приятеля, девушка продемонстрировала, что значит смахнуть пыль и протереть пол. Затем расставила посуду, разложила салфетки, поглядела по сторонам и осталась довольна — квартира начала принимать жилой вид.

Следующим на очереди был только что купленный смартфон. Юля распаковала небольшую картонную коробку и покрутила пластиковым аппаратом у Никиты перед носом. «Средство связи. Сейчас будем осваивать». На удивление, со смартфоном последней модели (Юля сама о таком мечтала) подопечный разобрался так быстро, что осталось время чисто символически отметить новоселье. Засиживаться в гостях Юля не стала — она порядком утомилась и хотела поскорей вернуться домой. «Если что — звони», — бросила она на прощание и ушла.

Оставшись один, Никита ещё раз, шаг за шагом, обошёл квартиру. Ничего лишнего. Минимум мебели, из бытовой техники — телевизор и холодильник. С учётом машины и денег, оставшихся на банковской карте, более чем достаточно. В дальнейшем всё будет зависеть от него самого, на то он и человек.

Никита достал заветную папку и разложил на столе документы, как это делала Юля. Повертел в руке паспорт,

упакованный в гладкую чёрную обложку, и пожал плечами. Почему Юля выбрала именно такой цвет? У неё самой — он видел — все корочки ярко-красные. Никита внимательно изучил каждую бумагу, просмотрел все странички паспорта и вдоволь налюбовался собственной фотографией.

Закончив с важными, по его мнению, делами, молодой человек устроился перед телевизором и пощёлкал пультом. Программы сменяли одна другую: мелодрамы, шоу, мультфильмы. Ничем не заинтересовавшись, Никита поднялся с дивана и вышел на кухню. Там похлопал холодильником, вскипятил чайник, сел к столу и заскучал. Всё не то. Даже шоколад почему-то сделался безвкусным. Тянуло взять в руки смартфон и набрать единственный записанный туда номер. Никита поколебался, встал и отошёл к окну — нельзя злоупотреблять чужой добротой.

На улице вдоль тротуара выстроились в ряд укутанные снегом автомобили. К одному из них подошёл мужчина, закурил и принялся неспешно обметать щёткой. Рядом пританцовывала девушка в короткой шубке. Тёмные брюки обтягивали её стройные ноги, вместо шапки на голове — капюшон. Издали девушка чем-то напоминала Юлю — такая же живая и энергичная.

Никита замечтался и прозевал момент, когда машина исчезла, оставив после себя тёмный прямоугольник асфальта.

В соседнем доме то зажигались, то гасли окна. В окнах мелькали силуэты. Этот понравившийся сначала мир с его толстыми стенами сейчас показался Никите чужим. Что происходит в соседней квартире, он видеть не мог и пытался угадать. Наверное, Юля включила компьютер. Хмурится и стучит тонкими пальцами по клавиатуре. Или забралась в кресло с ногами и слушает музыку — свой духовой оркестр. Хотя, скорей всего, уже легла спать. Никита помедлил и начал неловко расправлять постель.

Юля не спала. В опустевшем доме стало неуютно и холодно, словно отключили отопление. Она надела меховую жилетку, застегнула до верха молнию и забралась в кресло. Телефон, как живой, подпрыгнул на столе и завибрировал, напевая нежную мелодию. Это мама. Вообще-то в Омске уже двенадцатый час, но родители, похоже, ещё не привыкли к другому времени.

Прикрыв глаза, Юля слушала знакомое мурлыканье. «Дочь, в чём дело? Весь вечер не выходишь на связь!» Отвечать необязательно. Мама говорит в обычной манере: тихо, слегка растягивая гласные и без пауз. Где она обедает? Кусочничает у компьютера? Ходит в кафе? Кафе тоже не лучший вариант, но если готовить совсем не получается, тогда лучше кафе. Проверяет ли перед выходом утюг? Обязательно нужно проверять утюг, свет, газ. Вор украдёт ценности, пожар уничтожит всё. Наконец прозвучал вопрос, ответ на который мама готова была выслушать: как ты вообще?

Юля неопределённо помычала и ухватилась за спасительное: что у вас с погодой? «Минус сорок», — печально вздохнул телефон. Юля охнула: двадцатиградусный мороз в родном городе заставлял натягивать на уши шапку, а нос прятать в шарф. «Сорок — нормально! — трубка уже грототала голосом отца. — Юлька, приезжай к нам! Здесь здорово!» «Да, да, — телефоном вновь завладела мать, — папе сегодня здорово. За окном сорок и на столе сорок. Баланс». Юля засмеялась — родители тоже вырвались на свободу. Кажется, несмотря на поздний час, у них гости. «У нас тётя Рита. Она передаёт привет», — подтвердила догадку Надежда Сергеевна, заканчивая разговор. Сестру матери Юля помнила смутно, но обратный привет отправила.

В доме сразу потеплело. Она скинула жилет и включила телевизор. Шёл любимый Натальин сериал, из тех, что молодые мамы обсасывают во дворе. Смотреть его не хотелось.

Зачем, если и так всё ясно? Вот он — красавчик: то ли тренер фитнес-клуба, то ли массажист, водит за нос двух женщин. Бедняги страдают и подстраивают друг другу каверзы. Скорей всего, скоро появится третья, а две предыдущие объединятся и будут дружить против неё. В кино всё просто.

Девушка настроила музыкальный канал, перебралась в кровать, закуталась в плед и задремала. Ей снилась Эмма. Та смеялась, закидывая назад голову, и скалила длинные зубы. Юля видела, как копошились змеи на её голове, слышала их шипение и силилась открыть глаза, но сон не отпускал.

10

Его прогнал телефонный звонок. Глаза тут же разлепились, и Юля обнаружила, что наступило утро, а она проспала всю ночь прямо так, не раздеваясь. В трубке пошуршало, потрещало, и Никитин голос отчеканил: «Приглашаю тебя на чашку кофе».

Заметавшись по комнате и плечом придерживая телефон, Юля скомандовала:

— Бегом ко мне! Сваришь кофе здесь. Я на работу опаздываю.

Любимый утренний напиток Никита приготовил быстро, но пил без удовольствия. Глотал, словно воду. Пока девушка закидывала в сумку всё, что могло бы пригодиться, приятель крутился рядом. Вышел следом в коридор, помог надеть пуховик и вздохнул.

— Я должен вернуться к себе?

Снова вздох.

— В моей квартире пусто и ничем не пахнет. Я не спал всю ночь, — он прижал руку к груди. — У меня болело здесь. Можно я ещё немного поживу у тебя?

Юля помедлила. Что прикажешь делать? Будь он настоящим человеком, отвела бы к врачу. Но у Никиты, возможно, вместо органов провода или вообще пустота, как в воздушном шаре. Неизвестно, из чего они там сделаны.

— Ладно. Живи. Понаблюдаю за тобой. Держи, — она протянула ключи, ставшие дежурными. — Прогуляйся по магазинам, посмотри город, а вечером выясним, какой из тебя водитель.

Юля выскочила из квартиры, поняла, что в спешке вместо короткой автомобильной куртки надела всё тот же пуховик, но возвращаться не стала.

Дверь захлопнулась, а запах сладких духов всё ещё витал в воздухе. Никита облокотился о стену, на несколько секунд замер и заторопился к окну.

Автомобиль — большой, чёрный монстр — проглотил Юлю, помедлил, выпуская клубы дыма, и, вздрогнув, покатился по дороге. Из-за подголовника не видно было даже Юлиной макушки. Прежде чем скрыться, машина несколько раз мигнула фарами, и обрадованный Никита помахал вслед рукой.

С блаженной улыбкой он обошёл знакомую квартиру и надолго задержался возле картины, любуясь «Незнакомкой». Здесь всё пахло Юлей. Мебель, странички забытого ежедневника. Даже вода из крана. В коридоре на пластмассовых плечиках висела кутка — короткая, на светлом меху, с пушистым воротником. Никита потянулся к ней, вдохнул запах и поцеловал мягкий мех. Теперь оставалось только дожидаться возвращения хозяйки. Времени до открытия торгового центра оставалось достаточно. Никита соорудил многоэтажный бутерброд и устроился возле телевизора. Посмотрел утренние новости, затем рекламу. Дальше началась сто первая серия мелодрамы. Герои фильма топтались на небольшом пятачке унылой комнаты с пустыми, ничего не выражаю-

щими глазами, и бубнили слова из текста. Ни чувств, ни эмоций. Так что хотелось подойти к экрану и заглянуть внутрь, чтобы удостовериться — не читают ли артисты по бумажкам? По другому каналу шли те же самые, только что просмотренные новости. Никита недовольно фыркнул — всё это показывали ещё вчера. Он допил остатки утреннего кофе, взял в руки надоевший за ночь смартфон, обнаружил, что тот разрядился, и, потеряв терпение, вышел на улицу.

Двор был пуст, словно ещё не проснулся. Голубой автомобиль, за ночь припорошенный искрящимся снегом, сучал без дела. Казалось, заметив хозяина, он бросил укоризненный взгляд и отвернулся. Никита подошёл к машине, порылся в карманах в поисках ключей, но там лежал лишь список «номер два», из которого нужно было хоть что-то приобрести самостоятельно. Изучив его, молодой человек побрёл в сторону магазина, изредка подкидывая носками ботинок пушистые белые холмики.

Ближайший торговый центр заманивал покупателей броской рекламой, и Никита, поверив призывным улыбкам нарисованных продавцов, поспешил зайти внутрь. Ему действительно удалось купить многое: на третьем этаже — ноутбук, на втором — кое-что из одежды и на первом — торт. Тот самый, что Никита присмотрел ещё вчера, но не решился положить в корзину.

Торопиться домой не имело смысла. Он шёл не спеша, поглядывал по сторонам, и отмечал, как оживает город. Словно по команде, во всех подъездах вдруг запищали домофоны, захлопали двери, выпуская истомившихся людей на улицу. И улица зашумела, заговорила, отозвалась телефонными трелями.

Обвешанный фирменными пакетами, Никита ввалился в квартиру и с удивлением обнаружил: на всё у него ушло

меньше двух часов. Умышленно не торопясь, он разобрал покупки и занялся ноутбуком.

Наличие паспорта превратило Никиту Хрусталёва в обычного человека. Теперь, чтобы управлять гаджетами, ему недостаточно было махнуть рукой или щёлкнуть пальцами. Пришлось терпеливо изучать руководство пользователя. Время пошло быстрее, и всё же не так быстро, как хотелось бы Никите. Вскоре он устал и решил прогуляться до кафе.

Там, полистав меню, понял, что совсем не хочет есть. Заказал пирожное, выпил чашку чая и вернулся домой. За время его отсутствия цифры на электронных часах почти не изменились.

Промаявшись ещё час, Никита готов был подвергнуть сомнению теорию об ускоренном вращении планеты, и тут — о счастье! — раздалось долгожданное царапанье ключа, и в дверях появилась Юля. Цифры на часах точно проснулись, опомнились и начали торопливо сменять друг друга.

— Ты обедал? Я — нет, — свежая, румяная с мороза, в нежно-розовой блузке с вышитой на воротнике чуть заметной буквой «Ю», Юля казалась нечеловечески красивой. Она с головой нырнула в холодильник, а Никита молча застыл рядом. — Не стой как столб! Помогай, — прикрикнула девушка, и тот засуетился. Принимал из её рук колбасу, какие-то баночки, выставлял на стол тарелки, нарезал хлеб.

— Чем занимался? — Юля говорила и жевала одновременно. За ноутбук похвалила, за торт поругала, но отказаться от небольшого кусочка с живописной розочкой не смогла. Между делом коротко проэкзаменовала Никиту на знание правил дорожного движения и приказала собираться на автомобильную прогулку.

Сменив тёмный пуховик на светлую куртку, Юля устроилась на пассажирском сидении голубого авто и превратилась

в инструктора. Дорогу для занятий она выбрала «тупиковую», подальше от дома — там почти не было транспорта. Водил Никита неплохо. Наверняка в одной из прошлых жизней работал шофёром.

Вскоре они выбрались на более оживлённую трассу. Ученик держался за рулём уверенно, не забывал включать «поворотники» и, на зависть самой Юле, соблюдал рядность движения. Нарушал лишь одно правило — «дай дорогу дураку». Девушка холодела от страха, готовясь услышать скрежет железа, а Никита упрямо заявлял: «Это моя полоса». Но, в общем, первым уроком остались довольны оба.

Прошло два дня, и инопланетянин ругался уже совсем по-человечески: «Что там за идиот за рулём?!» Доставалось всем, даже если машиной управляла женщина. Никита то и дело заявлял, что все ездят неправильно, а дорожные знаки противоречат друг другу.

— Объясни мне, — подпрыгивал он, словно сидел не в водительском кресле, а на раскалённой сковороде, — почему огни рекламы одного цвета со светофором? Они сбивают с толку и создают аварийную обстановку.

«Тебе какая разница? — про себя спорила Юля, устав отвечать на бесконечные вопросы. — Ты всё равно скоро отравишься обратно. Вон, эмоции-то через край плещут».

Назад Никита не спешил. Предновогодние дни таяли, как сосульки под весенними лучами, а он сопровождал подругу по магазинам, таскал за ней тяжеленные сумки с продуктами и подарками. Юля всегда боялась кого-нибудь пропустить, не поздравить, потому цветными пакетами завалила всю комнату. На всякий случай был припасён подарок и для Никиты. О планах приятеля Юля не спрашивала: какая разница, когда тот улетит, — днём раньше, днём позже. Только бы не в самую новогоднюю ночь. Плохая примета. В приметы Юля не верила, но всё же...

Часть 3

1

Наступило тридцать первое декабря. Обычно семья Майоровых не дожидалась позднего вечера, чтобы сесть за праздничный стол. Валерий Петрович требовал начинать прощаться со старым годом за завтраком. Надежда Сергеевна умудрялась сдерживать напор и оттянуть застолье до обеда, плавно переходящего в ужин.

Не нарушая семейных традиций, Юля с утра крутилась возле плиты и чуть слышно бормотала, гадая, как на ромашке: «Улетит, не улетит...»

Никита ушёл «проветриться», и по Юлиным подсчётам давно должен был вернуться назад. «Может, уже улетел?» Девушка замерла с ножом в руке. Телефон в кармане запрыгал, завибрировал, она вздрогнула и выронила нож. Хорошая примета.

— С тобой невозможно связаться по скайпу, — мягко пожурила мать.

— Не знаю почему, — голосом послушного ребёнка соврала Юля. Она прекрасно знала причину. Мама под предлогом показать цветы или содержимое холодильника запросто разглядит «задний план». Вдруг заметит что-нибудь из мужских принадлежностей — вопросов не оберёшься.

Ответ мать не услышала. Они с папой поздравляют, желают счастья. В трубку ворвался голос отца:

— Юлька, с наступающим! Юлька, мы любим тебя!

Скорей всего, родители уже в гостях. К ним Новый год придёт намного раньше.

Разговор с родными успокоил. Подумаешь, ерунда какая! Она двадцать семь лет прожила на свете и знать не знала

Никиту Хрусталева. Улетит — счастливого пути! Нет — значит, они вместе, по-дружески встретят Новый год. Оливье, шампанское, ёлка, мандарины. «Ирония судьбы...» — без этого никак. Поздравление президента. Всё как у людей.

Хлопнула дверь, и вот он — приятель — на пороге. На лице — улыбка, под мышкой — блестящая сумка. Он прошагал в комнату, положил под ёлку подарок, припорошил искусственным снегом и хитро улыбнулся.

— Это Дед Мороз тебе передал.

Сдерживаясь от нетерпения, Юля один за другим снимала слои цветной бумаги, пока не добралась до коробки. Внутри оказался набор ёлочных шаров разных цветов и размеров. «Хороший подарок, — подумала девушка. — Символический. Вот закончится у Никиты “практика”, натянет он свой пушистый костюм и исчезнет, а она, Юля, каждый Новый год будет доставать коробку, украшать ёлку и вспоминать этот день. Думать о том, что где-то далеко — нереально далеко — у неё есть друг. Ни у кого нет такого друга, а у неё есть. Пусть он её забудет, но она-то будет помнить». Она принялась перебирать шары, поворачивать к свету так, чтобы на них вспыхивали яркие блики. Потом сложила на место и оставила открытую коробку под ёлкой.

Юля вручила свой подарок. Маленький фотоальбом. Чтобы не нарушать упаковку, отдельно приложила несколько снимков. На одном Никита с раскрытым ртом возле огромной ели на центральной площади. На другом — в супермаркете, в компании красноногого Деда Мороза и детей в костюмах зверюшек. Ещё снимок на фоне голубой машины. Она удачно припаркована у магазина — в стеклянной витрине отражается Юля. Хотелось надеяться, что Никита сможет провезти подарок контрабандой через свою таможню. Как-нибудь под костюмом.

Глядя на счастливое лицо приятеля, девушка поняла: жители межпланетного мира подарками друг друга не балуют. Ловко вставив карточки и пролистав все пустые — пока — страницы, Никита несколько раз прижал альбом к сердцу. В какой-то момент подарок исчез, скорей всего, ему было определено место рядом с костюмом.

Никогда ещё Юля не отвечала на такое количество вопросов, как в последние часы уходящего года. Как объяснить, почему одни и те же фильмы скачут с канала на канал? Зачем нужно загадывать желания в двенадцать ночи? Почему именно под бой курантов? Когда они будут бить, и что это значит — «бить»? И главное — почему она так волнуется?

Юля сама не знала почему, но волновалась — это точно. Оставшийся час вдруг заторопился. Большая стрелка начала двигаться быстрее, стремясь приблизиться к заветной цифре. Юля опомнилась — она не придумала, что загадать. Последние годы желания не менялись, и список был выучен наизусть. Сегодня хотелось придумать что-нибудь необычное, и чтобы обязательно сбылось.

Никита поглядывал на вазу с фруктами, тарелку с пирожными, возился на стуле и вздыхал.

— Успокойся. Уже скоро. Сейчас президент будет поздравлять, — шикнула девушка и потянулась за шампанским. Она умела открывать вино эффектно-бесшумно (научил Александр), но сегодня праздничный хулиганский хлопок отца был просто необходим.

От неожиданности Никита подпрыгнул. Он до сих пор не привык к резким звукам. Хлопушки, фейерверки его пугали, хотя и вызывали восторг. Юля быстро-быстро прокрутила в голове желания. Вперемешку старые и новые.

— С Новым годом! С новым счастьем!

— Я не понял, почему счастье должно обновляться?

Смешной вопрос. Она никогда об этом не задумывалась, тем более в новогоднюю ночь думать не собиралась. Ей стало весело. От шампанского, от хорошо знакомой мелодии, от взрывов петард за окном, от того, что не сомневалась — ночь эта останется в памяти навсегда.

Телефон ожил, запиликал, принимая поздравительные сообщения. Одной рукой Юля подкладывала закуски себе и Никите, другой — набирала ответные пожелания. В какой-то момент неожиданно почувствовала в груди знакомый холодок и поняла, что ждёт. Хочет, чтобы пришло сообщение, на которое не стала бы отвечать. Сердце реагировало на каждую трель, подпрыгивало, замирало и разочарованно вздыхало.

Никита объелся и начал клевать носом. Зажигательные выступления артистов не прибавляли ему бодрости. Спать в разгар волшебной ночи Юля не хотела и потащила друга на улицу.

Во дворе под ёлкой народу собралось как днём. Пожилой мужичок играл на гармошке. Возле него плясали женщины-пенсионерки и подвыпивший Натальин муж. Силуэт одноклассницы маячил в окне. Тинейджеры сбились в отдельную кучку и роботами дёргались под свою музыку. Взрослые в масках и цветных париках, дети с разрисованными лицами и пружинными рожками на головах. Шум, гам. Никита окончательно проснулся и готов был продолжать праздник. В разгар веселья Юля заметила в толпе две знакомые фигуры и нахмурилась.

— Хватит. Пойдём домой. Нам скоро на поезд.

Не слушая возражений, девушка зашагала к подъезду. «На поезд, на поезд», — напевал Никита и притопывал ногами, следуя по пятам. Что такое «поезд», он узнал уже через несколько часов.

2

Вот уже много лет по утрам первого января семья Майоровых отправлялась в деревню поздравлять Нину, сестру Валерия Петровича. Его супруге традиция не нравилась. В первые часы наступившего года, когда улицы города пусты, а люди отсыпаются, трястись в пригородном поезде — удовольствие сомнительное. Однако, когда вопрос касался золовки, Надежда Сергеевна помалкивала и смиренно два раза в год ездила в деревню. К счастью, второй раз — в июле, на день рождения Нины, хотя с некоторых пор та его не отмечала.

Летом Валерий Петрович привозил семью на огромном джипе, заваленном подарками под самую крышу. Майоровы отдыхали на природе с неделю, а иногда и дольше. Точнее, Юля и Надежда Сергеевна купались, загорали и наслаждались отдыхом. Валерий Петрович с рассвета до темноты сутеллся по хозяйству.

Юля знала: отец считает себя виноватым и навещает сестру чаще, чем они с мамой. Потому примерной дочери ничего не оставалось, как перед отъездом родителей в Омск дать им обещание не оставлять тётю без присмотра. Разница в возрасте между Юлей и Ниной была почти такая же, как между Ниной и отцом. Потому Юля через раз называла её то Ниной, то тётей Ниной.

Разбудить Никиту удалось с трудом. Он мычал и бестолково шурился. Глаза его совсем потеряли цвет и казались размытыми по лицу. В конце концов, неуверенно переставляя ноги, сегодня больше обычного напоминавшие ходули, он потащился за Юлей на вокзал с огромной сумкой в руке.

Старый пригородный поезд пыхтел в ожидании пассажиров. Двойные стёкла вагона покрылись ледяными «гусиными лапками», а сам вагон выглядел маленьким и пустым.

С удивлением Юля заметила попутчиков. Скорей всего, семья возвращалась из гостей. Женщина дремала на плече мужа, а их дочь — девчушка лет четырёх — спала у отца на коленях. Шапка съехала ребёнку на нос. Крепко зажата в руках кукла тарасила глаза, будто боялась заснуть. Точь-в-точь как глава семьи.

Место у окна досталось Никите, но, как он ни крутился, сквозь «гусиные лапки» не мог разглядеть ни заснеженные поля, ни деревья, сплошь, как невесты, нарядившиеся в белые платья.

Юля откинулась назад, собираясь подремать, и заметила ещё одну пассажирку. Девушка сидела, вжавшись в вагонную стену, и беззвучно плакала, поочерёдно вытирая скомканным шарфом то нос, то глаза. Из-под чёрного пуховика поблёскивал яркий подол платья. Видно, праздник не удался. Юля погрустнела. Когда-то, может, в этом же вагоне сидела тётя Нина, а горе гнало её подальше от людей. «Время лечит», — пытался утешить её брат, Юлин отец. Десять лет назад, после трагедии, он и отвёз сестру в деревню к деду Мите.

Всё, что знала и помнила Юля о событиях десятилетней давности, — тётя Нина отмечала день рождения на даче. Муж Нины — Михаил, или, как его называла Юля, дядя Миша — и отец были очень дружны. Оба любили рыбалку, застолья, оба были не прочь поспорить и ввернуть в разговор крепкое словцо.

В тот день Михаил уличил супругу. Та, видите ли, из-за жары припасла на праздник только слабоалкогольные напитки. Друзья выпили по стакану-другому кислятины и втихаря, как мальчишки-озорники, прыгнули на мотоцикл, чтобы смотаться до магазина. Туда-сюда — езды не больше километра, и можно будет побаловаться прохладной «беленькой». За руль сел Михаил. До магазина мужчины не

доехали. Потом отец рассказывал: будто дерево перебежало им дорогу. Муж Нины умер сразу. Отцу — ничего.

От горя Нина окаменела — ни слезинки. Приехали родители Миши из Екатеринбурга. Увидев сухие глаза снохи, они во всём обвинили её. Не уберегла. Не досмотрела. Непутная. Даже наследника не смогла родить. В ту же ночь Нина пыталась покончить с собой — наглоталась таблеток — и угодила в больницу. Родители Михаила забрали тело сына и увезли его, чтобы похоронить на родине, подальше от неугодной невестки.

Нина лечилась долго. Не помогали ни связи отца-хирурга, ни дорогие лекарства. Словно мстила медицина детям выдающегося врача за то, что не пошли по его стопам. «Что-то в голове у Нины перехлестнулось», — забирая сестру из больницы, объяснял домашним Валерий Петрович. Тогда на семейном совете и было решено отправить несчастную вдову в деревню к деду Мите. Так в их семье называли ветеринара — Дмитрия Михайловича Майорова — старшего брата Майорова-врача.

«Время лечит», — вспомнилось Юле. Десять лет назад она часто слышала эти слова от отца. Вот так же, в начале года, на поезде, тот увёз Нину в глухомань. «Время-лечит, время-лечит», — выстукивали колёса. Тётю жаль. Вскоре после её отъезда умер дедушка — не выдержало сердце нейрохирурга. Снова в случившемся она обвинила себя. Пять лет назад скончался дед Митя. Пошёл доить коров и умер. Казалось бы, ничего странного — возраст, но Нина в очередной раз казнила себя: виновата, не досмотрела. Она больше не предпринимала попыток расстаться с жизнью — держала клятву, данную родне, — но словно и не жила, а перетекала из одного дня в другой.

Юлина голова покачивалась в такт колёсам. Хотелось очутиться в кровати и закутаться в одеяло с головой. Скорей бы

время вылечило тётку. Иначе придётся каждый месяц мотаться в деревню. Юля спрятала нос в тёплый шарф. Интересно, когда время вылечит её саму? Под утро явился Александр. Во сне, конечно. И — как результат — мокрая подушка.

Девушка подавила вздох и натянула поглубже шапку. Хорошо, что Нинина станция последняя. Можно не пялить воспалённые глаза, как тот отец семейства, прикрыть их и спокойно подремать.

Очнувшись от шума, Юля испуганно огляделась. Обстановка в вагоне изменилась: мужчина храпел, некрасиво открыв рот, ребёнок притих у матери на руках. Губы женщины шевелились. Наверное, рассказывала дочери сказку. Место несчастной девушки пустовало. Видно, та сошла на станции. Вместо неё в вагон ввалились две бабули, запорошенные снегом, они-то и потревожили Юлю. Отряхивая клокастые шубы, старухи продолжали начатый на станции разговор в полный голос.

— Тонька-то, Тонька как раздобрела. Ох, и здорова!

— Ага. Не столько сама, как задница. Ни дать ни взять — каток дорожный. Как есть каток. И всё себе на тарелку подкладывает. Всё жуёт. Красным платьем обтянулась, думает, красиво.

— Брата её, Лёшку, еле узнала. Вишь, морду отъел. Глаза, как у поросёнка, жиром заплыли. Водку лакает, будто чай. И Лена его не отстаёт. Ни рюмки не пропустила.

— Ага. Славка-то, тот вообще курантов не дождался. Кувырк в кровать — и нет его. Не по кой ляд и звать такого гостя.

— Да, молодец Лизавета! Наготовила — прям столы ломились. Давно я за таким столом не сидела. И тебе холодец, и картошка тушёная — одно мясо, и колбасы-сыры. А уж вин-то, вин-то всяких! Не сосчитать, сколько и бутылок.

Всю родню созвала. Похвастаться хотела, вот, мол, я какая богачиха, дом новый отгрохала. Не то что вы — голь перекатная. Тарелок, видала, каких наставила? Квадратных. Мода, знать, такая. А Толя-то почему не пришёл? Он ведь брат Лизин двоюродный. Повздорили, что ли?

— Ага. Наверное. Да и немудрено. Я сама с ним в ссоре с выборов. А и делов-то, всего и спросила, за кого голосовать пойдёт. А он: «Ты бабка мне тут агитацию не разводи. Сам не пальцем деланный. Без тебя знаю, где галочку ставить». А чего он знать-то может? Кто ему ума-то дал? Знаю я, за кого голосовал...

Тема политики была для Юли самой нелюбимой. Руководство страны она знала плохо. Зато попутчицы принялись сыпать фамилиями, должностями и фактами из жизни сильных мира сего, словно те накануне сидели за Лизаветиным столом в компании с Тонькой, Ленкой и пьяницей Славкой.

Юля постаралась переключиться со старушечьей трескотни на собственные проблемы — сегодня предстояло провести день с сестрой отца без родителей, да ещё в такой компании. Только бы Никита не подвёл. Совсем не нужно посвящать тётку в лишние подробности.

Покосившись в сторону приятеля, Юля увидела, как тот, подавшись вперёд, жадно ловит каждое слово старушенций. Она невежливо толкнула его в бок и, не разжимая губ, прошептала:

— Закрой рот. Подслушивать чужие разговоры неприлично. Смотри в окно.

Никита пошипел носом. Разглядывать замёрзшее стекло наскучило, а то, что он успел услышать, казалось очень интересным. Лица людей, чьи фамилии называли пожилые женщины, то и дело мелькали в телевизоре, но таких подробностей из жизни руководителей этого мира в новостях не рассказывали. А тут — пожалуйста: жёны, дети, лю-

бовницы, счета, квартиры, машины, недвижимость за рубежом. Кто чем болеет, где лечится и на каких курортах отдыхает. Смотри в окно! Как будто там можно что-то разглядеть! Никита нахохлился, опустил глаза, но прислушиваться к разговору не перестал.

— Воот! Жён с детьми к родителям отправят, а сами на курортах перед молодухами красуются.

— Ага. Для того им каникулы-то новогодние и нужны — полюбовниц на лыжах с гор катать. Летом-то они с семьями культурно отдыхают.

Поезд замедлил ход и остановился. Шумные пассажирки вывалились на перрон. Следом за ними вышла семейная пара с ребёнком. В вагоне стало тихо. Следующая станция конечная. Юля поморгала и потянулась, слегка задев Никиту. Тот недовольно засопел в стекло. Ишь ты! Обижаться научился, хмыкнула девушка и вскоре примирительно толкнула его в плечо:

— На выход.

Поезд подкатил к платформе, несколько раз нервно дёрнулся и замер. Друзья вышли из вагона.

— Смотри-ка! Дорогу разгребли! — удивилась Юля.

Никита покрутил головой и застыл, глядя в сторону леса.

— Что это? — выдохнул он.

На фоне елей, в нахлобученных снежных шапках, величественно подняв голову, стоял лось. Его рога поблёскивали, как огромная корона.

— Не что, а кто, — Юля натянула варежки и невольно приосанилась, распрямив спину. — Животное под названием лось. Не бойся, он не укусит.

— Лось, — шёпотом повторил Никита и словно прирос к земле.

Не обращая внимания на людей и ничуть не пугаясь гудящего «встречного», гордое животное фыркнуло, проводило взглядом состав и скрылось в чаще.

— Отомри, — Юля дёрнула приятеля за рукав. — Лось — это... ммм... дикая корова. Корову скоро увидишь.

Никита «отмер» и восторженно огляделся. Вокруг белым-бело. Деревья, дорога, облака, и только Юля в яркой, под цвет щёк, шапочке — нарядное пятно на фоне белизны.

Ноги начали подмерзать, и девушка попрыгала на месте. Мороз колот лицо, прихватывал уши. «Всё-таки здорово, что Нина поддалась на уговоры отца и после смерти деда Мити согласилась переехать ближе к людям», — подумала она. Теперь не придётся, как раньше, целый час топтать пешком.

Одну из таких поездок Юля помнила. Жуткий холод. Отец с рюкзаком за плечами, она тащит неподъёмную сумку. Дыханье перехватывает. Деревья трещат и вздрагивают от мороза. Пальцы немеют, не спасают даже меховые варежки. Отец подбадривает: «Шире шаг!» Она послушно переставляет ноги в модных валенках, которые совсем не греют. За спиной, вздыхая, плетётся мама.

Розовые языки восхода показались на синем небе из-за верхушек деревьев. Юля почувствовала, как из глаза покатилась слеза и сосулькой застыла на щеке.

— Веселей! Шире шаг! — подражая отцу, скомандовала Майорова-младшая и уверенно потопала в сторону деревни.

Постепенно сужаясь, к концу пути дорога превратилась в едва заметную тропинку. Та и привела гостей к нужному дому. Окна встретили их усталым, привычно-задумчивым взглядом, и всё же Юля отметила про себя — дом чуть-чуть повеселел.

Она толкнула дверь и шикнула на замешкавшегося Никиту:

— Заходи быстрее! Тепло выпустишь.

Он, запнувшись за порог, испуганно проскочил в дверной проём и хлопнул так, что в шкафчике забрякала посуда.

В доме пахло печным теплом и домашней ватрушкой.

— Тётя Нина, наверное, на дворе. Раздевайся, — девушка стащила с головы шапку, скинула пуховик и протянула руки к печке. Кошка Сильва, неслышно ступая, подошла к гостье и потёрлась об её ноги. Осторожно приблизилась к незнакомцу, брезгливо обнюхала, чихнула и запрыгнула на стул, покрытый самосвязанным круглым ковриком. Застыла, как кошка-копилка, не отводя недоверчивого взгляда от чужака.

Последний раз Юля гостила в доме летом, и сейчас готова была поклясться — за полгода здесь произошли перемены. Как в детской игре, она попыталась найти десять отличий. Вот первое! На подоконнике кактус ошетинился малиновыми иголками. Его раньше не было. Тётя Нина не любит цветы. Вот и второе! Занавески на окнах. Прежде они были белые, а теперь — в бледно-жёлтый рисунок. Ковёр на полу сменил обычные деревенские половики. Мать всегда говорила, что в доме Нины мрачно. Кажется, мрачность начала растворяться. Десять лет назад тётка бродила по дому деда Мити чёрной тенью. Неслышно, точно перемещалась по воздуху. Тёмный платок с головы не снимала и повязывала так, будто глаза прятала. Тогда не только Юля, даже мама побаивалась тёти Нины, а дед Митя бубнил:

— Ничего, ничего, отойдёт. Всё проходит, пройдёт и это.

Родственники решили больше не привлекать врачей. Отец опасался, что сестра пропишется в психушке. Дед Митя поддакивал: если медицина бессильна, значит, вылечит природа, а с животными общаться полезней, чем с людьми.

Иногда Юле казалось — старый ветеринар хитрит. С возрастом ему — одинокому, бездетному мужчине — стало трудно управляться со «скотинкой», а расстаться — душа не позволяла. Жителей в захиревшей деревне почти не осталось, и с Ниной старику было не только «повадней», но и легче

справляться с хозяйством. Оптовики давно протоптали дорогу к дому надёжного поставщика, доверяли ему и с удовольствием скупали мясо, молоко, яйца. Деньги дед Митя любил.

Юля снова настроилась на игру. Заметила в углу валенки. Новенькие, с яркой отделкой, почти такие же, как у самой Юли. Интересно, чей-то подарок или Нина купила? Да уж, поздновато время принялось за тётينو лечение.

Подумала и улыбнулась — себе она назначала всего лишь три дня. Не получилось уложиться в срок. До сих пор нет-нет да чудится цоканье подлых каблучков.

Раздалось кошачье шипение: Никита протянул руку, чтобы погладить Сильву, и получил отпор. Юля сгребла кошку со стула, потормошила:

— Не злись, Сильва, это обычный инопланетянин. Ну же! Веди себя прилично. Ты у нас из благородных.

Послышался лёгкий шорох.

— Гости приехали. — Тётя появилась неожиданно, тихо. Словно не вошла в дверь, а просочилась в щёлку. — А я припозднилась сегодня. Вот, только обрядилась.

— Скотину покормила, — не дожидаясь вопроса, шёпотом перевела Юля и с надеждой прислушалась к голосу тётки. Он шелестел, как молодые листочки на ветру. Слова были неживые, словно та повторяла заученный текст. Но в старом доме Нина вообще встречала гостей молча.

Хозяйка сняла платок, и Юля окинула её пытливым, изучающим взглядом. Волосы в пучок. На лице ни косметики, ни эмоций. Плечи опущены. Столкнёшься с такой на улице — пройдёшь мимо и не заметишь. Раньше Нина была чуть ниже отца, а сейчас стала едва ли не одного роста с Юлей. Может, ей показалось, что произошли перемены? Да нет же: вот валенки, вот кактус. Скорей всего, желание жить появилось, а сил не хватает. Эх, отец уехал не вовремя. Он бы помог. А что она, Юля? Будет Нина её слушать!

Тётка прошла на кухню, словно не заметив Никиту. Но нет, вышла оттуда, утирая полотенцем лицо. Протянула руку:

— Александр?

— Это Никита, — вмешалась Юля. — А это Нина.

Она заметила: верхняя губа тётки дрогнула, а в глазах живым огоньком промелькнуло удивление.

Накрытый Ниной стол не походил на новогодний. Картошка из печи, холодец, ватрушка, соленья. Самогон на травах (остался от деда Мити). Женщины чуть пригубили, Никита отважно хлопнул гранёную стопку, после чего долго отдувался и вытирал слёзы. Сильва, до этого не выпускавшая гостя из поля зрения, фыркнула, свернулась на стуле клубочком и заснула так, что даже похрапывала.

— Никита, чем вы занимаетесь? — Нина разгладила на скатерти невидимую складку.

Ох уж эти вопросы. Юля поспешила ответить сама:

— Он недавно приехал. Ищет работу.

— Ну да, ну да, — рассеянно пробормотала хозяйка, оторвала от стола взгляд и задержала его на госте. В её обычно сухих глазах вдруг блеснула влага. Нина то ли вздохнула, то ли кашлянула и привычно опустила голову. — Я раньше в библиотеке работала. Миша ко мне всё за книгами ходил. Я ещё удивлялась, как быстро он читает. Потом уже, после свадьбы, признался — не читал он те книги. Только менять ходил.

Юля глазами показала приятелю — молчи. Он и молчал. Смотрел на собеседницу внимательно и, казалось, видел, что прячется за её словами. Нина притихла надолго, только рука её вздрагивала на скатерти.

— Сейчас уж, наверное, и библиотек-то нет, — после затянувшейся паузы очнулась хозяйка. — Да вы кушайте, кушайте.

Юля с трудом доела огромный кусок ватрушки и с завистью покосилась на Сильву. Вот бы и ей, Юле, свернуться клубком и подремать. Раньше она так и делала: из-за стола — на уютный диванчик. Ночь-то новогодняя — самая длинная в году. Да как оставить Никиту без присмотра? Ляпнет что-нибудь не то.

— Иди, ложись, — Нина заметила осоловевший взгляд племянницы. — А вы, Никита, можете в другой комнате отдохнуть. Дом большой. Места хватит.

Шея Юли ослабла и отказывалась держать голову, того гляди нос клюнет стол. Промучившись ещё немного, девушка сдалась — без неё разберутся, кто из какого мира, — устроилась на диване и закрыла глаза. Под бок к ней тут же явилась Сильва.

Из соседней комнаты доносился шум. Никита, пытаясь помочь тётке прибрать стол, то и дело что-то ронял или натыкался на мебель. Подняться и закрыть дверь не хватало сил. Сквозь дрему Юля слышала голоса. Сейчас говорил Никита:

— Вы слишком много на себя берёте. Человек не может в одиночку отвечать за всё и всех. Случилось то, что случилось. Значит, подошёл срок.

— Он был слишком молод, чтобы умирать, — всхлипнула Нина.

Юля провалилась в яму сна и опять вынырнула. Тётка плачет. Жаль, не слышит отец. Он очень переживал, что у сестры нет слёз.

Нина заговорила непривычно быстро. Слов не разобрать, но догадаться нетрудно: рассказывает про злополучный день рождения.

Опять Никита. Интересно, что он ей говорит?

— Смерти нет, — донеслось уверенное. — Земная жизнь человека — не конечное существование от рождения до смерти. Жизнь одна, она вечная, а внешних форм её много.

— Вот и Миша что-то такое говорил.

Юля натянула одеяло на голову. Началось. Пусть беседуют, а она будет спать.

Она проспала до обеда. Могла бы дольше, если б Сильва не забралась на подушку и не начала изучать Юлин нос. Разглядывала, нюхала, щекотала его усами. Потом осторожно потрогала лапой и решила попробовать на вкус.

— Уйди, чудовище.

Отогнать кошку у Юли не получилось, пришлось проснуться.

— Где Никита? — потягиваясь, она вышла из комнаты и тут же столкнулась с Ниной.

— Только что поел. Сейчас на дворе. На куриц любитесь.

От обеда Юля отказалась, но перед чаем с выпечкой устоять не смогла. Пила его из щербатого бокала и посмеивалась: тебя, дружище, скорей всего, скоро сменит красивая чашка, а может, и целый сервиз.

Нина задумчиво передвигала на столе вазочки с вареньем. Глаза у неё припухли, но лицо посветлело, даже помолодело. «Ну инопланетянин даёт!» — усмехнулась Юля.

Пока она расправлялась с ватрушкой, тётя оделась и вышла на улицу чистить снег. Пришлось и гостье собираться — отец, когда приезжал зимой, первым делом хватался за лопату.

Во дворе переливался столб снежной пыли — Никита работал старательно, но неумело. Ничего-то в его мире нет, даже осадков, подумала Юля, отобрала лопату и взялась за дело сама.

Вскоре подошло время прощаться. У дверей уже поджидали две огромные сумки. «Нина всегда отправляет в город столько еды, точно у нас нет магазинов», — подумала Юля. Но спорить нельзя — обидишь. На прощание она поцеловала

тётку в щёку, а Никита, взяв под локоток, отвёл в сторону и что-то долго бубнил Нине на ухо.

К станции путешественники подошли затемно. Усталый, тяжёлый поезд вынырнул из вечерней синевы и, выпустив пар, нехотя остановился. Запрыгнув в вагон, Никита не торопился уходить из тамбура. Всмотривался в темноту и выискивал взглядом утреннего лося.

В вагоне было оживлённее, чем утром. Подгулявшая молодёжь с жестянками в руках. Мужчина, напоминавший запоздалого лыжника, — в вязаной шапке, куртке нараспашку и толстом свитере с зимним орнаментом. Моложавая бабушка в окружении внуков. Девушки с телефонами в руках. То ли подруги, то ли просто рядом сели — не разобрать. Парни то и дело сновали мимо в туалет. Спереди говорливые женщины обсуждали подвиги мужей.

— Мне понравилась твоя тётя. И животные её понравились. Они красивые. Особенно курицы.

Юля подозрительно уставилась на Никиту. Неужели этот человек с бесхитростным взглядом несколько часов назад рассуждал о жизни и смерти? Да уж, тёмные лошадки эти мужчины. Не знаешь, что от них ждать.

— Про куриц обычно говорят — глупые.

Чтобы не отвечать на бесконечные «Почему?», Юля откинулась на сиденье и закрыла глаза. Красивые курицы. Насмешил. Хотя папе бы это понравилось. Он из кожи вон лезет, чтобы порадовать сестрицу. По выходным до рези в глазах роется в компьютере, выискивает новые породы животных, чтобы не только кормили, но и радовали необычным видом.

Вспомнилось, как однажды отец купил цыплят. По какой-то причине те провели целую ночь в их квартире. Шумные симпатяги. Ярко-рыжие комочки. Они пищали и норовили выбраться из коробки. Утром цыплята уехали,

а мама несколько дней приноживалась, вздыхала — квартира превратилась в хлев — и мыла полы с едучим порошком. От цыплят почти не пахло, а от порошка драло горло и щипало глаза.

К лету «рыжики» подросли и превратились в настоящих куриц. Оперение их сделалось ещё ярче: все оттенки шоколада были на блестящих пёрышках. Курочки крутились возле Нининых ног, как кошки, та гладила их и брала на руки. Невероятно. Рядом с животными Нина становилась прежней Ниной. Но стоило ей выйти со двора и переодеться, тётя опять превращалась в безучастную куклу. Как будто вместе с одеждой снимала что-то ещё.

Раньше Юля часто заходила в курятник. От неё курицы кидались врассыпную, но иногда удавалось прикоснуться к какой-нибудь зазевавшейся птице. Только с недавних пор вход для посторонних туда закрыт. Теперь там хозяйничает новый петух — Яшка. Он не только на чужаков, на хозяйку нет-нет да налетит. Отец его не раз ставил на место: то венником по башке треснет, то водой окатит, а Юля его боится и теперь наблюдает за курами издали. Летом, когда они гуляют в вольере. Она — за курами, Яшка — за ней. Чёрный, как цыган. Перья на солнце горят, в синеву отливают. Повернёт голову боком и таращится кровавым глазом, а у самого гребень краснеет и перья на шее дыбом встают. Отец говорит, по Яшке кастрюля плачет, а Нина его защищает: хороший хозяин, заботливый. Зимой по утрам сонных подруг с насеста крыльями сталкивает — идите, ешьте. Пока они не наклюются, сам к кормушке не подходит. Никаких драк и ссор не допускает в женском коллективе. Юля сама однажды видела, как расскандалились, раскричались друг на друга две курицы, крыльями захлопали. Яшка тут как тут. Вклинился между ними. Одной — клювом в голову, другой — по спине. И — тишина. Снова все гуляют мирно.

Сколько раз отец предлагал поменять петуха — опасное дело. Заеваешься — он может глаз выклевать или шпорами поранить. Но Нина Яшку жалеет. Считает себя виноватой, что не уберегла прежнего петуха.

Вот тот был настоящий красавец. Окрас, как у куропатки. Гребешок розочкой. А пел как! Отец прозвал его «Золотой голос России». Жаль, погиб. Всё из-за индюков. Когда-то дед Митя мечтал иметь их в своём хозяйстве. Однажды, года три назад, отец купил индюшат. Белые, беззащитные, они сидели в одной клетке с цыплятами, а те так и норовили клюнуть их нежные головки. Индюки выросли, и всё поменялось — они стали нападать на кур. Отец соорудил перегородки, чтобы отделить индюков, но однажды самый шустрый ухитрился пробраться на куриную территорию и побил петуха. Юля видела своими глазами: бедный покалеченный «Золотой голос России» нахохлился, чуть дышал, а около него крутилась курица. Самая маленькая и «невидная». Она чистила его перья, выклёвывала из гребня мошек. И целовала его. По настоящему, клюв в клюв. Отец уверял, что дочь ошиблась. Скорей всего, курица поила бедолагу водой. Но Юля была уверена — они целовались. Ночь петух не пережил — погиб. С того дня индюки навсегда исчезли из тётинного хозяйства. Вместо них появилась корова-блондинка. Тоже прошедшая отцовский кастинг. Из-за необычного окраса летом она обгорала на солнце и доставляла хозяйке немало хлопот. Можно было бы рассказать обо всём этом Никите. Вот только говорить не хотелось.

— Нина похожа на тебя. У неё верхняя губа такая же. В форме буквы «М».

Юля опешила: это что? Корявый комплимент? Она спрятала нижнюю часть лица в шарф и почувствовала, как на щеках пробивается румянец то ли смущения, то ли удовольствия.

— Только глаза у неё грустные. Как у Зойки, — продолжил Никита.

Зойкой звали ту самую корову-блондинку.

Юля вынырнула из шарфа.

— Надеюсь, Нине ты этого не сказал. Так себе комплимент.

— Разве? По-моему, вы любите отождествлять себя с животными. Вот послушай, — Никита кивнул в сторону весёлой компании. — Один из парней только что рассказывал про тёлку. Другой сказал, что она корова, а третий добавил — все они овцы. Если не ошибаюсь, ребята говорят про девушек.

Юля не успела отреагировать, как впередисидящая женщина, закончив рассказывать соседке о проделках мужа, сочно припечатала: «Все они козлы». Та поддержала: «Кобели и неблагодарные свиньи».

Хотелось объяснить, что это ничего не значит. Дед Митя в таких случаях говорил: «За глаза-то и царя ругали».

— Это не по-настоящему. На самом деле люди так друг друга не называют, — попыталась оправдаться Юля.

— Я заметил. Люди называют друг друга «заями». Дети, женщины, мужчины — все вокруг сплошные зайцы. Одного не пойму: ты говорила, у вас красивые имена. Каждое что-то обозначает. Почему вы ими не пользуетесь?

— Нуу, не знаю, вроде как аллегория с животными звучит более ласково.

Никита уставился на спутницу, словно примеряя к ней «Заю», и пожал плечами, молча выражая протест.

Поезд замер у конечной станции. Первым из вагона выскочил Никита и предложил даме руку. В глазах озорство. Она не сдержала улыбку — где-то подсмотрел такое галантное поведение.

К остановке подкатил троллейбус. Обвитый гирляндами, он сверкал, переливался и казался живым. Кондукторша в красной шапке с белыми косами вместе с билетами вручила пассажирам по карамельке, а на прощание помахала рукой,

как добрым друзьям. От ощущения выполненного долга, от уличной суеты настроение Юли улучшалось с каждым шагом. Праздник продолжался. Никита, нагруженный сумками, пыхтел и едва поспевал за подругой. Зато её руки были свободны. Она обстреляла приятеля снежками и, дразня, прыгала впереди на одной ноге. При этом посмеивалась — он не догадывался поставить сумки на снег и ответить тем же. Компании весёлых незнакомых людей попадались навстречу. «С Новым годом!» «С Новым годом!» — так же весело отвечала Юля и ускоряла шаг.

3

Как здорово было вернуться домой. Сидеть на тёплой кухне, слушать закипающий чайник и не думать о том, что вылазки в деревню предстоит делать каждый месяц.

— О чём вы с Ниной говорили? Почему она плакала?

Укутавшись в махровый халат, девушка по очереди подцепляла ложкой варенье из малины, смородиновый джем, яблочный мармелад.

— Нина — интересный и умный человек. Чувствуется, что она работала в центре информации. О чём говорили? Обо всём. О человеке, о жизни, о смерти. Бедная Нина! — Никита поставил на стол ещё одну банку — с черникой — и вооружился десертной ложкой. — Она устала. Чувство вины — тяжёлая ноша, скинуть её непросто. Я помог ей в этом, — не упустил он возможности покрасоваться.

В таблетки и уколы Юля верила больше, чем в исцеление словом, и всё же сейчас готова была признать: их провожала другая Нина.

— Ещё чуть-чуть, и твоя тётя окончательно исцелится. Да, она сказала, чтобы ты не беспокоилась. Не нужно ездить к ней часто. Пригласила нас летом в гости.

Юля молча усмехнулась. Летом! До лета долго. Летом ты уже — тю-тю в свой мир. А отец спросит с неё.

— Вот увидишь, Нина справится, — настаивал Никита. — Тем более о ней готовы позаботиться.

Новость так новость! Юля опешила. У тётки кто-то появился! Интересно, кто тот герой, что сумел пробиться через ледяную корку?

Но думать об этом уже не хватило сил — усталость навалилась внезапно и тяжело.

— Ты как хочешь, а я — спать, — зевнула девушка и, не дожидаясь ответа, ушла к себе, предоставив Никите разбираться с посудой.

Утром Юля объявила: для неё праздник закончился, нужно браться за работу. Никита протестовал, напоминал о новогодних каникулах и пытался увести подругу вместе с креслом от компьютера. Безрезультатно.

— У меня должность такая, — отбивалась она, подкатываясь на прежнее место. — Январь — самый загруженный месяц для бухгалтера. Я готовлю отчёт, так что займи себя сам. Проведай квартиру или в кино сходи. Можешь на машине покататься. Я разрешаю.

Из предложенных развлечений Никита выбрал последнее. Он вышел из подъезда, гордо расправил плечи, и покосился по сторонам, проверяя, достаточно ли зрителей. Укоризненно посмотрел на невинно-безоблачное небо, достал щётку и тщательно обмёл машину, за ночь ставшую похожей на сугроб. Прежде чем сесть за руль, глянул в сторону Юлиного безжизненного окна и забрался в салон.

Удар он почувствовал сразу. Удар и звук — словно взорвалась тысяча петард. Никита закрыл голову руками и притих. В салоне вдруг стало тесно, и неудивительно: небольшая, похожая на мультяшную божью коровку машина въехала в дверь его новенького автомобиля. Припечатала так, что

выбраться наружу оставалось только через пассажирское сидение.

Именно в этот момент Юля выглянула в окно — и через минуту была уже на месте ДТП.

Девушка — водитель красной иномарки — плакала, намертво вцепившись в руль. Никита суетился и размахивал руками, как крыльями. Вокруг начала собираться толпа. Понимались советы и праздничные шуточки про поцелуи, про символические цвета пострадавших автомобилей и пьяных гаишников, которые приедут только после Рождества. Как назло, машина ДПС всё не ехала. Никита злился, и Юле казалось, что он вот-вот начнёт плевать. Пришлось увести друга к отцовской машине и затолкать на заднее сидение. Но и там он продолжал шуметь.

— Я даже ключ повернуть не успел! Эта курица влетела в меня с разгону! Да ещё сбежать хотела!

Он так хлопал руками, что сам был похож на курицу.

Юля завела мотор — пусть машина прогреется, а приятель остынет.

— Перестань скандалить. В конце концов, она — девушка.

— Она — водитель, — взвился до потолка Никита. — Правила для всех одинаковые.

Юля кивнула. Не сработало. Да и не могло, если в другом мире все жители среднего рода.

— Ты видел знак на стекле? Она — начинающий водитель. Возьми себя в руки.

— Чайница, — прошипел он в сторону красной машины, приоткрыл окно и всё-таки плюнул на снег.

Юля еле сдержалась, чтобы не нарушить правила педагогики и не отвесить скандалисту подзатыльник. «Сам-то хорош, — думала она, — ездит как робот. Робот за рулём. И все правила помнит. Я и то уже половину забыла. Подумаешь, ДТП! Неприятно, конечно, но и не смертельно».

Остаток дня был потрачен на объяснения с гаишниками, заполнение бумаг и бесконечные ожидания. Как результат — машина требовала ремонта, а Никита утешения.

Вечером Юля вспомнила, что так и не отчиталась перед родителями о поездке. Услышав в трубке мамино сонное «Алло!» и мощный храп на заднем плане, спохватилась: она в очередной раз забыла, что в Омске уже ночь. Конечно же, отец не утерпел и позвонил Нине сам, а тётя сдержала слово и не рассказала ему о Никите.

— Как папа на новой должности? Не ругается?

— Разве его можно исправить? — обречённо промурлыкала мать. — Ругается. И с начальством, и с подчинёнными. Так, что пух и перья летят. Да тут все начальники ему под стать. Днём орут, матерятся, а по вечерам друг к другу на огонёк заглядывают. В шахматы играют. Вместо часов возле доски фляжка с коньячком стоит. Это у них называется «по чуть-чуть».

Юля не сдержалась (она-то слова не давала) и выболтала, что у тётки (по всей вероятности) появился мужчина. Фактов не хватало, так что обеим — и матери, и дочери — оставалось строить предположения и домысливать, пока их не остановило сонное бормотание Валерия Петровича.

Будильник прозвенел в семь утра. Юля соскочила с кровати. Сейчас душ, кофе и — за работу. Пока Никита спит, можно заняться злосчастливым отчётом, до которого она никак не может добраться.

Не прошло и получаса, как Юлин затылок задёргался под сверлящим взглядом. Она повернулась:

— Что у тебя?

Никита помялся. То ли стесняясь, то ли собираясь с мыслями.

— Я должен устроиться на работу. Возьми меня в свой оркестр. Ты говорила, музыканты, как и я, из другого мира.

Юля задумалась. Деньги Нику, конечно, нужны. Поддержку от «своих» он уже не ждёт, но как ему объяснить, что музыкантом нужно родиться... Что выучить ноты и шлёпать по клавишам — это ещё не всё.

Девушка помычала, пригладила затылок и дала слово заняться этим вопросом, но не сегодня.

4

Вот уже несколько дней Никита не докучал подруге просьбами. Куда-то уходил, а возвращаясь, обязательно приносил сладкое.

Рождественским утром Юля вдруг обнаружила, что большая часть отчёта готова, и «отлепилась» от компьютера — можно передохнуть. Гулять! Срочно на свежий воздух!

— Ник, ты где?

Тихо. Она обошла квартиру — никого. Смартфон друга птичьей трелью откликнулся в коридоре. Никита никогда не забывал телефон. Может, обиделся? Или специально оставил? Юля попыталась вспомнить, когда они виделись в последний раз. Сегодня точно нет. Она встала рано, Никита ещё спал. Или она подумала, что он там, в родительской комнате. Она же не заглядывала. Хотя нет, утром они вместе пили кофе. Или это было вчера? Совсем запуталась. Кажется, он собирался навестить квартиру.

Юля выскочила на улицу и перебежала к соседнему подъезду. Домофон не отвечал. «Вдруг Ник объелся сладкого и лежит там один, помирает?» — от этой мысли, несмотря на мороз, стало жарко. Как она не сообразила взять с собой ключи? Опять вприпрыжку из подъезда в подъезд — и пулей назад.

Пустая квартира встретила тишиной. Хозяин здесь не появлялся. Улетел, осенило Юлю, ведь настоящий его дом не здесь. Закончил дела и улетел. Даже не попрощался.

Она направилась к выходу. В коридоре скучали две пары домашних тапок. На вешалке — старая папина куртка. Интересно, в какой из квартир Никита хранил свой комбинезон? Юля вернулась от двери и бесцеремонно перерыла вещи друга. Подарочный альбом лежал на видном месте, комбинезона не было. Девушка выскочила наружу и бросилась вниз по ступенькам.

Дома она проверила все полки, все укромные уголки в «Никитиной», а заодно и в своей комнате. Обыскала коридор, ванную и даже кухню — ничего. Беспомощно опустившись на табурет, обнаружила, что забыла снять куртку. Расстегнула молнию и поплелась к вешалке, на ходу стягивая ставшие непомерно узкими рукава.

Едва успев раздеться, Юля услышала металлический скрип лифта и знакомые шаги. В два прыжка она очутилась за столом возле компьютера, облегчённо выдохнула: «Фуу! Успела» — и потрогала ладонями полыхавшие щёки.

Вскоре за спиной раздалось деликатное покашливание.

— Меня берут администратором в кафе «Лакомка». В детский зал.

— Ну ты даёшь! — Юля тут же забыла и про недавние пробежки, и про горевшее лицо. — Сам справился! Поздравляю!

Она одобрительно похлопала друга по плечу, забрала у него торт и понесла на кухню.

— Видишь, ты вполне можешь обходиться без меня, — бросила на ходу. Сказала и погрустнела — что-то не то у неё сегодня с настроением. То вдруг разволновалась без причины, то расстроилась непонятно из-за чего.

5

Прошла неделя, вторая, третья. Юля с удивлением обнаружила, что в жизни её появилась стабильность. Утро начиналось одинаково — с кофе. Никита предпочитал кофе с пенкой и пил его с таким удовольствием, что если бы Юля не любила этот напиток, то сейчас непременно полюбила бы. Закончив кофейную церемонию, они разбегались каждый на свою работу, а вечера и выходные проводили вместе, как хорошие друзья.

Сегодняшний день явно не задался. Последнее время Юлин компьютер барахлил, и мастер, вызванный накануне, грозился прийти с самого утра. Часы уже показывали одиннадцать, а Юля ждала и нервничала. Конечно, она предупредила Вадима Михайловича. Конечно, он вошёл в положение. Только работу за неё никто не сделает. Жаль, не догадалась поинтересоваться, во сколько начинается утро компьютерщика.

Страдая от вынужденного безделья, девушка слонялась по дому и периодически возвращалась к мысли: нужно переселять Никиту за стену, в его квартиру. Соседи, несмотря на щедро раздариваемые приятелем улыбки, поглядывали вопросительно. Того гляди слухи доползут до Омска. Что она скажет родителям? Никакого гражданского брака. Всего лишь в их комнате ночует молодой человек из соседнего подъезда. И вообще он здесь ненадолго, потому что прилетел неизвестно откуда, а его плюшевый костюм для путешествий куда-то исчез. Абсурд. Иногда казалось, что всё это ей снится.

Уставившись на безмолвный, ослепший монитор, она заспорила сама с собой. Что значит — снится? В прошлый выходной Никита приглашал в гости друга (у него уже по-

явились друзья!), и она, доставая из духовки курицу, обожгла палец. Вот он — яркий след от ожога, болит до сих пор. В тот вечер гость рассыпался в комплиментах, а на прощание долго тряс Никите руку. Наверняка подумал, что они пара. Положение до обидного двусмысленное, нахмурилась Юля и решила: «Сегодня же отправлю Ника к себе».

Запиликал домофон. «К вам первым», — объявил мастер, вваливаясь в квартиру. Часы показывали начало третьего. Он провозился долго. Когда компьютер ожил, рабочий день Юли подошёл к концу, а домой ураганом ворвался сияющий Никита. Он пригнал машину из ремонта, и девушка послушно натянула куртку для автомобильной прогулки.

Они долго кружили по городу, заехали в кинотеатр, посмотрели новый, вполне приличный фильм и так увлеклись обсуждением, что Юля забыла о принятом решении.

Дни мелькали. Утро-вечер, утро-вечер. Никита всё меньше интересовался Юлиной работой, зато о своей говорил часто и взахлёб. По его словам выходило, что в «Лакомке» всё держалось только на нём. Пытаясь скрыть улыбку, Юля поддакивала: «И как только они раньше обходились без тебя, ума не приложу».

— Нет, ты послушай, — в настойчивости Никите нельзя было отказать. — Сегодня у нас обедала молодая дама. Поэтесса. Знаешь, такая, в голубом шарфе. Она оставила отзыв в стихах и, между прочим, там обо мне целое четверостишие. Так и тянуло поцеловать её богемную руку.

— Дальше, — спина девушки напряглась.

Никита заметил подозрительный взгляд подруги.

— Нет, нет. Я не стал этого делать. Её пальцы были неприятного жёлтого цвета, как у курильщика, — вывернулся он и зачистил: — Не пойму, почему люди курят? Платят деньги, чтобы разрушить свой организм и сокращать жизнь!

«Так тебе и надо, — мстительно подумала Юля, пропустив мимо ушей лекцию о вреде курения. — Какой ещё джентльмен выискался».

И снова — утро-вечер, утро-вечер. К утренней кофейной традиции присоединился вечерний ритуал. В одной из телепередач известный учёный сообщил, что перед сном полезно съесть яблоко. Потому ближе к ночи друзья грызли фрукты, абсолютно не помня, чем это полезно, и разбредались по комнатам спать.

6

Зиме, казалось, не будет конца, и вдруг она отступила. Словно не было мороза, обжигающего ветра и снегопада. Мартовское солнце хищно набросилось на сугробы, и те поддались, начали сереть, опадать и растекаться в грязные лужи.

Каждую весну Юля ждала перемен. Дома не сиделось, словно там, за стенами надоевшей за зиму квартиры, должно случиться что-то важное. Никита, наоборот, увлёкся компьютерными играми, и на улицу его приходилось выманывать.

— Пойдём кормить уток? — предложила Юля в очередной выходной день.

Утки облюбовали соседний парк. Там они чувствовали себя вольготно и, совсем не боясь людей, занимались утиными делами. Одни спали, спрятав головы под крыло, другие обедали кусочками хлеба. Яркие сине-зелёные головы селезней сверкали и выделялись на фоне серо-коричневой утиной толпы. В парке всегда собиралось много детей, потому долго сопротивляться Никита не мог.

Сегодня на прогулку Юля надела лёгкую куртку и модную кепочку с козырьком — какая-никакая, а защита от солнца. Иначе на лице мигом выскочат веснушки. Солнце, не обращая

внимания на меры предосторожности, заглядывало девушке под козырёк, румянило щёки и заставляло щурить глаза.

Юля отметила про себя, как много на улицах появилось беременных женщин. Словно они вытаяли из-под снега. Позавидовала и слегка расстроилась.

Батон для птиц дружья купили заранее. Придя в парк, по очереди отламывали и кидали им небольшие кусочки, при этом наблюдали за мальчиком лет пяти. Тот поднял с земли палку и отважно отгонял от уток бездомную собаку.

Хлеб закончился, Юля стряхнула с одежды крошки и, подцепив приятеля под руку, повела к выходу.

— Ну-ка, скажи мне, что поменялось за последнюю неделю?

— Я вижу цветы, много цветов, — указывая на шляпки мать-и-мачехи, отчитывался дисциплинированный ученик. — Солнце слепит, а воздух стал совсем другой. Он пахнет чем-то... тонким. Вдыхаешь — и давит вот здесь, — он приложил руку к груди. — Это болезнь?

— Это — весна. Я смотрю, ты уже совсем очеловечился.

«А он ничего, — поймала себя на мысли Юля. — Симпатичный. Даже ресницы его не портят. Александру до него — как до Китая пешком. Рядом с ним Шурик смотрелся бы мышонком. Хорёк, как говорит папа».

Девушка натянула козырёк на лицо, пытаясь скрыть, как ей стало грустно. Оттого, что весна, оттого, что воздух тонкий, оттого, что пребывание Никиты на Земле заканчивается. Это очевидно. Он скоро улетит, а она встретит кого-нибудь Диму или Серёжу, а может, Васю и, наконец-то, выйдет замуж. Родит сына и назовёт его Никитой. Она вздохнула. Сына хотелось, а замуж — нет. Заметила возпросительный взгляд приятеля, кисло улыбнулась и твёрдо решила сегодня же выпроводить его по месту прописки. К мужчинам привязываться опасно, а уж к Нику тем более.

Всё равно что привязаться к ребёнку, у которого есть мать и отец. И так, решено.

Как назло, вернувшись с прогулки, Никита вёл себя предупредительно-галантно. Помог снять куртку, подал тапочки, открыл дверь в ванную. Юлин решительный настрой пошатнулся. Собираясь с силами, она несколько раз намыливала и смывала руки, пока не сморщились пальцы.

Подчиняясь призывному свисту чайника, девушка послушно прошла на кухню. На столе уже красовался торт. «Интересно, когда Никита успел его купить? Мы же весь день были вместе... — усаживаясь и придвигая чашку, подумала Юля. На долю секунды она засомневалась: — Может, отложить разговор до завтра? Нет, тянуть не стоит».

— Ник... — она резко встала. Никита, как по команде, поднялся следом. Лопатка — в жирных разводах крема, с прилипшими мягкими крошками бисквита — упала на пол, издала дребезжащий звук и закатилась под стол. Оба проследили за ней глазами. Одновременно присели. Вместе потянулись за лопаткой, больно стукнулись головами и отпрянули друг от друга, прижав ладони ко лбам. Так же синхронно встали, напрочь забыв обо всём. Их лица впервые оказались так близко друг к другу.

— Ты пахнешь весной.

Руки Никиты слегка сжали плечи девушки и плавно переместились на спину. «Наверное, он видел такое в кино», — подумала Юля, ощущая мягкое тепло чужого, но такого родного тела. Никита подхватил её на руки и бережно понёс в комнату. Это тоже из кино. Он неуверенно прилёг на кровать рядом с Юлей и шепнул:

— Не понимаю, что со мной происходит.

Она попыталась улыбнуться. Перевести всё в шутку, сказать, что это не болезнь, а всего лишь зов природы. Не успела. Он был мужчиной, хоть и из другого мира.

— Что это было?

Юля постаралась выровнять дыхание. Да уж, Никита — мастер задавать неудобные вопросы.

— Слияние двух миров, — неловко отшутилась она.

Они заснули в одной постели, и Юле приснился чудесный сон. Дельфины. Они танцевали, выпрыгивали из воды и улыбались.

Утром Никита (благо у него был выходной) намертво приклеился к ноутбуку.

— Интересная тема, — тыкал он пальцем в экран, — и сложная. Почему я раньше этого не заметил?

Юля вздохнула. Так и есть. Ник изучает отношения между лапами. Значит, вопросов не избежать. Только бы не за завтраком. От таких разговоров кусок в горле застрянет. Всё-таки она не медик, чтобы запросто раскладывать физиологию по полочкам.

— Скажи, заниматься сексом и заниматься любовью — одно и то же?

Началось. Чтобы оттянуть время, Юля прокашлялась. Интересная ситуация. Если высказать своё мнение — сначала чувство, а уже потом постельные отношения, — получится, что она невольно признаётся ему в любви.

Не дождавшись ответа, Никита вновь углубился в изучение теории. Он шевелил губами, вчитывался в текст и бормотал: «Угу, угу». Опять повернулся к Юле. Она сжалась в ожидании вопросов.

— Я понял. Любовь — это чувство, и оно живёт вот здесь, — Никита похлопал себя по груди.

Девушка кивнула, а он продолжил:

— Угу. Значит, я тебя люблю. Да, где живёт секс, я тоже понял.

Услышать признание, даже мимолётное, было приятно. Воодушевлённая Юля отправилась готовить завтрак и вскоре позвала друга к столу.

— Расскажи, какие отношения между людьми твоего мира? Ты случайно не связан по рукам и ногам страшной клятвой?

— Нет, нет! У нас полная свобода, и от уз брака в том числе. Безусловно, определённые отношения между нами существуют, но мне трудно это объяснить. У вас даже слов таких нет. Что-то вроде симпатии друг к другу.

— Что?! — Юля чуть не подавилась. — Ну-ка скажи, что там у тебя за симпатии?

Никита не первый день жил на Земле и уверенно отчеканил:
— Люблю только тебя.

В открытое окно донёлся плач близнецов. За последнее время их голоса окрепли. «Растут дети, — подумала Юля, — а их папаше и дела нет». «Поймать бы подлеца-беглеца и подвесить за ноги на кривой сук», — часто пламенно заявлял её отец.

Она усмехнулась — не каждого удастся поймать. Как поймаешь Никиту, когда он улетит? Жаль, что семьи у них не получится. Тем не менее вопрос с переселением отпал, так что оставалось хотя бы поиграть в семью.

7

Теперь по вечерам Юля готовила ужин, то и дело выглядывая в окно. Не потому что хотела заземлиться — она ждала Никиту. Сегодня, строгая овощной салат, девушка строго-настрого внушала себе: нужно отказаться от десерта. «Лето на носу. Сладкоежка несчастный! Я из-за него растолстею или диабет заработаю!»

В дверь позвонили. Ну вот, наверняка накупил сладостей, что в руки не помещаются. Ну она ему сейчас устроит!

Увидеть Эмму на пороге своей квартиры Юля не ожидала и слегка растерялась. «Странно, — вдруг пришло ей

в голову, — мы живём рядом и почти не встречаемся». Кажется, в начале года парочка промчалась мимо на машине (Александр за рулём) да спустя пару дней Эммин силуэт промелькнул в дверях магазина — и всё. В последнее время Юля вообще не вспоминала ставших чужими людей и даже забыла об их существовании.

Она вдруг обнаружила, что стоит в дверях как была — с большой ложкой в руке, — и еле сдержала усмешку.

— Зачем пришла?

— Он у тебя? — экс-подруга прищурилась и вызывающе вскинула голову.

Юля невольно отстранилась от живых чёрных локонов. Вот в чём дело — жених сбежал! Значит, не принёс Эмме счастья её «трофей». Отголоски дворовых обсуждений иногда долетали до Юлиных ушей, и сейчас она быстро составила из обрывочных фраз цельную картину. Сначала парочка отдыхала на островах. Они планировали свадьбу. Пышную, с размахом. Эммин отец пытался пристроить будущего зятя на приличную работу. Не составляло труда догадаться, что произошло дальше: Александр проявил себя не с лучшей стороны, родитель отказал молодым в материальной поддержке, и гражданский брак затрещал по швам. «Так вам и надо», — мстительно подумала Юля. Великодушной быть не получалось. Она умышленно долго не отвечала, постукивая ложкой о ладонь — пусть помучается, — и не услышала шага.

— О! У нас гости! Я как знал — торт принёс.

Эмма повернулась на голос. Взглянула на Никиту, на торт и опять на Никиту. Удивлённо, оценивая и, под конец, заинтересованно.

— Она уже уходит, — Юля весьма невежливо подтолкнула друга к двери. Эмма смогла одарить улыбкой лишь спину молодого человека и успела услышать дежурную

фразу бывшей подруги: — Не отчаивайся. Попробуй начать всё с начала.

Захлопнув дверь, Юля прижалась ухом к косяку. Неуверенное, почти забытое «цок, цок, цок» уже не причиняло сердцу боль.

— Что хотела та девушка? Ей нужна помощь?

Юля дёрнулась и вспыхнула, будто её застали на месте преступления.

«Взрослый человек в состоянии сам решить свои проблемы», — собралась отчеканить она, но передумала. Ужин почти готов, не стоит портить аппетит пустыми воспоминаниями.

— Забудь. Скажи, с кем ты вчера весь вечер шептался по телефону?

— С Ниной, — от тёткиного имени у него всегда теплел голос. Юля насторожилась. Нина, через раз отвечавшая на звонки отца, в последнее время то и дело сама набирает номер Ника. Интересно, о чём они беседуют?

Внимание отвлёк торт. Не торт, а килограммовое чудовище пристроилось на столе возле салата, и Юля чуть не застонала.

— Уважительная причина, — Никиту распирало от гордости. — Меня назначили старшим администратором. Так что с завтрашнего дня ты будешь обедать не за компьютером, а в моём кафе. Тебе нужно следить за своим питанием.

Это была (наверняка подслушанная) любимая мамина фраза.

В «Лакомке» Юля не появлялась давно. На первый взгляд, здесь ничего не изменилось, если не считать дополнительных столиков и нескольких диванов. Она заняла место в углу и сквозь стёкла солнечных очков наблюдала за Никитой.

Официантка с силиконовой улыбкой старалась угодить посетительнице, а сама то и дело стреляла глазами в сторону старшего администратора. От усердия чуть не уронила тарелку на Юлины колени. «Выслуживается», — подумала та. И заметила, как другая, с ещё более накачанными губами девушка, проходя мимо Никиты, кокетливо дёрнула плечиком. Аппетит пропал. Стараясь это скрыть, Юля через силу впихивала в себя еду. Жевала так медленно, что заболели челюсти.

— Кофе подавать?

— Да.

Определённо, женщины Никитой интересовались. Их здесь много. Толстые, тонкие, высокие, низкие, в возрасте и совсем молоденькие девчонки. Казалось, все они пришли сюда только затем, чтобы поглазеть на смазливую мужчину.

Она глотнула кофе, обожглась и оттолкнула чашку.

— Ты ничего не поела, — огорчённый Никита словно материализовался из воздуха.

— Передай повару спасибо. Всё вкусно, — нарочито бодро ответила Юля, поднимаясь из-за стола, и неожиданно для себя добавила: — Я место оставила на вечер для сладкого.

Ушла и всю дорогу ругала себя за дурацкую шутку, которая наверняка будет принята всерьёз.

Как ни настаивал Никита, от попытки обедать в кафе Юля отказалась.

8

Весна была в разгаре. Солнце заливало окна, подгоняя хозяек вооружиться тряпками и смыть со стёкол зимнюю грязь. Генеральную уборку Юля откладывала изо дня

в день и никак не могла взять себя в руки — её постоянно клонило в сон. Рот то и дело неприлично растягивался, а глаза, наоборот, слипались, точно намазанные клеем. «Устала», — отговаривалась она, чтобы пораньше забраться в кровать. «Ты не заболела?» — Никита тут же устраивался рядом со своим ноутбуком и что-то читал, писал, считал.

Сегодня Юле на удивление не спалось, она лишь притворялась спящей и исподтишка наблюдала за другом. Тот уткнулся в экран, мычал и кивал, словно с кем-то спорил. «Диссертацию заканчивает. Про чувства и эмоции строчит. Не терпится ему вернуться назад и получить очередную награду — блик. Скатертью дорога, — девушка вздохнула чуть слышно и в очередной раз попыталась себя уговорить: — Одной жить не так уж плохо».

Она услышала, как завибрировал смартфон, успела заметить, как, подхватив его, Никита быстро вышел из комнаты. «Вот уже и секреты появились. Надо бы обидеться. Только на что? Кто он ей? Кто он вообще? И почему ей так чертовски не везёт?»

В носу защипало. Юля зажмурилась, чтобы запереть слёзы, и почувствовала на щеке поцелуй. Лёгкий, как пёрышко.

— Нина звонила. Приглашает в гости на майские. Она замуж выходит. Хочет отметить это в узком кругу. Как думаешь, что им подарить?

— Нина?! Замуж?! — новость заставила забыть все обиды. — Ну и ну!

Заняться поиском подарка вызвался Никита. «И где он только откопал этот сервиз с деревенскими мотивами? Коровы, курицы, трава-мурава», — разглядывая посуду, Юля запоздало раскаивалась в собственном нежелании слоняться по магазинам.

На удивление, «молодые» подарок оценили. Особенно жених, он долго благодарил гостей и тряс им руки.

Свадьбу, точнее, скромное застолье из четырёх человек справляли в Нинином доме. Юля то и дело оглядывалась по сторонам — здесь изменилось всё. Можно было найти двадцать, тридцать, сто отличий. Как будто отовсюду сняли чехлы. Другая мебель, другая одежда, другая посуда, даже воздух казался другим. От прежней жизни в доме осталась только кошка Сильва, но та участия в торжестве не принимала и демонстративно ушла на крыльцо.

Невеста — теперь уже молодая супруга — объявила: пока всё не будет съедено, из-за стола никто не выйдет. Приняв её слова за «чистую монету», Никита навалился на угощения, а Юля то и дело поднимала стакан с соком и на всю деревню кричала: «Горько!» Молодые целовались, а Никита вытягивал в их сторону шею и, приоткрыв рот, моргал ресницами.

К концу дня хозяева и гости перебрались в беседку. Расходиться не хотелось. Даже назойливое жужжание остроносых комаров не могло испортить тёплый майский вечер. «Молодой» взял в руки гитару, а Нина запела. Песня показалась Юле слишком длинной. Что-то про долгую дорогу, после которой успокоилось чьё-то сердце. Но, в общем, получилось неплохо.

Гостям постелили в летнем доме. Здесь пахло свежей травой. Из приоткрытого окна доносилось кваканье лягушек и, изредка, Зойкино мычание. «Отец бы сегодня веселился от души», — думала Юля. Почему же ей так грустно? Наверное, завидует Нине. Из-за облаков неторопливо выплыла

полная луна. «Надо загадать желание. Нет, перепутала. Это на звёзды загадывают желания, а луна — что-то другое». Захотелось плакать. Звёзды, луна, и где-то там, далеко, дом Никиты.

Юля вытерла глаза ладонью и прилегла на кровать.

— Как тебе жених? По-моему, ничего особенного. Мужик как мужик.

— Не понял. Какой он должен быть? Для Нины — да, особенный, а для остальных, конечно, обычный.

— Нина заслуживает большего. Она столько перенесла. Откуда он вообще взялся?

— Он здесь вырос. Не переживай. Он любит Нину и сумеет сделать её счастливой.

Юля тихонько всхлипнула. Почему-то казалось обидным, что не отец, не она, а чужой человек осчастливил их Нину. Похоже, Сильва тоже обиделась — не явилась на свадьбу.

Вдруг запел соловей. Оказывается, ещё было чем удивить Никиту. Он приподнялся на локте и, открыв рот, уставился в темноту.

— Это соловей. Он поёт о вечном, о любви, — шепнула Юля. — В общем, тут и без слов всё ясно.

Никита подался вперёд и замер. Когда птица выводила замысловатые трели, восклицал: «О!» — и поднимал вверх указательный палец.

Проснулась Юля лишь к обеду. Словно не у молодых, а у неё наступил медовый месяц. За ней почему-то ухаживали все: Никита, Нина и даже новобрачный. Завтрак (скорей, обед) в постель. Может, принести свежего молока? Или сок яблочный из погреба? Холодненький! Скоро тесто подойдёт. Пирогов напечём, с зелёным луком и яйцом. Может, есть желание прогуляться по лесу? Или полистать журналы? Если что — здесь удобные качели.

Жаль, что нужно было возвращаться назад — Юле так захотелось воспользоваться приглашением и остаться погостить.

10

Дома всё быстро вошло в привычную колею. Днём Никита пропадал на работе, по вечерам корпел над диссертацией. Юля не навязывалась — у неё своя работа и свои проблемы.

К примеру, сейчас. В желудке крутило и никак не получалось заснуть. Недавно выпитый кефир грозил выскочить наружу.

— Ты проверила дату на пакете? — Никита оторвался от ноутбука и нахмурился.

— Ммм, — Юля отвернулась к стене и принялась ковырять обои.

Кефир ни при чём. Тест на беременность дал положительный результат. Нина сразу догадалась, а Нику знать об этом не надо. Интересно, кто родится? Наверное, мальчик. Голубоглазый, со светлыми ресницами. Маленький Никита. Юля представила, как отец из Омска примчится прямоком в родильный дом. Поставит всех на уши. Завалит конфетами врачей и медсестёр. И однажды сядет рядом, похлопает её по колену. «Юлька, дело прошлое. Кто всё-таки отец? Кому при встрече морду бить?» А мама будет маячить в сторонке и терпеливо ждать, когда дочь ей всё расскажет. Она не расскажет. Никому и ничего не станет объяснять.

Шелест бумаг стих. Тёплая рука погладила её плечо.

— Не спишь? Хочу сообщить тебе что-то важное.

Вот оно!

— До утра не потерпит? — сказала и почувствовала, каким тусклым сделался её голос.

— Это сюрприз.

Сюрпризов хотелось меньше всего.

Никита протянул красную папку, и из неё с шелестом повалились листки со схемами, цифрами и формулами.

— Что это?

— Бизнес-план. Я хочу открыть детское кафе. Можешь проверить расчёты? — в предвкушении успеха Никита заходил по комнате, потирая руки. — Это только начало. Я собираюсь открыть сеть столовых, кафе и ресторанов.

— А как же «Лакомка»? Ты говорил, что обязан директору — он вырастил из тебя хорошего работника.

— Да. Но тут у меня будет своё. Своя рубашка ближе к телу. Каждый человек — кузнец своего счастья. И ещё — от себя только курица гребёт.

«Подготовился хорошо, этого не отнять», — подумала Юля. Но сейчас её интересовало другое.

— Подожди. То, что ты задумал, — дело не быстрое, и может растянуться не на один год. Разве тебе не пора возвращаться?

— Ты забыла? Я свободен в своём выборе. На Земле у меня уйма дел, но главное — я не хочу расставаться с тобой. Ты крепко меня примагнитила, — озорно подмигнул Никита и тут же посерьёзnel. — Теперь я лучше всех знаю, что такое любовь.

— Разве ты не скучаешь по своему миру?

— Нет. Ведь он никуда не делся. Со мной или без меня он продолжает существовать. Я обязательно вернусь туда, только не скоро. Утром я куплю цветы. Букет или целую корзину, и сделаю тебе предложение. Но пока — это секрет.

Юля рассмеялась.

— Какой секрет, если ты всё выболтал? И какой из тебя муж, если ты в любой момент можешь исчезнуть?

— Да нет же, не исчезну! Увидишь, из меня получится самый лучший муж, и мы с тобой бок о бок проживём длинную жизнь.

— До самой смерти?

Никита почесал голову.

— Но ведь смерти нет, поверь мне, её нет. Мы часто говорили об этом. Когда придёт твоё время, и ты отправишься в Другой мир, я тут же полечу следом.

— Ник, скажи, куда делся твой комбинезон?

— Растворился. Он нужен, только чтобы добраться в одну сторону. Назад мы возвращаемся естественным путём, как все. Только путешественники не задерживаются в Малом мире, они сразу попадают в Большой. Ты не бойся, я буду тебя там ждать. Мы обязательно встретимся и будем друг другу симпатизировать. Ты только верь, что он настоящий, мой мир.

Никита сгрёб с одеяла листки — сегодня не до расчётов — и сложил обратно в папку. Пристроил её на подоконник, тот самый, с которого и началось его затянувшееся путешествие. Приоткрыл на лоджию дверь и задержался, наслаждаясь тем, как прохладный вечерний воздух мягко втягивается в комнату. Затем щёлкнул выключателем и блаженно растянулся рядом с Юлей.

— Не думай об этом, — закончил он. — У нас с тобой впереди целая земная жизнь. Ведь я пока ещё даже не знаю, как это — чувствовать себя мужем и отцом. А я так люблю детей!

Она хотела сказать, что это случится раньше, чем можно предполагать, но Никита приложил палец к её губам: «Тсс!» За окном послышалась соловьиная трель. С каждой минутой она набирала силу.

— Это наш соловей. Он прилетел за нами, — прошептал Никита.

Юля зажмурилась и почувствовала, как от кончиков пальцев её ног медленно поднимается жар. Выше и выше.

Ладони сделались горячими, разожгло лицо. Казалось, вот-вот затрещат волосы. Она откинула одеяло. По телу словно побежали ниточки электрического тока. Наверное, так накрывает счастье. Что, если это — всего лишь сон? Юля пошарила рукой, почувствовала тепло человеческого тела и открыла глаза. Вот он, Никита. Никуда не исчез. Лежит рядом и смотрит в потолок. Её будущий муж. Отец ребёнка. Для кого-то обычный, а для неё — самый лучший. Скоро у них будет свадьба. Скромная. Приедут родители, Нина с мужем. Конечно, Вадим Михайлович придёт поздравить от всего коллектива — как же иначе? На следующее утро она, Юля, вынесет во двор целый мешок конфет и угостит всех: детей, соседей, Наташку. Альбине собственноручно вручит букет невесты. Пусть та как можно скорей встретит своё счастье. А семейство дворников отец пусть угощает сам. Ник обязательно понравится родителям. Особенно маме, ведь она на каждый праздник печёт торт «Наполеон».

— Я не понял, ты согласна?

Юля улыбнулась. Оказывается, она всё ещё не дала ответ. Если всё так, как обещает Никита, счастливей её не будет никого на свете.

— Ты — моё счастье, — выдохнула она. — Счастье из Другого мира.

А соловей за окном пел свою песню о любви, весне и верности.

Борьба с тенью

Повесть

1

2012 год

«Всё не то и не так», — размышлял Илья, расхаживая субботним утром по холостяцкой квартире. За окном хмурилось подмосковное осеннее небо. Настроение соответствовало погоде, хотя та была ни при чём.

Вчера, собираясь на работу, Илья дал себе слово: набраться храбрости и пригласить Карину на свидание. Перед зеркалом он несколько раз отрепетировал и слова, и непринуждённую улыбку, и уверенную походку, но артист из работника банка не получился. При виде Карины ноги приклеивались к полу и не давали приблизиться к девушке, оставляя единственную возможность любоваться ею издалека.

Они работали в одном банке не первый год. Илья — заместителем начальника компьютерного отдела, Карина — маркетологом. Илья знал: коллеги её недолюбливают, перешёптываются за спиной — «белая кость». Тем не менее молодые люди не осмеливались при ней выдавать шутки ниже пояса, а их подруги — взвизгивать от смеха на неприличные анекдоты. Кто-то злословил, что Карина «строит из себя», и рост её слишком высок, чтобы подчёркивать его каблуками. Илья снисходительно посмеивался на критику. Женская зависть — штука ядовитая. А ему нравилось, когда можно смотреть девушке в глаза, не сгибаясь, как лакей.

Нравилась высокие каблукки, особенно тонкие. Нравилась Карина. Что скрывать, Илья давно был влюблён.

Он сел в кресло и задумчиво постучал ладонями по подлокотникам, вспоминая вчерашний день. Вот они с Кариной столкнулись в коридоре, поздоровались и разошлись. Вот целых две минуты она одна стояла возле автомата в ожидании кофе. Поводов, чтобы заговорить, было предостаточно. Казалось, подойди поближе и скажи всё, что собирался. Но — нет. Непонятным образом ноги вели его на рабочее место.

Илья замычал от злости и очередных воспоминаний. После обеда они одной дорогой возвращались в банк. Она впереди — уверенно переставляя нереально длинные ноги, и он сзади — отдирая свои, липнувшие к асфальту, словно там пролили клей. В результате рабочий день закончился, сотрудники разошлись по домам, а он увидит Карину только после выходных.

Увидеть хотелось. Замечательная девушка. Идёт по улице: лицо строгое, улыбка — только для близких. Запросто к такой не подъедешь. Она делит людей на «своих» и «чужих». Он, Илья, для неё тоже «свой».

Прикрыв глаза, он вспоминал, как вчера Карина шла по коридору. В белоснежной блузке, с причудливо заплетёнными волосами. Казалось, даже уловил лёгкий запах горьковатых духов. «Услышать бы сейчас её голос», — подумал Илья и вздохнул — от одного голоса можно сойти с ума.

Почувствовав волнение, молодой человек сжал кулаки, выдернул себя из кресла и направился на кухню перекусить. В холодильнике, кроме куска сыра с мохнатыми пятнами плесени да вздутой (того гляди взорвётся) коробки молока, ничего не оказалось.

Один Илья жил недавно и вести хозяйство пока не научился. Продукты, а вместе с ними такие нужные мелочи,

как зубная паста и пена для бритья, заканчивались как-то вдруг. Тогда приходилось тащиться в магазин, а это он считал не мужским делом.

«Правильно советуют друзья: жениться надо», — подумал Илья и бросил сердитый взгляд за окно. Ветер разошёлся не на шутку: рвал с деревьев ещё недавно зелёные, а сейчас порыжевшие листья и швырял их под ноги прохожим. Капли дождя мелкими гвоздями прибивали опавшую листву к земле, лишая возможности вдоволь покружиться напоследок.

Покидать тёплую квартиру не хотелось. Илья через силу заставил себя одеться и выйти в подъезд. Вспомнилось, как без счёту раз он мальчишкой жал кнопку старого звонка и, подпрыгивая, нетерпеливо прислушивался к шагам за дверью. Как, повзрослев, прикасался к тому же звонку и тревожно замирал, пытаясь расслышать старческое шарканье. Он знал с детства, что когда-нибудь переедет сюда — в бабушкину квартиру на третьем, «еврейском», этаже и станет её полноправным хозяином.

Неторопливо заперев дверь, он медленно, шаг за шагом спустился по ступенькам. Проверил почтовый ящик, хотя знал, что, кроме рекламных проспектов, там ничего не может быть.

На улице хлестал дождь. Короткими перебежками Илья устремился к магазину.

2

Светлая однокомнатная квартира с видом на детскую площадку досталась ему по наследству. Бабушка по отцу — Елизавета Кузьминична, женщина с непростым характером — умерла в прошлом году. Всё имущество и сбережения она завещала старшему внуку. Даже немногочисленные

золотые украшения предназначались для его будущей супруги.

Ирина Витальевна — мать Ильи — со свекровью не ладила. Женщины не общались много лет. С тех пор, как погиб отец Ильи — Георгий Яковлевич. Тот — шумный, сильный мужчина — в своё время работал пожарным и настолько часто шутил на тему любимой профессии, что сумел убедить близких: она абсолютно безопасна. Больше всех доставалось младшему из сыновей — Мише. Мальчик любил поспать, и отец поддразнивал, что тот дрыхнет, совсем как пожарный. «Вставай, Мишка, — Георгий за ноги тащил ребёнка из кровати, — норму на пожарного ты уже сдал».

...Трагедия произошла, когда Илья учился во втором классе. В старом кирпичном доме случился пожар — замкнуло проводку. Квартиру на верхнем этаже плотно окутало дымом. В ней перепуганной птицей металась молодая мать, пытаясь отыскать двоих малышек. Георгий несколько раз нырял в самое пекло. Дети забились под кровать, цеплялись друг за друга и не издавали ни звука. Он с трудом вытолкал наружу женщину и отыскал-таки её мальчишек. Все трое наглотались дыма и почти потеряли сознание, но спасти пострадавших удалось. Георгий Яковлевич умер по дороге в больницу...

Илья помнил, как от страшного известия зарыдала, забилась в истерике мать. Как бабушка, сжав в руке платок, прикрикнула на неё: «Ирина, возьми себя в руки! У тебя дети!» На всю жизнь в память Ильи врезалась картина: сдвинутые бабушкины брови и между ними складка — точно стрела, направленная вниз. К утру волосы Елизаветы Кузьминичны побелели. Словно ночью их припорошил снег да так и не растаял. Складка-стрела осталась на её лице до конца жизни.

На следующий день примчался с Урала Виктор — брат погибшего. Он — военнослужащий со стажем — взял на себя организацию траурной церемонии. Квартира Елизаветы Кузьминичны превратилась в штаб, откуда её младший сын раздавал указания. Куда-то звонил, о чём-то договаривался, что-то согласовывал с начальством Георгия.

Хоронили того с почестями. Гроб с телом подвезли к дому, где жил герой, где его знали и любили. Люди несли цветы, и на какое-то время двор превратился в огромную пёструю клумбу. Родственники, сбившись в кучу, расплывались в ней тёмным пятном.

Мишу оставили дома, а Илью взяли на кладбище. Он не слышал ни траурных речей, ни ружейных залпов. Он ужасно боялся. Скорей всего, потому от похорон отца в детской памяти сохранились лишь обрывки эпизодов. Мать — некрасивая, растрёпанная, хватающая скрюченными пальцами малиновый гроб. Бабушка — хмурая, высокая, с белыми губами. Она крепко сжимала руку Ильи ледяными пальцами. Ещё — машина с красным крестом и врач. Мужчина или женщина — Илья не помнил. Помнил только белый халат, палец, пистолетом нацеленный на бабушку, и тихий шёпот. Доктор чем-то напугал дядю Витю, и тот следующие дни не отходил от матери. Когда же подошло время возвращаться на службу, поручил Илье на время переехать к бабушке, приглядывать за ней, не расстраивать и хорошо учиться.

Илья старался. Вернувшись из школы, доставал дневник, раскладывал на столе тетрадки. Елизавета Кузьминична в них не заглядывала. Она подолгу смотрела на фотографию в чёрной рамке, а иногда прижимала к себе внука и судорожно гладила по голове.

Потом снова приехал Виктор, и Илья узнал, что наступил сороковой день. Его он запомнил хорошо.

Столы в кафе расставили длинноногой буквой «П». Народу собралось много, как на праздник, только лица людей выглядели невесёлыми. Бабушка сидела во главе с бледным, точно мятый пергамент, лицом и яркими, сухими глазами. Прямая, как палка. Справа, вполоборота к ней, — дядя Витя в военной форме, слева усадили Илью.

Друзья, коллеги то и дело вставали и рассказывали об отце. Говорили, что он был смельчак и никогда не прятался за чужие спины. То и дело звучали слова «подвиг», «герой». Почему-то все говорившие обращались к бабушке. Она сидела, сжав в белую полоску губы, и смотрела в пустоту, а мать заливалась слезами.

Вдруг дверь отворилась, и голоса людей стихли. Вошёл дядя Женя — друг отца — и пропустил вперёд себя худенькую женщину в тёмном, криво застёгнутом платье. Из-за её спины выглядывали два перепуганных мальчика, маленьких, не больше Миши. Семья, которую спас отец.

Прошло много лет, но ту сцену Илья запомнил на всю жизнь. Люди не мигая смотрели на бедную женщину. Она — маленькая и угловатая, как девочка — шла через зал, передвигаясь неуверенно, словно недавно научилась ходить. Подошла к бабушке, закрыла лицо руками и рухнула перед ней на колени. Илья даже вздрогнул и невольно потёр свои коленки. Малыши испуганно жались у дверей, и было слышно, как шмыгают их носы.

С минуту бабушка смотрела на узкие, мелко вздрагивающие плечи. Затем опустила руку на чужой светлый затылок и провела по волосам. Прерывисто всхлипнула. Закрыла глаза. По бледным её щекам медленно и неровно покатались слёзы.

Для дяди Вити словно прозвучала команда. Он вскочил, поспешил к дверям, подхватил малышей на руки и усадил за стол. Помог подняться их маме и проводил к сыновьям.

Кажется, никто, кроме Ильи, не заметил, как его мать встала и тихо вышла из кафе. Она не захотела сидеть за одним столом с виновниками гибели мужа.

С тех пор в отношениях матери и бабушки появилась трещина, а однажды произошёл скандал.

3

Илья уже учился в третьем классе и в тот день пришёл из школы раньше обычного.

— Ирина, как ты воспитываешь сыновей? Они — парни! Хочешь, чтобы из них выросли мямли? — услышал он с порога и поспешил укрыться в ванной.

— Я их воспитываю одна, — пыталась оправдаться мать.

— Я тоже поднимала детей одна, и оба моих сына выросли настоящими мужчинами, — отрезала бабушка.

Тишина затянулась. Илья собрался обнаружить своё присутствие, и тут мать, обычно тихая, особенно в присутствии свекрови, взорвалась:

— Если бы не ваше воспитание, мой муж был бы жив!

— Он выполнял свой долг! — от бабушкиного голоса заложило уши, точно кто-то принялся колотить молотком по железу.

— Его долг был думать о своих детях, а не спасать чужих! — сорвалась на визг мать.

Илья замер и боялся пошевелиться. Снова тишина, и негромкое бабушкино:

— Дай Бог тебе воспитать таких сыновей.

Послышались шаги, замок мягко щёлкнул. С тех пор порог их квартиры бабушка не переступала.

Каждый год в её доме собирались друзья отца и кто-то присылал огромный букет. Они так же сидели за столом: справа — дядя Витя, слева — Илья.

Он столько раз слышал страшную историю, что казалось, всё это происходило на его глазах. Он видел широкое лицо отца, чёрное от дыма и копоти. Слышал его зычный голос. Вот он кричит вниз врачам скорой: «Медицина! Давай наверх! Они живы!» Доктор снизу кричит в ответ: «У нас нет “защиты”!» Отец срывает с головы маску: «Быстрее! Я свою отдам!» Хотелось закрыть глаза, зажать ладонями уши и остановить время. То время, когда отец был жив. Когда на бабушкином комодe ещё не лежала медаль «За отвагу на пожаре» возле фотографии в чёрной рамке.

4

Без отца сделалось тоскливо. Дядя Витя приезжал два раза в год, и чаще всего один — его жена берегла нервы, а сын всегда чем-то болел.

В такие дни бабушкина квартира оживала. Появлялись новые «непригорающие» сковородки, громоздились друг на друга коробки с бытовой техникой, ртутно поблёскивали новые смесители. Закупалось невероятное количество продуктов впрок.

— Виктор, — возмущалась бабушка, — ты сделал мне стратегический запас. Его хватит на две войны!

— Ну уж этого я точно не допущу, — на дяди Витином лице появлялась улыбка — широкая и добродушная, такая знакомая, от которой перехватывало дыхание и щипало в глазах.

После гибели старшего сына бабушка редко выходила на улицу. «Нельзя запира́ться в четырёх стенах», — полужокоментировал, полууговаривал мать младший из сыновей. Он сопровождал её в поликлинику на «плановый техосмотр». Не слушая возражений — «я же не собака», — каждый вечер гулял с ней в ближайшем парке. И, конечно же,

выводил «в свет». Бабушка надевала чёрную шляпку-таблетку (если позволяла погода) и под руку с Виктором отправлялась в театр.

В их культурной программе были обязательны визиты к родственникам. Сына Елизаветы Кузьминичны любила вся родня. Дамы млели в его присутствии, любясь подтянутым молодым человеком в военной форме. Ему прощалось всё: и невысокий рост, и лёгкая картавость в голосе. Даже то, что дяди Витин сын рос самым настоящим мямлей, никогда не ставилось тому в упрёк. «Какой красавец наш Витенька!» — охали престарелые тётушки. «Правильный мужик!» — вторили им мужья.

Иногда бабушка брала с собой его, Илью. Он не любил ходить на старушечьи посиделки. Особенно к бабушкиной сестре. Стены её дома насквозь пропитались корвалолом, валидолом и старостью, а хозяйка любила смаковать прошлое и указывать родственникам на оплошности столетней давности.

— Витенька, — от скрипучего голоса старухи подташнивало, — помню, мать вас, маленьких, так строжила. Я не раз ей говорила: «Нельзя так, Лизавета, они ещё дети». А она упрямылась: «Сама знаю, как надо!» Уж так вас строжила, так строжила!

Дядя Витя улыбался, подливал тётке чаю:

— Это и хорошо. Иначе мы с Георгием такими бы не выросли.

Бабушка отмалчивалась. Лишь стрела-морщина на её лице сильнее упиралась в переносицу.

Энергии и заботы дяди хватало на всех. В том числе и на семью погибшего брата. Шумный, весёлый, обвешанный подарками, в каждый приезд дядя Витя возникал на пороге их квартиры. «Здравия желаю!» Катал Мишу на спине, заглядывал в школьные дневники, рассказывал об отце. Потом подолгу беседовал с матерью на кухне за закрытыми дверями. «Мама,

о чём вы разговаривали?» — как-то поинтересовался Миша. Та ответила нехотя, словно самой себе: «Так. Ни о чём. Жить учит».

Позже выяснилось, что дядя все годы материально поддерживал их семью и пытался примирить мать с родственниками отца. Безуспешно. Она никого не хотела видеть, жалела себя и винила свекровь в гибели мужа. Словно назло той воспитывала сыновей, как малышей в яслях, где работала воспитателем. От денег не отказывалась, но принимала их брезгливо, точно от неё откупались.

5

Илья бродил среди магазинных полок, загружал в тележку всё нужное и ненужное, надеясь оттянуть следующий поход за продуктами. Картины прошлого неприятно откликались в душе. Они так и не помирились — мать и бабушка. Мать даже не захотела пойти на похороны свекрови. Скорей всего, рассердилась, узнав о завещании.

Воспоминания оборвала телефонная трель. Илья огляделся — он всегда испытывал неловкость, если разговор могли слышать посторонние — и тихо сказал в трубку:

— Мама, я перезвоню из дома.

— Не надо, сынок, не трать деньги. Разговор всё равно не телефонный. Зайди ко мне завтра вечером.

Илья помрачнел. Ничего хорошего встреча не обещала. На него наверняка навесят проблемы младшего брата. Три года разницы давали право Михаилу до сих пор считаться маленьким, и тот старался поддерживать удобный имидж. Улыбчивый блондинчик с по-детски наивными глазами и припухшими от чрезмерного сна щеками. Он никогда не ругался, не злился, даже не повышал голоса и всегда получал желаемое.

Так повелось с детства: одежда, обувь, игрушки в первую очередь Мише — он маленький. Ему первому приобрели велосипед, коньки, хорошие лыжи. Хотя Илья со спортом дружил, а младший лишь изредка посещал уроки физкультуры. У него всегда были какие-то освобождения. И всё равно: сначала Мише, потом — Илье. Он привык и сам себя прозвал «номер два».

Окончив школу, Илья ушёл в армию, а отслужив, поступил в университет на заочное обучение. «Не сидеть же нам, двум взрослым лбам, на шее у матери», — внушал он Михаилу. Каждый месяц, выдавая деньги на «хозяйство», старший сын с удовольствием наблюдал, как расправляются мамины плечи, светлеет лицо. «Мясом вас досыта накормлю», — неловко шутила она.

Михаил учился с ленцой. Ирина Витальевна с трудом протолкнула его в вуз на дневное платное отделение. Она понимала: «младшенького» придётся «тянуть за уши» до диплома, и оправдывалась перед его братом:

— Илюша, Мишеньке надо получить образование. Что делать, не смог он хорошо экзамены сдать. А куда сейчас без образования? Уж как-нибудь справимся.

Справляться приходилось Илье. Кроме основной работы, он взялся ремонтировать компьютеры. При этом старался вполне сносно учиться, экономя время на сне.

Михаил же, навещая университет далеко не каждый день, каким-то чудом умудрялся переваливаться из семестра в семестр.

На третьем курсе горе-студент объявил: хочу жениться.

— Мама, Мишка с ума сошёл? — возмутился Илья.

— Ну, что делать, — отбивалась мать. — Оля в положении. Отчим настаивает на свадьбе. — И, повздыхав, добавила: — Придётся нам, сынок, потесниться — молодые пока поживут с нами.

Что можно было возразить? Кроме Ольги, у её матери ещё двое детей от второго брака, а отчим — мужчина простой и резкий. «Жена должна жить в доме мужа!» — и — кулаком по столу.

Илья ничего не имел против Оли. Молчаливая девушка с грустным лицом и взглядом сироты. В квартире её присутствие почти не ощущалось. Она никогда не возражала Михаилу и исполняла все его прихоти. Даже зарплатная карта Ольги хранилась в дорогом портмоне мужа. Трудилась она в литейном цехе модельщицей. Слово красивое, а работа вредная и тяжёлая. «У меня жена — модель», — добродушно шутил Миша.

Снимать квартиру Михаил отказался — дорого. Илья не спорил. Свадьба брата встала в копеечку и загнала семью в долги. Но, как ни крути, четверым взрослым в квартире из двух комнат было тесновато. Маленькую заняли молодые. Илья отгородил себе угол в большой и старался реже появляться дома, а порой по несколько дней жил у бабушки.

Вскоре у Миши родилась дочь, а через год Олин живот опять округлился.

— Сына хочу, — заявил новоиспечённый папаша.

В начале осени, пока пятикурсник Михаил дремал на лекции в университете, Илья отвёз Олю в родильный дом.

Заботу о старшей внучке взяла на себя Ирина Витальевна, и кровать девочки переехала к дивану бабушки.

— Мама, ты Мишку совсем избаловала. Он что, не знает: сейчас и с двумя детьми в армию берут. Кто с таким солдатом нянчиться будет? — сердился Илья.

— В армию он не пойдёт, — Ирина Витальевна отвела глаза, но голос прозвучал уверенно.

Илья знал, что однажды она уже пыталась решить вопрос через дядю Витю, и знал, что тот ей отказал. Больше того,

прочитал целую лекцию на тему: армия для Михаила — спасение. После чего попал в «чёрный список» матери.

6

С жильём нужно было что-то решать. Вшестером в двухкомнатной квартире только Михаил чувствовал себя комфортно. К тому времени Илья не первый год работал в банке, но помочь семье брата с ипотекой не мог — один студент, вторая в декретном отпуске. Пришлось «старшему» напрячься, купить молодым комнату в коммуналке (на большее финансов не хватило) и продолжать по вечерам «вправлять мозги» чужим компьютерам. Вот только брать деньги со знакомых он до сих пор не мог привыкнуть.

— Потерпи, сынок, — просила мать. — Скоро Миша окончит институт, найдёт работу, и наша помощь ему не понадобится.

Михаил решил иначе. Получив диплом, он напрямик отправился на биржу труда. Прошёл месяц, другой, третий. Работать вчерашний студент не собирался.

— То, что там предлагают, Мишеньке не подходит, — сокрушалась Ирина Витальевна. — Он ждёт хорошего места.

— Пусть идёт куда угодно — ямы копать, улицы убирать. У него двое детей! — злился Илья, но когда раздражение отступало, отправлялся «лечить» очередной компьютер.

Хорошее место для Михаила всё же нашлось. В банке освободилась вакансия, и Илья почти договорился, чтобы взяли брата. На собеседование тот не явился. Сначала сказал — проспал, потом — забыл, наконец признался, что не видит в этом смысла.

— Понимаешь, — растолковывал он Илье, попивая кофе на кухне матери, — сейчас я стою на бирже, получаю пособие. Жене платят «детские», у нас субсидия на квартплату.

Да и родственники жалеют, денегат подкидывают. Пойду работать — всё обломится. Сколько я имею сейчас, мне не заработать.

Такого Илья не ожидал даже от Михаила. Открылось, что тому помогает вся родня. Даже старенькая тётка матери каждый месяц делится с ним копеечной пенсией. Руки чесались, как хотелось отвесить «младшему» «леща». Как назло, рядом с ноги на ногу переминалась мать. Краснела, бледнела, вздыхала и выглядела несчастной. Илье сделалось противно до тошноты, словно он новым ботинком вляпался в свежее собачье дерьмо.

А потом умерла бабушка. При жизни она часто повторяла Илье: «Тебе нужно вырваться из паутины домочадцев». Он переехал сразу, не дожидаясь сорокового дня, но почему-то не чувствовал себя свободным.

7

Справившись с покупками и рассовав их по пакетам, Илья зашагал к дому. Телефонный звонок вернул настроение на нулевую отметку. Мать не раз намекала, а в день переезда прямо сказала, что Миша бабушке такой же внук и Елизавете Кузьминичне следовало сначала побеспокоиться о жилье для Михаила — всё-таки у него семья.

Тогда Илья сделал вид, что увлечён сборами и не понял намёк, хотя в памяти сразу всплыл день, когда составлялось завещание.

Накануне дядя Витя вызывал скорую помощь — у бабушки подскочило давление. Утром она потребовала нотариуса на дом. «Оформите бумаги так, чтобы никакие суды не смогли опротестовать их. Илью нужно отселить от этих людей», — потребовала она от слугителя закона. «Как скажете, Елизавета Кузьминична, как скажете, — со-

гласился с клиенткой нотариус, протёр толстые очки и водрузил их на такой же толстый нос. — Вы хорошо себя чувствуете?»

Она сидела в кресле прямая и суровая. Потом долго и вьедливо читала документы, чуть шевеля бескровными губами. Поставила последнюю подпись, закрыла глаза и прошептала: «Теперь у него есть шанс».

8

Вернувшись домой, Илья пил кофе с не очень свежими бисквитами — забыл посмотреть дату изготовления — и размышлял. Он не уступит Мишке квартиру. Здесь всё пропитано бабушкиным строгим теплом. Никаких салфеточек, статуэток, подушечек. Ничего лишнего, для каждой вещи своё место. Документы — в старомодном потёртом портфельчике. Украшения — два тяжёлых кольца червонного золота и серьги — в деревянной шкатулке. В шкафу в коробке хранится шляпа-таблетка. На стене картина — скорей всего, чей-то подарок. Дерево без листьев и рыжевато-жёлтая дорога. Ценности в картине никакой, но хозяйке она была дорога, а значит, дорога и Илье. Хотя бабушка не раз говорила: «Умру — старьё отнеси на свалку. Золото подаришь жене, и пусть она здесь командует». Илья сразу подумал о Карине. Бабушке она обязательно понравилась бы.

Очередной звонок словно дёрнул за верёвку и оторвал от приятных мыслей.

— Илюшенька, сынок, у Миши компьютер «завис». Может, выручишь брата?

— Мама, какой ему компьютер, с двумя детьми? Лучше бы Ольге помог, она вон уже вся прозрачная! — рассердился Илья и отключился.

«Никуда не пойду», — подумал он, устроился в кресле перед телевизором и вдруг почувствовал, как у ног что-то шевельнулось, словно мышшь пробежала. «Откуда здесь мышшь?» — Илья наклонился и увидел только собственную тень. «Никуда не пойду», — повторил он вслух и ещё глубже ввинтился в кресло. Тень шевельнулась, отделилась от хозяина и поползла к выходу. Илья вздохнул и поплёлся следом.

9

Компьютер ожил через две минуты.

— Мог бы и сам мозгами пошевелить, — проворчал старший брат.

Миша улыбнулся, кивнул пушистой, как распутившийся одуванчик, головой и прилип к экрану монитора.

От чая, предложенного Ольгой, Илья отказался. У выхода пробормотал:

— Оля, ты вот что: купи себе, что ли, витаминов каких. От тебя уже совсем ничего не осталось, — и сунул ей в карман крупную купюру. Больше он ничем не мог помочь невестке.

Он шёл по улице в никудышном настроении и ёжился, словно удивлённый, благодарный и всё равно несчастный Ольгин взгляд прилип к его спине.

Опять зазвонил телефон. Проклиная сотовую связь, превратившую людей в марионеток, а заодно себя за то, что не мог проигнорировать вызов, Илья сунул руку в карман. На сей раз звонил Слава — сотрудник, он же приятель.

— Кафе «Европа» знаешь? Рули сюда, здесь все наши отдыхают. Кстати, девчонки маркетологи тоже тут.

Недовольство мгновенно улетучилось. Илья оживился и поспешил в кафе.

Там и правда отдыхали «свои». Больше того, он сразу увидел Карину. Даже вне работы она выглядела подтянутой, в меру строгой и чем-то напоминала бабушку. Ни кричащих цветов, ни вычурности в её одежде не наблюдалось — чёрные брюки и светлый джемпер. Ничего особенного, и в то же время стильно. Её замысловатая коса была распущена, а волосы струились по плечам, как серебряный дождь. Не хватало сил сдержаться и не смотреть на девушку в упор. Карина заметила взгляд и улыбнулась в ответ. Она всегда ему улыбалась, но сейчас показалось (а может, не показалось?), что улыбка была особенной, личной.

Быстрая мелодия оборвалась на полуноте, и зал наполнился романтически-лирическими звуками. Наверняка подсуетился Слава, догадался Илья и встал. Тень у его ног шевельнулась. Он сделал шаг в сторону Карины, но тень отделилась и потянула его совсем к другому столику. Не в силах противостоять, Илья послушно поплёлся следом. Тень подвела его к толстухе Свете из того же отдела маркетинга. Ничего не оставалось делать, как пригласить девушку на танец.

Света поднялась, одёрнула то ли платье, то ли длинный джемпер, сквозь который сразу проступили рельефы её пухлой фигуры. Улыбнулась, продемонстрировав кошачьи зубы, и положила руки с разными по цвету, но одинаково ядовитыми ноготками на плечи Ильи. Он затылком почувствовал удивлённый взгляд Карины и, танцуя, старался смотреть вниз и в сторону. Уловил запах Карининых духов, услышал обрывки Славиных искромётных фраз. Догадался, что пара танцует где-то поблизости, и ощутил себя полным дураком.

Тем временем Света подняла руки и вольготно скрестила их на шее партнёра. Илья невольно отстранился и осторожно оглядел зал. Заметил, как резко отвернулась Карина, а Слава округлил глаза, ухмыльнулся и показал большой палец. Жест приятеля Ильи расшифровал мгновенно. Вместе

с руками поднялось вверх и платье Светы, приоткрыв объёмную нижнюю часть, обтянутую блестящими то ли брюками, то ли колготками. Ещё утром, столкнувшись со Светланой в коридоре банка, он подумал, что та забыла надеть юбку. А уж когда девушка, чуть наклонившись, потянулась к автомату за чашкой кофе, сквозь брюки-колготки высветились трусы ярко-красного цвета. Сейчас их могли лицезреть все желающие. Щёки Карины порозовели, Славкины плечи тряслись от смеха, а по спине Ильи заскользила холодная змейка пота.

Света пальчиком легко постучала партнёра по спине, пытаясь втянуть в разговор. Поинтересовалась планами. Илья не сразу понял, что от него хотят и о каких планах идёт речь — на сегодняшний вечер или на жизнь вообще, — и отвечал невпопад.

Пытка закончилась, когда заиграла ритмичная музыка. Илья вернулся за свой стол, услышал Славкино: «Ну ты дал!» — и почувствовал, как тень устраивается возле стула. «Вот гадина», — он пнул её носком ботинка, заставив замереть. На следующий медленный танец тень опять потащила его приглашать Свету.

Девушка осмелела, и вопросы, приправленные ужимками, посыпались на бедную голову Ильи. Он живёт один? Бедняжка. Скучно, наверное. И продукты сам покупает? Мужчины так не любят ходить по магазинам. А кофе или хотя бы чай в его доме есть? При этом вдавливала пышную фигуру в тело партнёра. Илья в танце старался увести Свету в тёмный угол, чтобы несчастные трусы не резали людям глаза. «О боги! — при этом думал он. — Ещё один танец, и утром придётся подавать Светке кофе в постель!»

Вернувшись к столу, стыдясь собственной беспомощности, Илья избегал смотреть в сторону Карины. Хотелось раздавить, растоптать собственную тень, но та была сильнее.

Спас очередной телефонный звонок. У знакомого «задурил» компьютер, и, хотя помощь требовалась не так уж срочно, Илья воспользовался моментом, чтобы сбежать из кафе.

10

— Илюша, не забыл? Сегодня я тебя жду.

Воскресенье для Ильи началось с этой фразы. Расслышав в голосе матери настойчивые и в то же время просительные нотки, он понял: встречаться чрезвычайно опасно. Мамины умоляющие глаза запросто могли опутать паутиной жалости. Промаявшись весь день, он решил избежать встречи и поговорить по телефону. Так легче отказать, и не нужно смотреть в глаза. Рука уже тянулась к аппарату, но тень бесцеремонно согнала Илью с кресла и вытолкнула за дверь.

Разговор получился тяжёлым для обоих. Ирина Витальевна плакала и умоляла старшего сына пойти навстречу:

— Коммуналка, соседи, двое детей. Мишенька совсем измучился. Ему нужно отдохнуть. Разве ты не хочешь помочь родному брату?

Илья не стал возражать, что сосед у Михаила один — непьющий, необщительный мужчина. К тому же его почти не бывает дома. Вспомнилось усталое Ольгино лицо, её запавшие глаза. Говорить о том, кому действительно требуется отдых, не имело смысла.

Молчание сына Ирина Витальевна приняла за колебание и пустила в ход тяжёлую артиллерию:

— Всё было бы по-другому, будь жив Георгий.

Это был запрещённый приём. Упоминание об отце прозвучало упрёком. Отец — герой, спас жизни чужих людей, а сын не хочет помочь близкому человеку.

— Мама, здесь нужны кардинальные меры. Михаил должен устроиться на работу и сам заботиться о семье. Однокомнатная квартира всё равно мала для четверых человек.

— Сынок, это временно. Потом мы что-нибудь придумаем. Уступи, ты же старший.

Илья догадался: мать уже всё придумала и хочет действовать поэтапно. Следующим шагом будет заселение Миши в её квартиру, а она переедет в бабушкину. Значит, комната в коммуналке так и останется за Ильёй. Продолжать разговор не имело смысла. Хотелось одного: поскорей уйти, но тень двухсторонним скотчем одновременно прилепилась к полу и подошвам ботинок. Держала, пока Илья не выдавил:

— Я подумаю.

Он с трудом отлепил ноги и услышал вслед:

— Подумай, сынок, подумай.

11

Очередная рабочая неделя для заместителя начальника компьютерного отдела началась с неприятности. Утром, стремясь избежать нежелательных встреч, он поторопился укрыться в кабинете. Не рассчитал и сильно хлопнул дверью. В замке щёлкнуло, ручка беспомощно повисла и стала абсолютно бесполезной. Такое уже случалось. В прошлый раз Илья сразу позвонил Славе, тот открыл дверь снаружи и выпустил пленника. Сегодня торопиться не стоило. В коридоре всегда крутится народ. Привлекать внимание коллег, а тем более встречаться со Светланой, чьи шаги и призывный смех он безошибочно распознавал под дверью, хотелось меньше всего.

Приятель заскочил перед обедом и «расконсервировал» Илью.

— Слышь, старик, — полушёпотом сказал Слава, усаживаясь на стол, — ходят слухи — место начальника опять освобождается. Сходи к шефу, перетри, предложи свою кандидатуру. Вдруг прокатит. Не всё же тебе в замах ходить.

Об этой должности Илья мечтал. Начальник компьютерного отдела банка — не баран начихал. Престиж, зарплата, но главное — место это считалось счастливым. С него быстро стартовали на очередное повышение.

Шеф был у себя, но тень не позволила даже постучаться в кабинет — протащила Илью мимо. Он решил не торопиться и зайти после обеда — там и начальник пообедает, и сам Илья успеет настроиться на серьёзную беседу.

Но и позже тень не позволила приблизиться к заветной двери — упорно вела в сторону. После нескольких попыток пришлось смириться и оставить затею.

Возвращаясь к себе, он заметил, как из кабинета маркетологов вышла Карина: как всегда, серьёзная, в руках бумаги. Кивнула и чуть заметно улыбнулась. Илья в ответ мотнул головой, нахмурился и скрылся за своей дверью — всё равно не удастся подойти к девушке.

В конце дня опять заглянул Слава:

— Ну как, поговорил?

Илья отмахнулся — «будь что будет»! Приятель пожал плечами — «как знаешь» — и убежал.

Вечером позвонил дядя Витя. Он звонил раз в неделю, и сегодня был «его» день.

— Как дела, племянник?

— Отлично! — ответ прозвучал в тон, но дядя насторожился.

— Проблемы? Может, помощь нужна?

— Не, справлюсь.

— Конечно, справишься. Обязательно справишься. Бабушка всегда говорила, что ты в нашу породу.

Отложив телефон, Илья прошёл по комнате: от кресла к окну, от окна к дивану и опять к креслу. Тень на приличном расстоянии разгуливала сама по себе. Илья сел и задумался. С каждым днём его собственная тень становилась ярче и наглей. Сейчас она развалилась в противоположном углу и, казалось, наблюдала за хозяином.

Илья отвернулся, скользнул взглядом по картине. Вспомнилась бабушка — высокая, в чёрной шляпке, — и рядом с ней дядя Витя, коренастый, подтянутый, в военной форме. Вдруг промелькнуло смелое, открытое лицо отца и мамы по-собачьи тоскливые глаза. Показалась Мишина довольная усмешка, и снова — мать. Их тут же вытеснила толстощёкая физиономия Светланы, а ту закрыла улыбка Карины. И вдруг перед глазами возникла тень. Расплывшаяся и грязная, как рваная половая тряпка.

Илья невольно зажмурился, откинулся назад и постарался сосредоточиться. Со стороны могло показаться — человек не в себе: беззвучно шевелит губами, морщит лоб, трясёт головой, до белых костяшек сжимает кулаки.

Он пришёл в себя, когда почувствовал, что затекли ноги, и встал, намереваясь размяться. Тень осталась лежать возле окна огромной чёрной кляксой, поглядывая на хозяина и кривясь от ухмылки. Тот остановился, ткнул в её сторону пальцем и указал на место возле своих ног:

— Иди сюда.

Тень не шевельнулась.

— Ну! — повысил голос Илья.

Тень заворочалась, но не сдвинулась с места.

— Я жду!

Тень повозилась и чуть подвинулась.

— Ближе!

Голос — словно молоток ударил по железу. Тень вздрогнула и поползла.

— Ещё ближе!

Тень приблизилась, и всё же до законного места ей оставалось далеко. Илья сделал шаг, второй, приступил упрямыцу ногой и подтащил к себе. Тень задёргалась и попыталась вырваться. Илья надавил сильнее. Раздался писк. Противный, точно рвали чайный гриб.

— Слушай меня и запоминай: я — человек. Ты — всего лишь моя тень. Тень не может управлять человеком. Человек управляет своей тенью. Я — твой хозяин, и ты будешь делать только то, что делаю я.

Тень затрепыхалась сильнее. Вес всего тела Ильи переместился на одну ногу. Тень усилила попытки. Дорожки пота струились по лицу Ильи. Солёная влага щипала глаза. Тень дёргалась, верещала и рвалась на свободу. Илья взмок. Казалось, его запихнули в огромную стеклянную банку, где заканчивался кислород. Теряя силы, тень зарыдала. Губы мужчины сжались в тонкую белую нить, а между бровями стрелой залегла глубокая поперечная складка.

Сколько продолжалась борьба, Илья не знал. Может, час, а может, лишь пять минут. Когда тень сдалась и покорно затихла у ног хозяина, тот заметил, что наступила ночь.

12

Он едва не проспал на работу. На ходу проглотил чашку растворимой бурды под названием «кофе» и выскочил на улицу, радуясь, что с недавних пор живёт рядом с банком. Возле подъезда поскользнулся на слегка подмёрзшей лужице, заплясал, неуклюже вскидывая ноги. Тень поплясала за компанию и устремилась дальше, вслед за хозяином.

С Кариной он столкнулся возле дверей. Оба замешкались. Одна — опустила глаза, словно хотела посчитать ступеньки. Другой — опомнившись, пропустил девушку

вперёд и удивился, услышав собственный голос: он приглашал Карину на свидание. Ещё больше удивился, когда та согласилась. Правда, бросила такой серьёзный взгляд, словно речь шла о деловом свидании.

Вечер пролетел одной минутой. Илья не захотел опоздать его банальным ужином в ресторане. Скрыл, что в кармане томятся два билета на новый нашумевший фильм. Было так хорошо гулять по вечернему городу. Слушать голос Карины, ловить её взгляды и чувствовать, как с каждой минутой всё больше становишься для неё «своим». Даже перепады погоды играли Илье на руку. Только что небо было чистым — и вдруг поднялся ветер, пригнал чёрную тучу, и из неё выплеснулась порция дождя. Пришлось бежать, по-детски взявшись за руки, и прятаться под козырёк чужого подъезда. Сквозь тонкую кожу Карининых перчаток Илья ощущал тепло её пальцев и представлял, как на один из них вскоре наденет обручальное кольцо.

13

С тех пор они встречались часто, почти каждый вечер. Жизнь превратилась для Ильи в сплошной праздник. Изредка по утрам возникало ощущение незавершённости — мать до сих пор не получила ответ, — но к концу дня оно исчезало.

На ноябрьские праздники Карина укатила к родителям, а у Ильи появилось время и желание закрыть «квартирный вопрос». Тем более что мать давно и подозрительно не надоедала звонками.

Знакомый двор, обшарпанный подъезд, заплёванная лестница не вызвали в душе щемящих воспоминаний. Теперь он здесь гость. Дверь быстро и приветливо распахнулась — значит, его ждали. На секунду возникло чувство неловкости —

давно следовало объясниться и не держать людей в подвешенном состоянии.

В доме вкусно пахло пирогами и ещё чем-то праздничным. Илья не заметил растерянный взгляд матери и выпалил с порога:

— Мама, я подумал. Квартиру свою я никому не отдам. И это — окончательный ответ.

Ирина Витальевна кивнула и чуть помедлила, прежде чем сказать: «Проходи». Мгновенных слёз и уговоров не последовало. Илья посчитал это хорошим знаком. Разделся, на ходу стянул джемпер и в одной футболке прошёл на кухню. На табурете красовалось целое ведро пирожков. Как в детстве, Илья безошибочно различил: с тремя проколами от вилки — с капустой, эти — с грибами, а на отдельном плоском блюде — сладкие треугольники.

— Садись к столу, — хозяйка поставила чайник на плиту и занялась поиском спичек, хотя те лежали на самом виду.

Илья, наблюдая, как мать шарит руками по столу, открывает и закрывает ящики и хлопает дверцами шкафов, настоужился: какая-то она сегодня странная. Новое цветастое платье. Губы подкрашены. И пахнет от неё непривычно. Густой, тяжёлый запах совсем ей не идёт.

— Мама, ты поняла? — Илья выбрал пирожок — тёплый, душистый — и с удовольствием откусил. — Я останусь жить в бабушкиной, вернее, своей квартире.

Ирина Витальевна наконец заметила коробок. Принялась крутить его в пальцах и, совсем уж неожиданно, произнесла:

— Ты прав, сынок. Мише пора взрослеть.

В дверь позвонили, и мать шустро, по-птичьему порхнула к выходу. Илья направился следом.

— Вадик? — она сделала вид, что удивилась. — Проходи. Знакомьтесь: это мой старший сын Илья, а это —

Вадим Валерьевич, — она слегка запнулась, — бывший одноклассник, — и покраснела.

Илья пожал короткопалую, заросшую рыжими волосами руку. Скользнул взглядом по замаскированной жидкими прядями лысине. Гость выглядел старше матери и явно не тянул на одноклассника. Илья поспешно сунул в рот недоёденный пирог, стараясь не смотреть в сторону гостя, пока тот пялил на ноги новые тапки. Из вежливости выждал положенные минуты и ретировался.

На улице похолодало. Забытый впопыхах джемпер так и остался лежать на кухне матери. Возвращаться Илья не захотел. Он чувствовал, как начинают гореть щёки — то ли от быстрой ходьбы, то ли от резкого ветра. В душе закипало раздражение. Мнимый одноклассник не годился отцу в подмётки. Отец — красавец, богатырь, а у коротышки Вадима Валерьевича над ремнём нависло брюшко. И вся фигура его напоминает женскую, особенно со спины.

Илья досадливо сплюнул под ноги и покосился на тень. Та торопливо бежала рядом. Он подумал, что давно не видел у матери таких глаз, и замедлил шаг. Вспомнил, как она оживилась, как захлопотала возле кастрюль. Представил Карину в своём доме с таким же сияющим взглядом — и разом простил мнимому однокласснику и плешь, и фигуру, и рыжие веснушки на волосатых руках. Одноклассник он или нет — какая разница? Человек не должен жить один. Итак, решено: надо жениться.

14

До этого дня Илья ни разу не приглашал Карину в гости — не мог найти предлог. Чай, кофе, послушать музыку — всё это казалось пошлым. Сразу представлялись строгие глаза девушки, а сам себе Илья казался нашкодившим

пацаном. Сегодня — другое дело. Где ещё можно заводить серьёзный разговор, как не на своей территории?

Слава со знанием дела, точно имел огромный опыт, выдал, не задумываясь:

— Старик, обязательно купи цветы, шампанское и кольцо.

Илья послушал товарища. Купил шампанское. Почему-то розовое — такое посоветовала девушка-продавец. Ну, розовое так розовое. Женщинам лучше знать, а ему всё равно. В магазине с говорящим названием «Миллион алых роз» ему соорудили букет. Такой пахучий, от которого сразу заболела голова. Кольцо покупать не стал. Оно лежало в деревянной шкатулке. Бабушкино, тяжёлое, старинное.

Ужин Илья сварганил как сумел. Кое-что, конечно, подгорело — не без этого. Можно бы, как советовал Слава, заказать еду из ресторана, но это казалось фальшивым. Словно он не по-мужски пытался спрятаться за чужую спину. В результате, как сказала бы бабушка, на «отлично» стол не выглядел, но твёрдую «четвёрку» вполне заслуживал.

Карина вошла в квартиру и огляделась. Женских вещей в коридоре не увидела, если не считать тех, что могли принадлежать даме в возрасте: возле тяжёлого зеркала в тёмной оправе карандаш для бровей (скорей всего, ещё с советских времён), редкозубая деревянная расчёска да тюбик недорогой помады.

В комнате вся серьёзность мигом исчезла с лица гостыи. Она с любопытством оглядела стол.

— Где же свечи?

Лёгкая улыбка сбивала с толку Илью: шутит Карина или говорит всерьёз?

— Они нужны?

— Непременно. Разве Слава тебя не проинформировал? — она рассмеялась, тряхнула дождём волос —

и квартира ожила. Фужеры на столе засияли, заискрили каждой гранью, а в воздухе поплыл лёгкий аромат с горчинкой.

Мясо, которое, как считал Илья, ему удалось, за те несколько минут, пока он встречал Карину, задеревенело. Девушка с усилием работала ножом и старательно-долго жевала. Всё-таки нужно было послушать Славу и сделать заказ в хорошем ресторане, подумал Илья. Хотя при чём здесь мясо, Слава, ресторан? Делать надо то, ради чего всё затевалось. Тень внизу шевельнулась, Илья на всякий случай прижал её ногой и протянул девушке кольцо:

— Это тебе.

Карина взяла кольцо в руки и долго разглядывала, не решалась примерить.

— Старинное.

— Бабушкино приданое.

Они оба замолчали. Илья мысленно успел прожить две жизни — одну счастливую, с Кариной, а другую — одинокую и несчастную. От напряжения ноги его так вдавились в пол, что тень испуганно пискнула.

— Извини, — опомнился Илья, — красиво говорить я не умею. Скажи, ты выйдешь за меня замуж?

Карина надела кольцо, полюбовалась и подсунула руку под ладонь Ильи. Пузырьки шампанского оживились и заиграли в бокалах. Илья расслабился и незаметно вытер ладони о брюки — кажется, он никогда так не волновался.

— Тогда не будем тянуть? Давай подадим заявление прямо завтра в обед. Ты только паспорт взять не забудь.

15

На следующее утро Илье не работалось. Он оставил попытки напрягать извилины — в конце концов, навёрстает

всё во второй половине дня — и просто ждал, нетерпеливо поглядывая на часы.

Ближе к обеду в кабинет осторожно поцарапались. Карина. Её непривычно неуверенная улыбка заставила насторожиться. Одно из двух, подумал Илья: или паспорт забыла или передумала.

— Понимаешь, не я это придумала. У нас в отделе так заведено: отмечать любое событие, — Карина помялась. — В общем, я заказала торт. Его скоро доставят, а я не знаю, как объяснить девчонкам повод, — она помолчала и закончила: — Ведь все считают тебя Светланиным женихом.

Илья растерялся. Ничего себе! Однако странная логика у женщин: после двух танцев на него повесили бирку «Продано». Конечно, игривое поведение Светы не заметить трудно, но он всегда старался держаться подальше от активных девушек.

— Так-так-так, — пробормотал он и за руку потянул Карину к выходу. — Пойдём.

Маркетологи синхронно повернули головы в сторону зама из компьютерного отдела и наострили уши. В три шага преодолев расстояние до Светланиного стола, Илья склонился над девушкой и громко прошептал:

— Светик, дорогая, у меня к тебе важное дело.

Сотрудники затаили дыхание.

— Понимаешь, мы, — он кивнул на дверь, возле которой с коробкой в руках замешкалась Карина, — решили пожениться.

Илья придвинул ногой свободный стул, оседлал его и, оглядевшись по сторонам, понизил голос, заставив уши присутствующих потянуться в их сторону.

— Понимаешь, волнуюсь я. ЗАГС, кольца, Мендельсон. «Встаньте сюда», «распишитесь здесь». Одним словом, я хочу, чтобы ты была на регистрации. Так мне будет спокойней. Ведь ты — мой друг. Друг?

Он положил руку на Светино плечо и чуть потряс, словно пытаюсь разбудить. На миг Илье показалось — он слышит характерное поскрипывание пришедших в движение шестерёнок. Верхняя губа девушки поднялась, приоткрыв острые зубы. Света медлила, и немудрено. Перед ней встал выбор: остаться другом «этим двоим» или объявить войну? Илья погладил плечо девушки, и скрип в её голове сменил мягкий шуршащий звук, как будто на зубья шестерёнок капнули смазкой. Света выдавила улыбку, кивнула, потянулась губами к щеке несостоявшегося жениха и звонко чмокнула.

Карина распаковала торт — попейте чаю за наше счастье — и, прихватив пальто, вышла за дверь догонять Илью. Лица сослуживцев, не нарушая синхронности, повернулись от выхода в Светину сторону. На всех застыл один и тот же вопрос: «Что это было?» Девушка таинственно закатила глаза и вздохнула: «Вам не понять». Тем временем в её голове уже шла напряжённая работа. Шестерни перемалывали свежую мысль. На днях придёт новый начальник компьютерного отдела. По слухам, молодой и холостой. Есть шанс подобраться к нему через друга Илью.

Тем временем тот в нетерпении прохаживался возле банка. Мимо пробежали девушки, по возрасту — студентки. Одна в смешной шапке — то ли козы рожки сверху, то ли уши кошачьи. У другой — между джинсами и ботинками торчали голые лодыжки. Илья поёжился от холода. Пусть не зима, но на дворе ноябрь.

Карина, непривычно весёлая, показалась в дверях. На улице разом потеплело, а девушки-студентки с рожками-ножками мгновенно выветрились из головы Ильи.

— Как отдел маркетинга? Одобрели твой выбор? Надеюсь, парочку советов дать успели?

— Светлана говорит, расписываться надо обязательно двенадцатого декабря. 12.12.12 — знаковые числа.

— Знаковой для нас будет дата нашей свадьбы, и сейчас мы её узнаем.

Илья пошагал быстро. Стараясь не отставать, Карина то и дело забегала вперёд. На обоих напала легкомысленная весёлость, точно вернулось детство. Со стороны выглядело забавно: молодые люди наперегонки спешили к серому кирпичному зданию с яркой вывеской «ЗАГС».

16

На сей раз продемонстрировать кулинарные способности Илья не решился. Сделал проще: вечером пригласил будущую жену отметить событие в кафе.

— Не хотела тебя расстраивать, но всё равно узнаешь, — Карина взялась за вилку и тут же отложила в сторону. — Начальника компьютерного отдела берут со стороны. Кажется, чьего-то сынка. В общем, приказ о назначении уже подписан, — она помолчала, дожидаясь, пока официант закончит суетиться вокруг стола. — Я слышала, ты метил на эту должность. Если честно, не сомневалась, что назначат тебя.

Илья напрягся и плотнул воды.

— Это что-то меняет в наших отношениях?

— Нет. Просто все шепчутся. Я подумала: ты не должен узнать новость последним.

Илья откинулся на спинку стула. Самое время озвучить то, о чём он пока ни с кем не говорил:

— Это уже не имеет значения. Я собираюсь увольняться из банка. Хочу открыть свою фирму. Надоело быть «номером два».

— Попробую угадать, чем ты хочешь заниматься, — оживилась Карина. — Наверняка что-то, связанное с компьютерами. Так?

Илья кивнул и услышал то, чего ждал больше всего:
— Ты для меня всегда будешь «номер один».

Эпилог

Они возвращались из кино. Илья предлагал пойти в ресторан, но Карина выбрала именно кино. Вечер выдался бесснежный. Морозец отзывался лёгким покалыванием в носу. Погода вполне прогулочная, но после сеанса Карина торопилась домой.

— Надо пораньше лечь спать, — волновалась она. — Завтра сложный день — свадьба.

— Ну, свадьба — громко сказано, — усмехнулся Илья. — Так, небольшое застолье. Да уж, кто бы мог подумать: моя мать — невеста.

— Зря смеёшься, — обиженным тоном произнесла Карина. — Ирина Витальевна такая же счастливая, как я год назад.

Илья поморщился — сравнила. Год назад женихом был он, а завтра в этой роли выступит плешивый рыжий коротышка. Хотя, видимо, что-то мать в нём нашла, раз собралась замуж. И это не его, Ильи, дело. Он вообще за последний год отошёл от семьи. Молодая жена и молодая фирма — обе требовали внимания. Мать к нему без претензий, а брат, возможно, обижается. Что-что, а считать деньги он умеет. Наверняка догадался, что на открытие собственного дела Ильи пошли бабушкины сбережения. Хорошо, что Ольга с Кариной сдружились, иначе неизвестно, чем бы всё закончилось. Молодец Карина, не позволила братьям поссориться. Пусть их жёны видятся и не часто, но созваниваются каждый день.

— Как думаешь, Михаил с Олей придут в ЗАГС?

— Конечно, придут, — Карина поскользнулась и инстинктивно приложила руку к животу.

Илья шутливо нахмурился, погрозил пальцем:

— Береги наследника.

Поправив сбившуюся шапку, Карина крепче вцепилась в локоть мужа.

— Боялась сказать раньше времени. Миша оформил ипотеку — выкупает у соседа комнаты. Скоро у них будет большая квартира. Оля такая счастливая. Говорит: «Миша у меня вкалывает на двух работах».

Илья еле сдержался, чтобы не рассмеяться в голос, по-мальчишески. Мишка устроился на работу! Да ещё и на две!

— Вообще-то голова у «младшего» на месте. Я бы взял его к себе, но боюсь испортить. Пусть всё будет как будет.

Карина кивнула и снова поскользнулась.

— Всё, — скомандовал Илья, — прогулка закончена, — и, крепко обняв жену, ускорил шаг.

Он думал обо всём сразу: о предстоящем замужестве матери, о взявшемся за ум брате, о делах фирмы, о своём скором отцовстве. О том, что Карина изменилась. Без каблучков она стала ниже ростом, и теперь задирала голову, чтобы посмотреть Илье в глаза. В лице жены появилась мягкость, а в движениях — плавность. Такой он любил Карину ещё сильней.

Илья не замечал, как с неба им улыбается луна, хитро подмигивают звёзды, и абсолютно не обращал внимания на тень, которая бежала следом, не отставая ни на шаг, как послушная, верная собачонка.

Часы с кукушкой

Повесть

1

«Ку-ку, ку-ку...» Пять утра — привычно отметил про себя Денис Хитров и потянулся. Он всегда просыпался рано, если накануне «злоупотребил». Вчера — двадцать шестого августа две тысячи семнадцатого года — был именно такой день: годовщина смерти деда (прадеда, если быть точным).

Босыми ногами Денис прошлёпал к столу и сделал несколько жадных глотков из графина. Хотелось курить. Осторожно, бесшумно Хитров распахнул окно. Комнату наполнила утренняя свежесть и лёгкий шорох — на улице шёл дождь. Конец августа в этот год напоминал осень — с её ветрами и ковром из вялых, пожухлых листьев. Отгоняя остатки сна, Денис тряхнул курчавой головой, пригладил аккуратно подстриженную бородку и нашарил на подоконнике «дежурную» пачку сигарет. Затянулся со вкусом и, высунувшись наружу, выдохнул дым в мрачную завесу.

Каждое утро владельца данной комнаты начиналось одинаково — с сигареты. Её, первую, он выкуривал, едва поднявшись с постели, и старался делать это быстро.

Пересохшее горло Дениса снова запросило влаги, а лучше кофе. Крепкого, горячего. На такой случай в жилище двадцатишестилетнего холостяка имелась и большая банка растворимого напитка, и бокал сомнительной чистоты с надписью «23 февраля» — подарок Анны, старшей сестры, —

и растрёпанная пачка сахара. «Бородач» закрыл окно и, прихватив со стола пустой электрический чайник, на цыпочках пробрался в кухню, затем также тихо вернулся назад. В доме Хитровых было заведено: живи в своё удовольствие, но другим не мешай.

С наслаждением обжигая внутренности, Денис опустил кружку, стряхнул с бороды сахарные крошки, лёг в кровать поверх одеяла и устался в потолок. Сна ни в одном глазу. Рука потянулась за пультом телевизора и тут же вернулась назад — рано. По воскресеньям семейство отсыпается, а с этим «ящиком» увлечёшься — всех перебудуешь. В сотый раз Денис поклялся себе приобрести наушники. Закинув руки за голову, он прикрыл веки в надежде заснуть и почувствовал, как в душе заворчалось что-то неприятное, беспокойное. Хитров напрягся и принялся перебирать в памяти вчерашний день.

Вроде они — наследники — всё сделали как положено. В церковь ходили. На могилу съездили. Там порядок, не придерёшься. Этим Анна заведует. Народу, конечно, на године было мало, да только кто придёт? Дед до девяноста чуть-чуть не дотянул, всех ровесников перехоронил. Потому и собралась в доме одна родня. Жаль, Ирина — младшая из правнучек, дедова любимица — не смогла приехать, но причина у неё уважительная — грудной ребёнок. Внутри у Хитрова опять что-то шевельнулось, и он продолжил размышлять. Стол Аня накрыла как на свадьбу — красиво, вкусно, и сидели за ним до вечера. Все Юрия Демьяновича поминали.

Денис поскрёб бороду. Получалось, его совесть чиста, а тоска в груди — это ерунда, похмельный синдром. Повернувшись на бок, «бородач» невольно хмыкнул, завидуя мужу старшей сестры: «Во Толян даёт! Не смотри, что хилак. Вмазал вчера прилично, а храпит будь здоров, аж стены трясутся».

Мужской желудок недовольно заворчал, требуя еды, но на очередную кухонную вылазку Хитров не решился. Греть кастрюлями и хлопать холодильником не время — кукушка недавно сосчитала лишь до пяти.

Брови Дениса шевельнулись и поползли к переносице. Тогда, осенним утром прошлого года, дисциплинированная птица тоже отсчитала пять раз. Ошибки быть не могло. Дед приучил всех членов семьи просыпаться по ходикам, и будильниками в доме не пользовались. Раньше «тикалки» висели в дедовой комнате возле двери, и кукушку слышали все. Часами Юрий Демьянович гордился. Рассказывал, что механизм изготовил мастер-умелец в середине девятнадцатого века в самой Германии. Что часы непростые, и, прищулив глаза, усмехался, мол, и сам он не из «простых». Кто верил, кто нет, но ходики, несмотря на солидный возраст, выглядели как новые. Дом, где обитала птица, казался вырезанным из большого мятного пряника. Крыша, дверцы и две ядрёные шишки, что красовались снизу на блестящих цепочках, были точно припорошены снегом. Глянешь на птичий теремок — и словно Новый год на пороге. Резные створки с лёгким шорохом отворялись в начале каждого часа, и показывалась кукушка. Не вылетала на пружине оголтелой вороной, а важно, как знающая себе цену особа, появлялась из укрытия: «Куку». Выполнив работу, так же неторопливо возвращалась назад. «Шшш» — и дверцы затворялись.

Многие уговаривали хозяина продать старинную вещицу. Из дальних мест люди приезжали и на деньги не скупилась, но старик даже слушать не хотел, выставлял покупателей за порог. До последних дней сам ухаживал за часами, заводил, стирал пыль и полусшёпотом беседовал с кукушкой.

Когда же Хитрова-старшего не стало, обязанность ухаживать за осиротевшим механизмом взял на себя Денис. К почётной миссии он относился серьёзно. По какой причине вскоре

после сорокового дня по деду произошёл сбой, так и осталось загадкой. Денис понимал: объяснение должно быть вполне реальным, потому как ни чудес, ни привидений не бывает. Тем более в их доме, где нет ни одного тёмного угла.

2

Дом этот родоначальник семьи — Юрий Демьянович Хитров — собственноручно выстроил в начале пятидесятых двадцатого столетия. Построил с размахом, как говорится: «чтоб соседи сдохли от зависти». Даже сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, охотников купить его оставалось немало. Всю жизнь хозяин достраивал, перекраивал, доводил жильё до ума, и в результате оборудовал не хуже благоустроенной квартиры: горячая вода, газ, ванна. Дом делился на четыре комнаты и кухню, радующую женский глаз обилием шкафов, полочек и встроенной бытовой техники. Второй этаж больше служил для хранения нужных, но редко требующихся вещей. Жилая комната там была одна — для гостей. Небольшая, уютная, с балконом, под которым всё лето пестрела клумба.

Огородом семья не увлекалась. По весне мужчины перекапывали лишь пару грядок для лучка-укропчика. Зато красовались на участке отличная баня и резная беседка с самоваром. Возле них к лету устанавливался надувной бассейн и под яблонями развешивались гамаки. Одним словом, земной рай.

В прежние времена соседи осуждали Демьяныча. Зачем хоромы наворотил? Лучше бы землю под картошку сэкономил. Только жену Юрий взял из балованных, копаться в навозе она не любила. К тому же у изнеженной Пелагеи дети рождались хворые, требовали ухода. Какой уж тут огород?

Прошли годы, и жизнь перевернулась. Сейчас домушки тех, кто осуждал, выглядели как скворечники — только жёрдочки не хватает, а сэкономленная земля зарастала бурьяном.

У Хитровых и дом был хорош, и место хорошее, высокое — на самом берегу Волги. Когда-то оно считалось деревней с ласковым названием Бугорок. Соседний город, постепенно расширяясь, завладел ближайшими территориями и превратил деревушки в улицы, сохранив за ними прежние названия. Сам же город имя поменял и стал именоваться городом Сплав.¹

Под крышей просторного пятистенка Юрия Демьяновича выросло не одно поколение Хитровых. Повзрослевшим детям и внукам глава семьи помогал приобретать собственное жильё. Он хотел ощущать себя молодым и последние годы доживал с правнуками.

3

Чуть повернув голову, Денис задержался взглядом на стене, общей с комнатой Анны. Усмехнулся: ну и горазд храпеть её муженёк. Даже крепкие дедовы перегородки не спасают. Кукушка опять напомнила о себе. Шесть. Всё равно рано. Ещё, что ли, кофе сварганить?

Мужчина встал и, дожидаясь, пока закипит чайник, засмотрелся в окно. Разошедшийся не на шутку дождь звучно молотил по отвесу и будил неприятные воспоминания. Нетрудно догадаться, отчего «младшая» Ира не приехала на годину — обиделась на него, Дениса. Он поворошил волосы — короткие, жёсткие, как проволока, такого же медно-проволочного цвета — и упрямо тряхнул головой: ошибки быть не могло. Тогда, ненастным осенним утром, кукушка прокуковала пять раз.

Он прекрасно помнил, что произошло в то воскресенье, вскоре после сорокового дня по Хитрову-старшему. Перед

¹ *Название города выдуманно.*

этим всю неделю Гена — напарник Дениса, такой же слесарь автосервиса, круглолицый и румяный, как девица на выданье, — «ездил по ушам», соблазнял рвануть в Москву на заработки. Как муха жужжал: сервисы там не то что в провинции — тачки крутые, рабочим комбинезоны выдают, и зарплаты не те. Говорил, что работу нашёл через интернет, и требуются там двое. Поработаем, мол, год-другой «на ура», купим по квартире в белокаменной. Будем жить как люди.

Вот тогда и пришла Денису шальная мысль: дед Юрий-то умел урвать у жизни самое лучшее, а он чем хуже? В общем, уломал приятель.

Домочадцев о предстоящем расставании Денис не предупреждал. Человек он свободный, да и не любитель речи толкать, достаточно черкнуть пару слов. Разговор с владельцем автосервиса Гена взял на себя. Хозяин сначала за голову схватился: где он так быстро двоих работников найдёт? А потом ничего, вошёл в положение. Гена даже деньги кой-какие выклянчил. Обо всём остальном тоже напарник договорился. Сообщил по пунктам: за нами пришлют машину и доставят прямиком на место. Отъезд в 5:30 утра, встречаемся на автобусной остановке. Никаких провожающих, потому как времени в обрез. Погрузились и — полный вперед.

Ночь перед намечавшимся отъездом тянулась медленно. Путешественника грызли сомнения, но едва кукушка досчитала до пяти, он выудил из-под кровати упакованный с вечера рюкзак и в момент очутился на крыльце. Октябрьское утро встретило морозящим дождём. На улице хоть глаз коли, но несколько сотен метров до назначенного места в считанные минуты остались позади. Хитров спрятался под крышей остановки, закурил и приготовился ждать. Прикончил сигарету, другую, выглянул из укрытия, потоптался, всматриваясь в сторону дороги, — ни Гены, ни машины. Темнота и тишина.

Уточнить бы, который час, подумалось Денису, да телефон многострадальный, как инвалид — экран треснут, цифры не разобрать. Хотя и так ясно — время вышло. Обмануть приятель не должен, значит, что-то не срослось. Не позвонил Гена, не предупредил — так это обычное дело: деньги кончились или аппарат разрядился.

Денис помнил: тогда, подхватив рюкзак и испытывая облегчение, он зашагал к дому. Перекурил у крыльца и принял бесповоротное решение больше не поддаваться на соблазн покинуть родной город. Стараясь не шуметь, прокрался в комнату, заварил кофе, но не успел сделать глоток, как кукушка сообщила: восемь. Денис опешил — не может быть! — и принялся за подсчёты. Он вышел в начале шестого, около часа гулял на остановке, затем вернулся обратно. Даже сигарету возле калитки не докурил — ненастье загнало в дом. По самым грубым расчётам получалось семь, а никак не восемь часов. Время не сходилось, но утомлённый мужчина не стал ломать голову и упал в постель досыпать.

В обед Анна принесла новость: Гена уехал. Пересказала в подробностях: тот, пока собирался, перебудил всю семью и со скандалом (значит, врал, что благоверная отпустила) вырвался из дома. Жена на улицу — а его уж след простыл. Лишь услышала вдалеке шум отъезжающей машины.

Тогда Денис понял, что опоздал. По всей видимости, проснулся не в пять, а в шесть часов. Ослышаться он не мог. Неужели кукушка подвела? Поразмышляв над загадкой, он сделал неожиданный и однозначный вывод: кто-то из домашних умышленно перевёл стрелки сначала в одну, потом в другую сторону. Вот только кто решил нарушить его планы? Виновника следовало найти и наказать. Не придумав ничего лучше, Денис собрался провести собственное расследование и начал анализировать ситуацию.

На тот момент под одной крышей их жило пятеро. Самая большая дедова комната пустовала. Ту, что поменьше, занимала Аня с мужем и сыном от первого брака Юрой. Третья комната Дениса. И, наконец, четвёртая, самая маленькая, законно принадлежавшая двоюродному брату Василию, тоже должна бы пустовать. Потому как из-за болезни матери Вася временно жил у родителей, на другом конце города. Однако на Васину территорию из «гостевой» вселилась Ира. Итак: Анна, Анатолий, Юра, Ира. Кто из четверых способен на подобную гадость?

Подозрение сразу пало на Юру. Малец шустрый не по годам, весь в папашу. Смущало одно: пацан только в школу пошёл. Учиться ленится, читать-писать толком не умеет, где ему во времени разобраться? Да и зачем? Разве что похулиганить. Только на хулиганство непохоже — явно сделано с умыслом.

Тогда кто? Анну с Толей Денис исключил. У тех свои дела — семейные. Оставалась «младшая». При жизни Юрий Демьянович любил и баловал её больше всех внуков-правнуков. Завещанием старик никого не обидел, но шкатулку, набитую драгоценностями жены, передал по наследству Ире. Дед утверждал: Ирина — копия его почившей супруги. Вылитая Пелагея — красавица. А кто бы спорил? Ирка девочка видная, яркая, глазищи — как блюдца, вот только в башке насрано. Бестолковая. Улыбается, зубами сверкает, а слова умного от неё не услышишь. Не смотри, что двадцать два стукнуло.

Денис несколько раз проанализировал факты — всё сходилось на младшей сестре. В последнее время та сдружилась с Валентиной, его бывшей одноклассницей, — прямо не разлей вода. Валя же в ту пору зачастила в автосервис. Пригонит свою развалюху и крутится возле него, Дениса. Вроде как про одноклассников рассказывает, а сама глазами стреляет.

Ей, ясный перец, замуж пора, получалось — на него нацелилась. А ему это надо?

После памятного случая Денис боялся ЗАГСа как огня. Он тогда служил в армии и в увольнении познакомился с девчонкой. Любовь закрутилась такая, что решил он жениться, не дожидаясь окончания службы. Да и девушка торопила, объявила, что беременна. В последний момент прикатили родители солдата. Мать тут же выяснила, что беременности никакой нет, невеста далеко не девчонка, а старше жениха на добрых двенадцать лет. К тому же имеет ребёнка и тёмное прошлое. Произошёл скандал, и свадьба расстроилась. Отец в сердцах обозвал сына идиотом, а мама, утирая слёзы, объясняла, на какие уловки идут плохие девицы, чтобы охомутать хороших парней. Сослуживцы потешались над «женихом» до самого дембеля, и с тех пор он относился к противоположному полу подозрительно. Отслужив, Денис поселился у деда и связывать себя узами брака с тех пор не планировал. Зачем? Семья у них дружная. Хитровы друг за друга горой. Даже Анатолий — прежний Сосулькин, — расписавшись с Аней, взял их фамилию, тоже стал Хитровым. Обязанности в семье распределены. Если компьютер наладить или из техники что починить — это Василий специалист. Хоть с другого конца города приедет. Мужская работа, где требуется физическая сила, по части Дениса. Что касается бумаг — квитанции разные, банки-кредиты, — этим заведует Толя, он бухгалтер. Даже от Иры был толк. Конфликт с соседями вмиг улаживала. Улыбнётся, ослепит зубищами — и ссора стихнет. В целом же за хозяйство отвечает Анна. Она в доме «старшая по званию». Питаются они за одним столом. Готовит Анюта на всех и вкусно. Того гляди язык вместе с ложкой проглотишь. Попросишь из одежды чего привести в порядок — не откажет. Рубашку наглядит-наканифолит — от новой не отли-

чишь. Спрашивается, зачем при таком раскладе ему, Денису, нужна жена? Естественно, без женщины молодому мужику не обойтись, и они в его жизни случаются нередко, но одно-разовые. А сейчас и всё одноразовое. На крайний случай, конечно, можно и жениться, но уж только не на Валентине. Та за школьные годы осточертела — сидели за одной партой. Вечно сопливая со своими аденоидами.

Короче говоря, Денис сделал вывод, что ушлая Валя прознала о его планах и надоумила глупую Ирку часы подкрутить. Он пытался беседовать с младшей по-хорошему, сто раз спросил: «Зачем часы перевела?» Глаза таращит и молчит. Тряхнул для острастки, а та: «Пык-мык» — и в слёзы. Дура, она и есть дура. Выдал тогда сестрице по полной программе, объяснил, кто она есть. Правда, спустя время жалел, что погорячился. После скандала красавица Ирина, мечтавшая покорить мегаполис, сбежала в глухомань. И в этом была часть его вины.

4

«Ку-ку, ку-ку...» — ожила кукушка. Семь — непроизвольно щёлкнуло в голове Дениса. «Подожду час, — подумал он, — и — на кухню, а пока придётся заглушить голод очередным бокалом кофе. Правда, Анна утверждает, что кофе как раз и нарушает сон».

Оторвавшись от подушки, мужчина замер. Анята. Может, зря он тогда её исключил? Старшая тоже могла попасть под подозрение. Спустя время выяснилось: накануне ей звонил хозяин автосервиса, просил повлиять на брата. Дело даже не в этом. Как он раньше не сообразил? Ведь не только его, но и Аню устраивала спокойная размеренная жизнь. За мужика в доме Денис — у Толика-то руки понятно из какого места растут. Одно слово — бухгалтер. Что, интересно,

рослая, крупная Анна нашла в этом мозгляке? Хотя Анюта тоже не красавица. Вон, лицо-то, как топором рублено. Так вот, получается, если бы Денис уехал, а работает сестрица на своём складе сутками, то каждую четвёртую ночь Ира с Толей оставались бы вдвоём. Юра не в счёт. Ирина — девка хоть куда, только что умом не блещет, а Анатолий однажды был пойман на супружеской неверности. Удивил всех, когда вскрылось, что этот очкарик закрутил со стажёркой, чудом затесавшейся в их захудалую фирму. Денис в тот роман так до конца и не поверил, но семейные скандалы в соседней комнате помнил хорошо. Так что можно бы догадаться: у «старшей» имелась своя выгода. Кстати, если копнуть глубже, Толя тоже мог оказаться при делах. Если бы не всплыли новые эпизоды в бурной биографии первого мужа Анюты, тот в декабре прошлого года вышел бы из тюрьмы. Хоть сестра и скрывала от нынешнего супруга, что отец Юры уголовник, Анатолий это знал. Как и то, что его оппонент сидел за драки. Бухгалтер, скорей всего, рассчитывал на сильные кулаки Дениса. «Да, с Ириной получилось нехорошо», — досадливо поморщился он и, не в силах терпеть пытку голодом, направился в кухню.

После плотного завтрака совесть угомонила — как ни крути, а всё вышло к лучшему. Вон, Гена-то уехал и пропал. Ни слуху ни духу. С кем уехал, куда уехал — никто не знает. Шепчутся, что в Москве его на запчасти разобрали. Жена все пороги в полиции оттоптала. Ищем. Вот и весь ответ.

Денис вернулся в комнату, включил телевизор и максимально приглушил звук. На экране замелькали рекламные огни Нью-Йорка. «Дались им эти большие города, — подумал мужчина. — Мёдом там, что ли, намазано?» Вот и Ирина мечтала работать в Питере. Кому там нужна маникюрша с периферии? Своих, что ли, мало? Хотя сестрёнку на органы не пустили бы, с её красотой и глупостью определили

бы в притон. Зато сейчас всё сложилось хорошо. Поначалу она каждый день плакалась Валентине в телефон, что планы сорвались. Что в Питере она хотела выучиться на косметолога, а после скандала решила не задерживаться и сразу билет купила. Да вот кто-то (с намёком на Дениса) подкрутил часы, и она опоздала на поезд. Потому и укатила куда глаза глядят. Дура, она и есть дура, усмехнулся воспоминаниям Хитров. Не придумала ничего лучше, чем пересказать его же историю. Скорей всего, составы перепутала: вместо питерского нырнула в пригородную электричку. Опять же к лучшему: там, в электричке, познакомилась с будущим мужем — фермером. За свадебным столом Денис, конечно, не сидел, но Анна сказала, что супруг у «младшей» замечательный, только ростом маловат. Живёт теперь Ирина припеваючи. Недавно дочку родила. Драгоценности бабкины, наверное, в огороде закопала. На это у неё ума хватит. Знал дед, кому камни доверить.

Ухо поймало топот Юриных пяток. Прихватив сигареты, Денис снова наведаясь в кухню, налил племяннику чаю, соорудил бутерброд. Улыбнулся, наблюдая за ребёнком — тот, одним махом уничтожив колбасу, косился на холодильник, — и вышел на крыльцо.

Небо посветлело, по листьям неторопливо ползали прозрачные капли. Дышалось легко. Последняя неделя лета. Денис усмехнулся: только Ирка могла сморозить, что после дождя воздух пахнет червяками. Нюхает она их, что ли, червяков-то?

Сестра никак не шла из головы. Может, не настолько младшая глупа, как он привык считать? Сам-то хорош! Возомнил, что Валентина на него глаз положила, а та зимой замуж вышла. За Саню-заику — третьего слесаря их автосервиса. Оказывается, даже машину из-за него не меняла, чтобы приезжать ремонтировать. Добилась своего, не смотри, что сопливая.

Денис махнул рукой — ну их всех. Он вообще не вмешивается в чужие дела. Вот прадед Юрий, тот да, любил людьми поиграть.

5

Юрий Демьянович Хитров с детства был мастер на разные шутки. Историю его женитьбы на первой красавице округа отпрыски Хитровы слышали часто, и каждый раз случай этот пересказывался с новыми подробностями.

В своё время юная Пелагея — лучшая из невест во всём районе — воротила нос от такого кавалера: долговязый, длиннорукий, правый глаз смотрит прямо, а левый бегаёт по сторонам. После войны, в начале пятидесятых, был дефицит женихов, но бросаться на шею встречному-поперечному девушка не помышляла. Она была как картинка — любо-дорого глядеть. Ресницы, брови, губы — каждая черта её лица по отдельности была хороша, а вместе это было смертельное оружие. Мать Пелагеи умерла рано, и девочку вырастили отец — Ефим Кочерга — да его вдовья сестра. В революцию их родители не пострадали — обошлось, но кровь хозяйская, кулацкая текла в жилах детей. Деньгам счёт Ефим знал и управлять ими умел. На фоне остальных семья Кочерги считалась зажиточной. Ефим работал лесником, до конца дней держал улья с пчёлами и скопил немалое приданое для единственной дочери. Выдавать её за кого попало, тем более за Юру Хитрова, он не собирался.

Откуда в деревне Бугорок появились Хитровы, Ефим не помнил. Знал только, что приبلудные. Приютила их дальняя родственница, а кто — и не вспомнить, потому что старуха та вскоре померла. Случилось это в начале тридцатых, тогда и поползли слухи, что поселились на

краю деревни «странные». Две тётки — старая и молодка с ребёнком. Молодая круглый год не снимала чёрный платок и то ли глухонемая была, то ли просто молчаливая. Говорила за обеих чудаковатая старуха. Кособокая, жабьей наружности. Противная, но соседи её не боялись, женщины зачастую заглядывали в покосившуюся избёнку. То ли бабка травами лечила, то ли грыжи заговаривала. Девки же гадать к ней бегали да парней привораживать. Колдунья, одним словом.

Ефим Кочерга обратил внимание на семейство Хитровых нескоро, лишь после памятного случая. В тот год по весне местная детвора надумала кататься на льдинах. Затея чуть не окончилась плачевно. Всей деревней выручали мальчишек из беды, натерпелись те страху, бедолаги. Тогда и углядел Ефим, как один малец прохаживается с ухмылкой по берегу да советы взрослым даёт. Рыжий, косоглазый, видать, что хитрый. После сестра доложила: это Юра Хитров, он и подбил приятелей на рискованную штуку. Много чего услышал Ефим о каверзах озорника: пойдёт тот по грибы с товарищами и поганок им в корзины наподкидывает. Ребята надрываются, тащат домой полные лукошки — ни к чему, что грибы там ядовитые. Матери горе-грибникам подзатыльников надают. Отравить нас вздумал? А Юра ни при чём. То раззадорит пацанов поздней осенью на спор искупаться в ледяной реке, а сам сидит на бережку в фуфайке, камушки в воду кидает да посмеивается. Родные воздействовать на парня не могли, друзья побаивались. Он был на голову выше сверстников и силу имел как у взрослого. С ранних лет мужскую работу по дому выполнял. Правда, мощь свою использовал по назначению, и в драках, что был большой мастер затевать, сам не участвовал. В военные годы, будучи подростком, на фронт не бежал, да и потом к службе его признали негодным. «Куда такой солдат

нужен? — смеялись старики. — Глаза в стороны. Того гляди в своих палить начнёт».

Таким знал Ефим Кочерга Юрия Хитрова, и когда тот, повзрослев, заикнулся было, что придёт свататься, дал от ворот поворот. Жених нашёлся! Голодранец приبلудный! За душой ни гроша. Изба кривая, мать больная, из имущества — часы с кукушкой. Оскорбления Юра стерпел, но не отступился. О том, что произошло дальше, в деревне сплетничали разное, но факт, что он хитростью заманил Пелагею на колхозный сеновал, присутствовал во всех вариантах. Кто говорил: насочинял Хитров, будто птица дивная там гнездо свила. Другие утверждали: не о птице речь велась, а о слепом трёхшёрстном котёнке со «звездой» во лбу. Третьи доказывали: врал Юра не про птицу и не про котёнка, а про бусы рубиновые — якобы те на задней стене, на гвоздике висели. В любом случае любопытство сделало своё дело: не устояла девушка, прибежала, а Юрий тут как тут. Манит рукой: «Сюда, сюда иди, покажу. Вот здесь, в сене. Забирайся». Не успела девица и шагу шагнуть, как следом ворвался Ефим Кочерга с вилами: «Породу испоганила!» Рассказывали, что от страха у Пелагеи язык отнялся, да и не сказать бы ей отцу при прежнем воспитании: ничего, мол, не было. Вслед за Ефимом приковыляла запыхавшаяся тётка с иконой. Благословлять. Откуда они узнали? А это Юра подговорил соседского мальчишку принести известие в дом Кочерги в нужный момент.

Без разговоров родитель отправил дочь под венец. Были ли вилы и икона на самом деле — неизвестно, но сеновал присутствовал во всех пересказах. Так же, как и бусы рубиновые в день свадьбы на шее невесты. А трёхшёрстный котёнок и диковинная птица в клетке много лет обитали в доме молодых.

6

Семейная жизнь Юрия складывалась непросто. Поначалу он жил в примаках, в хоромах тестя, но длилось это недолго. На месте своей полуразвалившейся избы молодожён отгрохал дом, лучший в округе. Даже Ефим крикнул от удивления: ну и размах у зятя. Мать Юры к тому времени померла, и Пелагея вошла в дом полноправной хозяйкой.

Опять Хитрову было нелегко. Жена оказалась капризной, избалованной, к труду не приученной. В приданое получила дорогие безделушки. Первое время, бывало, сядет в уголок и сидит часами, перебирает камушки, никаких подруг ей не надо. К счастью, с рождением детей Пелагея оставила капризы, спрятала драгоценную шкатулку и с головой ушла в семью. Хозяином в доме был Юрий, но красавицу супругу не обижал, из последних жил тянулся, а безделицы золотые ей приобретал. В те годы Сплавские мужики трудились в основном на леспромхозе. Хитров работал там же, в начальники не выбивался, с портфелем под мышкой не ходил. Вкалывал как вол, по молодости сучкорубом, потом вальщиком леса.

Каждый год наречённая рожала супругу по ребёнку. Одна беда — сыновья появлялись на свет хилыми и вскоре умирали. Из пятерых младенцев остались в живых только две дочери — Варвара и Анфиса. Когда девочки подросли, отец им наказал строго: фамилию в замужестве не менять, не дать угаснуть роду Хитровых. Но Анфиса впоследствии оказалась бездетной. Варвара же, здоровая и крепкая от природы, родила двоих таких же здоровых и крепких детей — Софью и Николая. Род не угас, и Демьянович поклялся поддерживать и оберегать каждого Хитрова.

Их было не так уж много. Меньше, чем хотелось бы основателю семьи. Николаю жена попалась непутёвая.

Всё лечилась по женской части. Единственного сына Василия с трудом выносила. Зато Софья, каждый раз щедро одариваемая дедом, родила ему троих правнуков — Анну, через год Дениса, а после Иру. Все отпрыски Хитровы находились под надёжной защитой главы семейства.

Денег у Юрия Демьяновича было как у дурака махорки. При любой власти его близкие нужды не знали. Говорили, что, похоронив сестру, Ермолаич — отец Пелагеи — окончательно простил дочь, присмотрелся к зятю и принял его как сына. Даже к пчёлам своим допустил. Перед смертью Кочерга наследство немалое на Юрия отписал. Капиталец будь здоров! Пелагея слова против не сказала. Зачем? В её семье всегда был лад, серёжки-колечки супруг дарил, а больше ничего и не требовалось. Иной раз по молодости женщину охватывало непонятное волнение, и сердце начинало колотиться неровно, так, что хотелось придержать его рукой. Тогда доставала она шкатулку, перебирала украшения, прикладывала к ушам серьги, любуясь зеркальным отражением. Волнение отступало, и рассудок одерживал верх: хоть и не довелось ей испытать любви, но разве плох её муж? Пусть что косой — с лица воды не пить. Зато живёт она сытно и на работе не ломается.

Односельчане Пелагеи сторонились. Обращались к ней по имени отчеству — Пелагея Ермолаевна, — не особо любили и даже слегка побаивались. Те, что постарше, утверждали, что благоверный её из колдунов. Молодые спорили: не колдун, а всего лишь страшный проказник.

К своей семье Юрий относился всерьёз, оберегал её и защищал, а с соседями не ладил. Не жаловал тех, кто совал нос в чужие дела, хотя сам получал от этого чрезвычайное удовольствие. Особенно если с выгодой для себя, особенно если удавалось, как он говорил, повлиять на ход истории.

Земляки тоже не благоволили к Хитрову. С возрастом тот не менялся: с детства был озорник, и с годами озорство не растерял. В молодости получил он кличку Юрий Долгорукий. Не за то, что ладони огромные, как совковые лопаты, висели ниже колен, а потому, что за праздничным столом Юра имел привычку, чуть откинувшись назад, вытянуть правую руку и достать-погладить сидящую четвёртой от него задницу. Как солдат в строю по команде «Равняйся!» поворачивает голову направо так, чтобы видеть четвёртую грудь, Хитров умудрялся погладить пониже спины четвёртую от него гостью. Даже женившись, от шутки он не отказался, благо Пелагея застолья не уважала и на праздники не ходила. Попав с «Долгоруким» в одну компанию, женщины пересчитывали стулья или вымеряли глазами лавку, опасаясь оказаться «четвёртой».

Всё потому, что был случай. Молодожёны Хитровы тогда только перебрались в новую избу. Пелагея носила под сердцем первенца и была очень раздражительна. Громкие звуки, запахи, а порой и назойливая забота супруга выводили её из себя. Особенно беременную сердили скандалы в халупе напротив. Хозяин её — плешивый мужичонка — цеплялся к своей половине по любому поводу. Разборки устраивал показательные: выволакивал женщину во двор, чтобы собрать публику, и учил уму-разуму. Зеваки висели на заборе, пялились и вслух недоумевали, почему дородная Вера, руки которой были гораздо толще, чем ноги мужа, терпит его выходки.

В тот год у других соседей пришёл из армии сын. Селяне с трудом узнали парня: возмужал, повзрослел, грудь в медалях. Гордые родители накрыли на улице столы и созвали всю деревню. Пелагея идти отказалась, а озорной супруг отправился поприветствовать героя. «Четвёртой» справа от «Долгорукого» получилась Вера. Её-то Юра и наглаживал на потеху, пока плюгавый спутник жизни не заметил

неверность жены и не разгневался. На Юрия он, конечно, не полез, а вот изменницу выволок за косы и погнал домой ивовым прутом. Вера к тому времени успела опрокинуть рюмку-другую и разомлеть от мужского внимания, потому на сей раз позора не стерпела. В два прыжка оказавшись в избе, схватила ухват да переломила его об мужнину спину. Отлежался мужичок с неделю, одумался, с тех пор его как подменили. Перестал Пелагею нервировать. С Юрием же с той поры только сквозь зубы: «Здрассти», даже слово «до свидания» позабыл.

Каверзы Юрию Демьяновичу удавались часто. Раньше дом его стоял на окраине, но когда деревня расстроилась, Хитровские хоромы оказались в самом центре. По правую руку от Хитровых жила семья Громовых, по левую — Пустышкиных. У «левых» к тому времени подросла дочь Настя: девушка неплохая, лицом приятная, вот только к учёбе неспособная. Потому задумали родители-Пустышкины выдать замуж своё чадо поскорей, пока сверстницы по институтам разъехались. У Громовых же имелся жених-переросток. Мать с отцом тоже мечтали пристроить сына — парню под тридцать, как бы не загулялся. Насте кавалер не нравился, слишком много о себе понимал, но мать ей весь мозг изгрызла: «Надо замуж, надо замуж. Муж, дети — в том бабье счастье». В конце концов, сговорились соседи детей женить и стали Хитрова уговаривать: продай избу для наших молодых. Ты, мол, себе новую срубишь, а мы должны приглядывать за детьми.

Планы соседей мало интересовали Юру, уступать дом он не думал, но и жить между родственниками Пелагея не хотела. Уже сейчас Пустышкина и Громова через Пелагеев огород перекрикивались, а сами глазами так и шныряли. В отличие от них, жена Юрия не кланялась земле с утра до ночи и ловить на себе осуждающие взгляды не собиралась.

Гладкий лоб супруги хмурился всё чаще, и Хитров повернул операцию, которую сам же назвал «Горе луковое».

Той осенью у многих не уродился лук, и Юрий купил его у Громовых целый мешок. Набьёт им карманы и, как встретит Пустышкина, достаёт луковицу и кусает словно яблоко. Грызёт, косит глазами и нахваливает: «Ну и сладкий у соседа лук, хоть чай с ним пей. Нужно ещё мешок купить». Пустышкина завидки берут. Предлагает: «Купи у меня. Я дешевле продам». На пробу приносил, но Юрий упёрся: «Не тот у тебя лук, горький, куплю у Громова. Жена его дело огородное знает — хорошая хозяйка». После этих слов между супругами Пустышкиными произошёл скандал, и стали родственники невесты на будущую родню коситься. Зависть заметалась чёрной кошкой — у Громовых и картошка крупней, и свёкла темней, и горох слаще. Юрий же знай разгуливает по деревне, громовский лук хвалит и в придачу всё их семейство, а больше всех сына.

Громовы разнежились от комплиментов и встали перед Пустышкиными в позу. У нас, говорят, жених хоть куда. Красавец. «Красавцу вашему курица лысину наклевала, — рассердилась Пустышкина-старшая. — А наша невеста свежая и чистая, как дитя». «Уж точно дитя, — поддакивает Громова, — даже буквы не все знает». Слово за слово, чуть не подрались соседи, и свадьба расстроилась. А Демьяныч ни при чём. Живёт в своём доме да посмеивается. Ни Громовы, ни Пустышкины с тех пор даже голову в сторону его огорода не повернули.

7

«Весёлый был дед», — улыбнулся Денис и, поднявшись с крыльца, пошагал к бане — проверить, всё ли там в порядке. По воскресениям семья любила париться. Мысли

мужчины продолжали крутиться возле деда Юрия. Тот жил как хотел и умер так же. Незадолго до девяностолетия объявил: «Скучно мне. Помирать буду. Пора к Пелагее перебираться. Почитай уж десять лет как не виделись». Собрал он родню и дал устные пояснения к завещанию. Пятистенок он отписал Юре, Денису с Василием оставил по круглой сумме, достаточной для покупки хороших квартир, но оговорил: до Юриного совершеннолетия без уважительной причины из дома не съезжать. Шкатулка с прабабкиным золотом перекочевала в руки Иры. Анне досталась только пара колечек, но в придачу сберкнижка, а сколько на ней денег, Демьянович не озвучил. Остальных Хитровых он тоже не обидел, поделил наследство по своему усмотрению.

В тот день глава семьи выглядел бодрым, и родственники не приняли всерьёз слова о смерти. Лишь голос кукушки с той минуты сделался слабым и надтреснутым.

Через трое суток Хитров-старший помер, часы остановились, а птичья фигура застряла в полуприкрытых дверцах. Анна запретила прикасаться к вещам покойного до сорокового дня. Ходики же собралась отремонтировать и перевесить на видное место. Но после похорон они вдруг починились сами, и вскоре кукушка переехала в коридор.

Денис проверил баню и пошёл к беседке. Юра уже болтался в гамаке, ел яблоки и обстреливал огрызками соседскую кошку. Мужчина погрозил племяннику и, устроившись в дедовом плетёном кресле, принялся размышлять о собственной жизни. За прошедший год в ней ничего не изменилось. Всё шло по кругу: работа-дом, дом-работа. Из удовольствий — утренняя сигарета, сытный ужин. По выходным — пивной бар, парилка да футбол по «ящичку». Может, всё-таки жениться? Вот Василий, у него жизнь с интересом. Похоже, скоро съедет.

Вася влюбился, об этом знала вся родня. Летит время, подумалось Денису. Двоюродный брат, тот самый Василёк, которого в детстве приходилось таскать за собой, нытик, что вечно ябедничал родителям, вырос и даже перерос его, Дениса. Работает на заводе пусть небольшим, но начальником, заочно в университете учится. По утрам волосы феном укладывает, по вечерам занимается в спортзале. Ездит на иномарке и моет её чаще, чем Денис голове. Конечно, неожиданно, что Вася полюбил не такую же серьёзную девушку, а Дашу Круглову — вчерашнюю школьницу. Всезнающая Анна намекала, что любовь эта до добра не доведёт, но слушать женщин — последнее дело. Невесту брата Денис видел мельком пару раз. Яркая, но не в его вкусе. Ирка-то получше будет. Хотя его это не касается, с сердечными делами пусть каждый разбирается сам.

8

Пока Денис, стараясь не тревожить покой домашних, раскачивался в кресле и наслаждался тёплым деньком в конце дождливого лета, Василию не спалось. Любовь шла ему не на пользу. Не было в его глазах счастливого блеска, а на лице глуповатой улыбки, так присущей влюблённым. Вася похудел, подурнел, а мышцы его спортивного тела были постоянно напряжены.

Он привык жить по собственному плану, из которого следовало: первым делом нужно выплатить кредит за автомобиль, затем получить диплом и продвинуться по службе. Только потом стоило задуматься о семейной жизни. Всё это было до встречи с Дашей. «Даша — настоящая красавица, без дураков, — терзался влюблённый. — Глянешь на неё — сердце останавливается. А в профиль повернётся... Ммм,

смотришь и чувствуешь, что поплыл. Такой профиль только на золотых монетах чеканить».

С Дарьей Вася познакомился в начале года. В один из морозных вечеров молодой человек ехал по направлению к дому и с трудом разглядел недалеко от автобусной остановки женскую фигуру, уверенно вышагивающую вдоль обочины. «Наверняка в такую стужу последние рейсы отменяют», — подумал автолюбитель и, поравнявшись с девушкой, притормозил — подвезти? Та бесстрашно забралась в машину и сразу предупредила: денег нет, только проездной.

Руки пассажирки онемели от холода, и Вася помог ей пристегнуться. «Вам далеко?» — вежливо поинтересовался он, уже понимая, что готов катать случайную попутчицу сколько угодно, только бы иметь возможность искоса поглядывать на этот профиль. Невзирая на позднее время, водитель выбрал самый длинный маршрут.

Они разговорились. Василий удивился, узнав, что Даша учится в школе. На первый взгляд девушка выглядела сверстницей. Пусть щёки её и покрывал нежный пушок, не было в этих жгуче-чёрных глазах присущего ровесницам телячьего восторга. Она не употребляла подростковый сленг, не захлёбывалась смехом на анекдоты и забавные истории, которыми пытался развлечь её шофёр. Лишь чуть кривила в ухмылке рот, словно насмехалась над рассказчиком. Объяснила, что занимается в местной театральной студии и сегодня из-за затянувшейся репетиции опоздала на автобус.

С того дня к радости Василия Хитрова отвозить юную актрису на занятия стало его почётной обязанностью. Смущало маленькое «но»: отношения развивались не в ту сторону, как хотелось бы молодому человеку. Подъезжать к дому Дарья запретила: у неё строгие родители, и видеть дочь, прибывшую на авто, не должны. Увлечение театром от домашних она тоже скрывала. Мать с отцом считали — их де-

вочке нужно получить серьёзное юридическое образование, и свои отлучки та объясняла занятиями с репетитором.

Где находится студия, Вася толком не знал. Он высаживал «артистку» посреди дороги, где они встретились впервые, и оттуда же забирал. Не считая деловых поездок, они почти не виделись. Школьница готовилась к экзаменам и только изредка позволяла сводить себя в кино. Цветы и подарки, опять же, опасаясь вызвать подозрение близких, не принимала. Не отказывалась лишь от денег. Брала их без стеснения и прятала в копилку вместе с теми, что выделялись на мнимых репетиторов.

Порой влюблённого охватывали сомнения: что, если подруга обманывает его так же, как остальных? Однажды он рискнул проследить за девушкой, но та заметила и пришла в неопишемую ярость. Василию едва удалось вымолить прощение, и с тех пор он боялся впасть в немилость. Иной раз поведение Дарьи Кругловой казалось необъяснимым. Она быстро переходила от смеха к слезам, а иногда становилась просто агрессивной. За неимением душевных подруг мечтала покорить Москву девушка делилась только с Васей.

Впервые услышав о её желании поступить в столичный вуз и стать известной актрисой, Хитров с трудом сдержал усмешку — видно, руководитель театральной студии местного разлива здорово запудрил девчонке мозги. Подобные разговоры возникали всё чаще, и молодой человек понял: это не мечты, а реальные планы.

Дашина копилка пополнялась, интернет помог изучить рынок съёмного жилья в Москве. Школьница легко уговорила родителей — «настоящее» юридическое образование можно получить только там. С каждым днём Вася всё больше убеждался, что карьера артистки — Дарьиная страсть. Это тревожило.

Ближе к лету Даша, до того редко отвечавшая на звонки личного водителя, начала набирать его номер каждый вечер и однажды объявила: ехать надо вдвоём. Василий пытался рассуждать логично: какие шансы у девочки из провинции поступить в столичный вуз при конкурсе в двести человек на место? Даша разбивала все доводы в пух и прах. Сказала, что её познакомили с человеком, у которого есть знакомый, а тот знакомый знаком с кем-то из приёмной комиссии. В общем, ей обещали помочь.

Несколько раз девушка наведалась в Москву, а в середине августа сообщила: всё получилось, в сентябре она, как все студенты, приступит к учёбе, если рассчитается с нужными людьми. Василий и верил, и не верил, но денег достал.

День отъезда приближался, Даша делалась настойчивей. Она уже не уговаривала — требовала, чтобы друг её сопровождал, и клялась, что почти готова выйти за него замуж. При этом про любовь — ни слова. Родственников будущая студентка по-прежнему водила за нос. Говорила, что её приняли в университет и выделили комнату в общежитии. Хитров подозревал: невеста, прикинув свои возможности, нацелилась на его наследство. Понимал, почему она манит за собой, и не сомневался: с такой женой пропадёшь. Выжмет досуха, отбросит в сторону, как лимонную корку, и уйдёт, не оглянется. Ему, влюблённому идиоту, в лучшем случае достанется год. И всё же это будет его год.

Вася колебался и тянул с ответом. Просил отсрочку, чтобы закончить собственные дела: годину по деду справиться, с работы уволиться, с учёбой что-то решить. Обещал приехать следом, чуть позже. На что, зло сверкнув глазами, подруга отрезала: «Сейчас или никогда». Василий решился.

Теперь до отправления их поезда оставалось три дня. Билеты куплены в купе на двоих. По разработанному плану Хитрову следовало проскользнуть в вагон в последнюю ми-

нугу. В суете провожающие родители ни о чём не должны догадаться. Молодому человеку всё это казалось непорядочным, но спорить с будущей женой ни сил, ни желания не осталось.

9

В ночь перед отъездом голова его гудела — гнетущие мысли мешали заснуть. Задремать удалось лишь под утро, и сквозь мрачную пелену ему мерещились Дашины глаза. Большие и чёрные, как пропасть. Пробуждение было тяжёлым. Василий злился на девушку — чёртова кукла со своим профилем. Пытался себя убедить: всё ещё можно раскрутить в обратную сторону, он только съездит, посмотрит, а там будет видно. Хотя в душе понимал: уедет и не вернётся, пока Даша не прогонит. «Куклу» он любил так, что временами казалось, ненавидит.

Вася долго лежал в кровати, дожидаясь, когда разойдутся домашние, и только потом вышел на кухню. Перед дорогой следовало подкрепиться, но кусок не лез в горло. Пришлось ограничиться несколькими глотками кофе. Чтобы убить время и чем-то занять голову, Хитров принялся считать то, что было давно подсчитано.

— Поезд в 14:35, — бормотал под нос влюблённый. — Значит, надо выйти в два часа. Ходу — ровно 30 минут. И сразу в вагон.

В сотый раз он проверил документы и сумку. Покопался в вещах, их было мало (чтоб быстрее собраться, когда вышибут), зато всё почти новое. Смутили носки — они были без этикеток. «Нехорошо, — подумал Василий, — носки должны быть новейшие, с бирками, всё-таки с девушкой еду».

Чтобы часы ожидания прошли с пользой, он сходил в магазин и выбрал самую дорогую пару. Вернувшись, допил

остывший кофе. Любовный дурман начал рассеиваться, и в голову пришла запоздалая мысль: носков следовало приобрести больше. Молодой человек вновь прогулялся до торговой точки, но на обратном пути притормозил, поразмыслил: носки — штука в дороге нужная, может, купить ещё? Хотел было повернуть назад, но одёрнул себя: что, в Москве носков, что ли, нет? Подошёл к калитке, задержался возле неё на считанные секунды и тут же, проклиная себя за неспособность сконцентрироваться в ответственный момент, рванул за третьей парой.

Дома пихнул покупки к остальным вещам, упал на стул и отдышался. Совсем закружился, дались ему эти носки. Хитров постарался сосредоточиться, сварил крепчайший кофе, выпил подряд три чашки и дал себе установку гнать все мысли. Оказалось, это не так просто — ни о чём не думать. Василий сидел долго, тупо выжидая время и уставившись в окно. И вот — «Ку-ку, ку-ку». Пора. Схватив сумку, он пулей вылетел за порог.

От волнения сердцу сделалось тесно, оно переместилось в горло, словно готовясь выпрыгнуть наружу. Голос разума сделал робкую попытку высказаться. «Не слушать!» — тут же скомандовал себе влюблённый. Он шёл так быстро, что боялся появиться на перроне раньше срока. У здания вокзала сбавил скорость, перевёл дыхание, промокнул лоб платком и прислушался к тому, что вещало радио. «Поезд отправляется». Машинально взглянул на круглый вокзальный циферблат: 14:35. То есть как? Не понял. Оленьими прыжками Вася выскочил на платформу. Паровоз издал прощальный гудок, и, набирая ход, состав скрылся за поворотом.

От бессилия хотелось выть. Хитров приподнял сумку в диком желании садануть ею об землю. Так, чтоб содержимое, включая долбаные носки, разлетелось в стороны. Лишь проходивший мимо патруль сдержал порыв. Под пристальными

взглядами людей в формах Вася круто развернулся на каблуках, неуклюже-интеллигентно обматерился под нос и зашагал к выходу.

В привокзальном буфете было пусто.

— Водки.

Возрастная буфетчица с густым слоем тональника на дряблых щеках отбарабанила:

— Спиртного не держим. Чай, кофе, минералка.

Тут же, навалившись грудью на прилавок, доверительно, вполголоса добавила:

— Винный за углом. Там на любой вкус, и пока никто не отравился. А у нас пирожков возьмите на закуску. Я вам свежих положу.

Вася проглотил две порции тёплой колючей воды под участливым женским взглядом.

— Полегчало?

— Нет.

— Тогда бери пирожки и — дуй за угол.

За магазином была протоптана тропинка. Пройдя по ней, Вася обнаружил укромное место. Самодельная лавочка на три персоны и стол, куда он взгромоздил свой пакет. «Сервис», — усмехнулся молодой человек, разглядывая стаканы — настоящие, гранёные, с советских времён, — культурно развешанные на кустах завсегдаями бесплатного заведения.

Василий откупорил бутылку. Он предпочитал хорошие вина и знал в них толк, но вину, даже коллекционному, справиться с таким стрессом оказалось бы не под силу. Хитров отхлебнул из горлышка раз, другой, поморщился, откусил пирожок и пожал плечами — с сеном он, что ли? Водка была противно-тёплой, но дрожь в руках унялась. «Спасибо буфетчице, подсказала, — подумал Вася, — иначе пошёл бы в кафе, а там люди. Ну их. Видеть никого неохота. Здесь,

на природе, спокойней: никто не лезет в душу. Только птички на деревьях — чирик-чирик».

Пить из горла было неудобно. Алкоголь быстро справился с брезгливостью. Василий смочил платок, обтёр края много-разового стакана и плеснул на дно водки. Хмель притупил остроту трагедии и дал возможность рассуждать «трезво». Поезд тронулся, как положено, — в 14:35. Теоретически Вася не мог опоздать. Он вышел ровно в два. Может, после бессонной ночи передвигался медленней, чем всегда? Нет, недостаток сна он компенсировал крепким кофе. Шагал, как циркуль, нигде не останавливался и даже ни с кем не здоровался. Боялся одного: появиться у вагона слишком рано. И не успел.

Василий глотнул ещё, понюхал пирог и бросил его птицам. Сделал попытку провести хронологию сегодняшнего дня по минутам. Вспомнил, как высиживал время, не зная, чем себя занять. Да ещё носки эти. Выбили его из колеи. Вася сжал зубы. Агрессия, которую он обычно сдерживал, сейчас готова была вылиться наружу. Всплыл в памяти универмаг со скучающе-кровожадными продавцами. Блондинки с красными губами, как вампиры, выскакивали из-за прилавков: не желаете то, не желаете сё? Желаю. Чтобы вы все заткнулись. Столько времени потратил, чтоб дурацкие носки купить, потому и припозднился. Стоп. Продавцы ни при чём. Вернувшись домой, он ещё долго смотрел в окно, поджидая сигнал кукушки.

Часть расследования была проведена. Алкоголь приступил к прямым обязанностям — туманить мозг. Тем же платком, что протирал стакан, Вася протёр лицо. Стайка пернатых щебетала на соседнем дереве. «Интересно, сколько я тут сижу? — рука нырнула в один карман, в другой — телефона нет. — Даша наверняка звонила», — обречённо подумал без вины виноватый Василий Хитров, понимая, что,

забыв от волнения мобильное устройство, лишил себя даже мизерного шанса.

Убитый горем влюблённый пихнул в сумку полупустую бутылку, бросил птахам оставшиеся пирожки и переулками, избегая попасться на глаза «органам», побрёл к родным пенатам. Ему казалось, время застыло на цифрах 14:35, и потому торопиться не стоило. Денис на работе. У Анны с Толиком выходной, и семейная чета укатила «отмечаться» в бухгалтерский дом. Силясь отогнать воспоминания о собственных злключениях, Василий напрягся, потряс головой, чуть не потеряв равновесие, и постарался переключиться на проблемы Ани и её супруга.

10

Анатолию и Ларисе — его сестре — по наследству досталась двухкомнатная квартира. Лариса заняла большую комнату, с балконом, а Толе выделила маленькую. Замужем женщина не бывала, но в родильный дом навещалась часто: к двадцати пяти годам обзавелась тремя детьми и оставаться не собиралась. Толя переживал: ещё чуть-чуть, и плодовитая сестрица выселит его из собственного угла. Потому как закон всегда защищает детей и одинокую мать. Чтобы не лишиться метров, их владелец регулярно появлялся в своей комнатухе «под крендель» с супругой. Скрупулёзно проверял счета, снимал показания счётчиков. Аня же вытирала пыль и наводила порядок в местах общего пользования. Семейная пара проводила в квартире весь день, чтобы бесшабашной родственнице, живот которой в очередной раз начал пухнуть, не пришлось на ум внедриться на территорию брата.

Тот не раз обдумывал Ларисино предложение выкупить долю, но денег за неё не хватило бы даже на «малосемей-

ку». Следовательно, пришлось бы отдать их законной жене, а у той один ответ: дом у нас большой, места всем хватит. Но дом-то завещан Юре. Подрастёт парень и скажет: «Ты кто такой? Знать тебя не знаю и в упор не вижу. Освободи жилплощадь. У меня свой отец имеется». Поэтому приходилось Анатолию «столбить» какое ни на есть жильё и мечтать об отдельной квартире.

Нетвёрдо шагая, Василий хмурил лоб, пытаюсь думать о чём угодно, лишь бы не о том, о чём хотелось. Старательно не отпускал мысли о сестре и её муже. Те вернутся домой не раньше, чем наступит время забирать Юру из городского лагеря. Интересно, зачем за ним ходить? Лагерь рядом. Но — не положено. Правда, этот шустрый малый несколько раз оттуда сбежал. Пробрётся в дом, пока взрослых нет, в компьютер наиграется — и назад, а там уже переполох: ребёнок пропал.

Вася отклонился от маршрута и нырнул в берёзовую рошу. Облокотившись на тонкий ствол, достал припрятанные поллитра и то ли глотнул, то ли понюхал из бутылки. Расслабился на секунду, и тут же зуммером в голове — почему? Почему он опоздал? Ответ напрашивался простой: подвели дедовы часы. Либо сломались, либо кто-то уже не впервые двигает стрелки, нарушая чужие планы. Кто-то из членов семьи, потому что за последние дни посторонних в доме не было.

Хитров напряг память. Утром в полудрёме он слышал, как все разошлись. Позже, ровно в полдень, как только пропела кукушка, он выключил телевизор — в сотый раз слушать одни и те же новости не выдерживали нервы. Он точно помнил: на курантах было двенадцать. Время совпадало. Потом началась эпопея с носками. Значит, кто-то побывал в доме между двенадцатью и четырнадцатью часами. Василий воспользовался методом исключения. Денис прийти не мог — у него на работе аврал, перекусить

не всегда удаётся. У бухгалтерской четы маршрутка ходит по расписанию. Дневных рейсов нет, а на такси супруги не потратятся. Оставался Юра. Только зачем ему? Какой мотив? Василий качнулся, ухватился за дерево и лениво рассмеялся. Это в детективе должен быть мотив, а в жизни можно и без мотива. Просто так. Парень растёт такой же шkodник, как дед Юрий, чем старше, тем больше на него похож. То и дело у зеркала кривляется, глазами косит — репетирует, чтоб малышню пугать. Ну, Юрка, погоди! «Частный сыщик» Василий Хитров запихнул водку в сумку и вырулил на дорогу, где его чуть не сбил с ног Денис.

— Красавец! — хмыкнул тот, сделав ударение на последний слог. Обычно прилизанный двоюродный братец сейчас напоминал ему встрёпанного воробья. — Случилось что?

— Да. Вот послушай, — раздражение на племянника вылилось в излишне-подробный рассказ.

Покачиваясь с пятки на носок, Денис выслушал сумбурную речь, затем крепко сжал ладонь младшего брата и, как когда-то в детстве, повёл Василька домой. В любви автослесарь Хитров разбирался слабо. Понимал одно: без неё спокойней. Сейчас он видел явное тому подтверждение. Вон у брата до чего дошло. Вроде и смазливый, и умный, а как скрутило — сам себе не хозяин. Всё потому, что подалее надо от красоток держаться. Хотя насчёт красоты вопрос спорный. Но в одном Вася прав: гены пальцем не сотрёшь. Дедовская озорная кровь течёт в жилах мальчугана.

11

В избе братья сразу увидели виновника, тот пыхтел в углу под часами, отбывая наказание. Рыжие космы в стороны, взгляд затравленного волчонка, нижняя челюсть упрямо выдалась вперёд.

Старший из мужчин поскрёб медную бороду — похоже, ужин откладывается. К счастью, дверь кухни приоткрылась, и из неё выглянула раскрасневшаяся от плиты Анна.

— Ну вы подумайте! Опять набезобразничал! — вместо приветствия пожаловалась она на ребёнка. — Руки мойте и принимайтесь за еду, — это уже относилось к вошедшим.

Анатолий сидел за столом, задумчиво уткнувшись в тарелку размером с кошачью плошку, словно слова жены его не касались. Хозяйка разлила борщ — ужинали здесь по полной программе, даже у щедедушного Толи наметилось брюшко — и продолжила ругать сына:

— Никакой управы на него нет! Сегодня трёх мальчишек стравил, те синяков друг другу наставили. А этот хитромордый сам в драку не полез, только других подзуживал. Обормот! Родители пришли за детьми, пока выясняли, кто виноват, отцы сами чуть не передрались, а этот ни при чём. Но я-то знаю, чьих рук дело. Всё! Больше никакого компьютера, никаких гуляний. Завтра лагерь заканчивается, и — в школу! — отставив кастрюлю, Анюта высунулась в коридор и погрозила: — Смотри у меня!

В семейном кругу у Василия проснулся аппетит. Наваристое первое грело желудок и трезвило голову. Вася вспомнил: в бутылке ещё немного осталось. Ему достаточно, а родственникам можно предложить по мензурочке, если не побрезгуют. Сумку он, кажется, кинул у входа.

Под часами всё так же страдал Хитров-младший. Сейчас взгляд его был полон мольбы. Вот хитрец! Отвесив племяннику лёгкий подзатыльник, мужчина отыскал горячительный напиток и, вернувшись в кухню, бросил сестре:

— Хватит, выпускай арестанта. Уже весь угол отполировал.

Не дожидаясь разрешения матери, Юра мгновенно шмыгнул в комнату к компьютеру. Анна махнула рукой и перешла к брату:

— А ты, «адвокат», с какой радости употребил?

— С горя. Планы сорвались.

— Это какие планы-то? С Дарьей Кругловой уехать?

Вася опешил. Вот так секрет! И откуда женщины всё знают?

— А что тут знать-то? — ответила сестра на немой вопрос. — Одна в артистки собралась, дугой ногами засучил. Сумочку приготовил. Ясно-понятно. Так что, не решился?

— Решился. Только опять кто-то с часами намудрил.

— Юрка! Точно он! А ну иди сюда, стервец!

— Не пойман — не вор, — неожиданно подал голос Анатолий.

Старший из братьев подошёл к двери, прислушался и, плотно её прикрыв, вернулся за стол. Тем временем Аня, округлив глаза, принялась горячо шептать:

— Я вообще заметила, что в мальчишку словно дед вселился. Поглядите, как у Юрки руки вытянулись. И плечо одно так же вверх задирается. А глаз, глаз-то левый совсем косой сделался.

— Скажешь, дед его укусил? — Денис хмыкнул так, что борщовые брызги разлетелись в стороны, и вытер ладонью бороду. Он не одобрял Анины пристрастия к мистическим телешоу.

— Почему укусил? Он что, вампиром был? — заспорил Вася. — Кто знает, может, и есть оно, переселение душ. Вот характер в парня сто процентов дедовский вселился.

Бородач отложил ложку в ожидании второго блюда и притих. Интересно, почему Аня упорно сваливает вину на сына? Дед в него вселился, видите ли. Одно из двух: или боится, как бы отпрыск не пошёл по папашиним стопам, и вовлекает мужскую часть семьи в воспитание, или что-то скрывает. Может, сама стрелочки-то — того? Чтоб не разбегались братья раньше времени, чтоб не только за Юрой, но и за Толей присматривали.

Котлетный аромат и стопка алкоголя слегка успокоили Дениса. Взрослые люди, а создают проблемы не пустом месте. Один от любви ополоумел. Вон, сидит, пытается разговор поддерживать, а сам то и дело на полуслове бледнеет, словно кровь из него откачивают. Appetit портит. Другая насмотрится глупых передач и принимает всё за чистую монету. Да и Толя хорош — притих подозрительно, словно замыслил чего-то. Может, опять увлётся да решил сбежать, вот и накрутил часы. Пусть, мол, Анна с Васей друг друга утешают по-родственному.

12

После ужина Хитровы разбрелись по комнатам. Василий страдал в четырёх стенах. Злость на племянника отступила, хмель вышел. Не включая света, несчастный влюблённый лёг на диван и уткнулся в подушку. Чеканный профиль маячил перед глазами. Даша, она упёртая. По головам пойдёт, но своего добьётся.

Пропавший телефон обнаружился на дне сумки. Васе никто не звонил. Больше того, сам дозвониться Дарье он не смог и понял: ехать следом, пытаться что-то объяснить бесполезно. Прощения не будет. Она предупредила: «Сейчас или никогда».

Пытаясь не застонать, страдалец сжал зубы так, что заломило челюсти. Как теперь поступить? Отпуск на месяц оформлен. Может, взять горящую путёвку, и за океан? Чтоб родню кислой миной не пугать. Хотя лучше уехать в тихий пансионат, затеряться среди пенсионеров, раны зализать.

К ночи запасы минералки, что хранились в Васиной комнате, иссякли, он вышел на кухню и в коридоре столкнулся со старшим братом. Шевельнулось подозрение: что он делает в полночь возле кукушки?

— Всё верно, — шепнул тот, разглядывая торчавшие сверху стрелки, — и прокуковала как положено.

«Младший» кивнул, жестом попросил закурить и, стиснув пальцами сигарету, вернулся к себе. Бородач растерянно покачал головой: Васька с юности не курил — о как прошибло!

Василий не находил места. Если бы он мог заглянуть в будущее, то увидел бы, что дальнейшая жизнь Даши Кругловой сложится непросто. Сначала она с головой окунётся в учёбу, и фортуна ей улыбнётся. В красивую студентку будут влюбляться все: от однокурсников до престарелых педагогов. Её пригласят сниматься в кино. Из-за неё будут лишаться сна лучшие сценаристы и талантливые режиссёры, один из которых свяжет судьбу с начинающей актрисой. Однако получить диплом ей не удастся. Головокружение от успеха, гены по материнской линии и алкоголь сделают своё дело. Дарья окажется в психиатрической клинике. Она никогда не излечится и превратит жизнь близких в ад. Знать об этом Василий не мог, и потому страдал.

Утром он красноглазым окунем выплыл на кухню. «Это — не любовь, это — болезнь», — догадалась Анна и поручила мужу срочно купить для брата путёвку в дом отдыха. Через день бедняга укатил в пригородный санаторий.

13

В тихом уютном пансионате Вася окунулся в мир, где жизнь текла размеренно и неспешно. Почтенные старички при встрече расшаркивались и приподнимали выдавшие виды шляпы. Благообразные старушки с достоинством морщили в улыбке подкрашенные губы. Спокойная обстановка действовала на истерзанную душу умиротворяюще. Вася стал замечать, что постепенно втягивается в проблемы старшего поколения. В очередях на процедуры пенсионеры

вполголоса обсуждали грядущую реформу, и он, мало что в этом понимая, то удивлённо вскидывал брови, то кивал головой, поддерживая собеседников.

Оживление в отдых вносила лишь соседка по столу — Настя Солнцева. Василий сразу узнал девушку. Она работала в банке и в своё время оформляла ему автокредит. Сейчас Настя восстанавливала здоровье после какого-то сложного перелома. Врачи требовали, чтобы та ходила, опираясь на палочку, и выговаривали забывчивой, недисциплинированной пациентке.

Тогда, в салоне, сотрудница банка показала Хитрову не по годам серьёзной. Теперь он понял: серьёзность была напускной. На работе Анастасии Солнцевой приходилось хмурить брови, чтобы сдерживать смех, отчего на лбу её то и дело появлялась мягкая морщинка.

Однажды в санаторий наведалась Настина младшая сестра с большой коробкой зефира. Весёлая, очень похожая на саму Настю. Такое же приятное лицо сердечком и чуть вздёрнутый веснушчатый нос. Они долго болтали и смеялись на проделки младшего брата, которого в шутку называли «братец Лис». Судя по описанию, тот был вылитый Юра.

Природа, травяные чаи и мягкая атмосфера санатория незаметно исцеляли Василия. Дождливое лето перетекло в ласковую осень, и отдыхающие старались больше времени проводить на воздухе. Вася следил, чтобы Настя не забывала брать на прогулку палочку. Сам же, для гарантии, пытался поддержать девушку под локоть. Она вырывалась со смехом и требовала не ограничивать её свободу. Хитров собирал кленовые букеты и шутливо дарил их спутнице. Та подносила к лицу рыжие листья, и веснушки на курносом носу оживали. Она смеялась беззаботно и умела радоваться простым вещам: ёжику, пробежавшему по тропинке,

четвёрке по математике, полученной «братцем Лисом», бумажной медали «Лучший исполнитель караоке». Василию нравилась компания новой знакомой. Они легко сошлись, легко, по-дружески общались и так же легко расстались.

Перед отъездом Вася мучился сомнениями: что, если в родных стенах затянувшиеся раны откроются и любовный кошмар вернётся? Тревога оказалась напрасной — дома Василий Хитров осознал, как устал от образа страдальца и обнаружил, что скучает. Не по строгому чеканному профилю, а по искренней улыбке, глядя на которую хотелось жить. Мрачная красота уступила место светлой коже, смешным веснушкам и мягкой морщинке на лбу.

Роман, бурный и красивый, начался после того, как отдыхающие разъехались по домам.

14

Тем временем осень основательно вступила в свои права. Деревья оголились, воздух сделался ядрёным, а лужи покрылись слоем льда. Зима, дожидаясь своего часа, понемногу подсыпала снежок на крыши зданий и машин, предупреждала о скором появлении лёгкими морозцами.

В доме Хитровых воцарился покой. Денис наконец наладил отношения с Ириной и успокоил совесть. Он подружился с мужем младшей сестры, с племянницей и вытребовал у всех троих обещание в ближайшее время навестить «гостевую» комнату. Денис по-прежнему работал в автосервисе и продолжал считать, что женитьба — та самая мутная вода, в которой не стоит пытаться поймать золотую рыбку. Анна с Толей, казалось, жили в согласии. Даже Юра притих. По счастливому, посвежевшему лицу Василия нетрудно было догадаться: он вот-вот потратит свою часть наследства.

На сей раз выбор двоюродного брата Анна одобрила:

— Настя — не то что та «мумия».

Свадьбу молодые планировали на начало года. Гулять её собирались в доме, и за праздничный стол отвечала Анюта. Уже сейчас она прикидывала, чем можно удивить гостей, составляла калькуляцию. Часто и с удовольствием вспоминала, как совсем недавно сама была невестой.

15

В один из субботних вечеров, расчёсывая на ночь волосы, Аня игриво спросила мужа:

— Может, переселить Юру в дедову комнату? Большой уже, наверное, не побоится спать один.

Анна расхаживала из угла в угол в трикотажной, облегачущей формы ночной сорочке и прислушивалась к детскому дыханию из-за ширмы. Кажется, спит. Или вид делает. Артист ещё тот. Осторожно ступая, женщина подошла к выключателю и замерла. Фигура её в этот момент напоминала равнобедренный треугольник, перевёрнутый остриём вниз, наподобие того, что рисуют на дверях мужского туалета. Погасив свет, она направилась к кровати, опустилась на неё так, что застонали пружины, и придавила благоверного мощным телом.

— Ньюша, давай кое-что обсудим, — высвобождаясь, просипел тот.

— Я сказала — нет, — отрезала Анна и повернулась на другой бок.

Толя пожевал губу. За сегодняшний день он трижды пытался завести разговор, но жена обрывала с первой фразы. Дело заключалось в следующем. Не так давно Анатолий узнал, что местный бизнесмен — Мотылёв Вадим Борисович — купил молодой супруге салон женской одежды и подыскивает надёжного человека на кресло главного бухгалтера. Анатолий

Хитров рискнул попытать счастье. Разница в зарплате рядового бухгалтера и главбуха всегда была значительна, к тому же — престиж. И, что совсем приятно, к достойному окладу были обещаны ежеквартальные премии в конверте. О них можно было Нюше не говорить.

Поначалу всё складывалось хорошо. Анатолий отправил резюме, получил приглашение на собеседование, а потом раздался желанный звонок: «Вы нам подходите». Наниматели прониклись проблемами будущего работника и дали время их утрясти. Уволиться Толя сумел быстро, но получить Нюшино согласие оказалось задачей посложней. Спутница жизни не то чтобы не поддержала, она была категорически против нового места службы. Ссориться с женой в Толины планы не входило, он надеялся решить вопрос полюбовно. Как назло, в субботу позвонил помощник Мотылёва и отбарабанил: изменились обстоятельства, утром хозяева отбывают на отдых. Перед отъездом работодатель желает уладить формальности. Сейчас за Хитровым пришлют машину — нужно подписать документы и с понедельника приступать к работе. Если он не готов — пригласят следующего кандидата.

Уехать из дома на глазах у супруги Толя не решился. С ходу выдумал сразу несколько причин, по которым именно сегодня выполнить требование начальства не мог. При этом поклялся: поутру он прикатит в офис первым же автобусом, поставит закорючки, и пусть себе хозяева спокойно едут куда им надо.

Анатолий был уверен: стоит выложить последний козырь — рассказать про обещанную премию, — как жена сдастся. Но Нюша даже не дослушала, заявила, что тема закрыта и уселась к телевизору смотреть любимую передачу.

Упрямылась Анна неспроста. Нынешнего бизнесмена, который в деле её первого мужа проходил свидетелем, она знала с тех пор, когда тот носил кличку «Мотыль». Именно с его лёгкой руки «бывший» загремел на зону. Допустить,

чтобы и Толик по протекции того же ловкача оказался за решёткой, она не могла. Едва услышав фамилию Мотылёв, Аня встала на дыбы.

— За «просто так» огромные зарплаты не дают, — уверяла она. — Заставят тебя подписывать «левые» бумаги, а потом в тюрьму упекут. Вадим Борисович твой — не гляди, что одет с иголочки — бандит с большой дороги. Понятно, для чего ему нужен элитный магазин на окраине города — грязные деньги отмывать.

Анатолий допускал, что не всё так красиво, как ему расписали, что обязательно проявятся подводные камни. Но он-то знает, как их обойти, на то он и профессионал. В конце концов, на документах рядом с его подписью будет стоять подпись руководителя, а тот отвечает в первую голову. Не дурак же Мотылёв жену подставлять. Вот только Нюша с этими доводами не соглашалась: «Подпись подписью, а сидеть будешь ты».

Толя прижался к мягкой Нюшиной спине, и сомнения волнами заходили в бухгалтерской голове. Может, ну её, эту престижную должность? Может, вернуться назад, в свою фирму, и жить спокойно? Нюша его вполне устраивает. Ребёнок готовый, коляску катать, по ночам вскакивать не требуется. С родней жены контакт налажен, да и места действительно всем хватает. Опять же, это пока. Пройдёт время, вырастет Юра, и что дальше? Попадётся пасынку супруга, как Лариса. Превратит дом в детский сад — сам сбежишь. Нет. Надо о будущем позаботиться — отдельное жильё приобрести. Как раз шанс появился на него заработать. Даже если половину обещанного будут платить — уже хорошо. Можно взять с сестры долю за свою часть, оформить ипотеку и выплачивать потихоньку с мотылёвских премий. Опять же, на свободные пока метры можно квартирантов пустить — всё лишняя копеечка. Вот только Нюша твердит: «Заработаешь небо в клеточку и друзей в полоску». Согласия не даёт.

Конечно, альтернатива у него есть. Юрий-то Демьянович бывшего Сосулькина не обидел — включил в завещание и отписал свой катер. Сказал: «Дело хозяйское: хочешь — пользуйся, хочешь — продавай». Одна загвоздка: никто из настоящих Хитровых, даже Василий, до сих пор наследство не тронул. Получится, что самозванец Толя память деда не уважает. Это никуда не годится. Что ж, придётся решение принимать самому, а супругу ставить перед фактом. В конце концов, кто в семье мужик? Вот утром, благо Нюша спит крепко, нужно съездить и подписать документы. Автобус ходит по расписанию, а офис Мотылёвых напротив конечной остановки.

Анна всхрапнула и причмокнула. «Ну и сон у благоверной, — подумал Толя. — не успела голову к подушке приклонить и уже — хрр!» Анатолий лёг на спину и уставился в потолок. «Хорошая она, Нюша. С виду грубоватая, но это напускное, просто жизнь потрепала. Хозяйка, каких поискать: не станет сырой рыбой из суши-бара пичкать. Котлет-пирогов навертит — обо всём забудешь. Куда японцам до неё!»

Толя улыбнулся, припоминая: будущую жену он впервые увидел на дне рождения у приятеля. Тот хотел познакомить друга со своей переспелой родственницей, но Анатолию приглянулась Аня Хитрова — коллега именинника. Место за столом тогдашний Сосулькин выбрал рядом с понравившейся женщиной и, не замечая укоризненных взглядов хозяина, то и дело, как бы невзначай, прижимался к тёплому, крепкому бедру новой знакомой. На Нюше было синее платье, а на груди — бусы из лунного камня, такие же, как у мамы. Хотя, возможно, он путает, и платье было красным. Нет, точно не красное — Нюша яркое не носит. Это в постели она — огонь. Может, белое? Ни в коем случае! Белый — цвет невесты, он отпугивает. Тогда зелёное или жёлтое? Что там ещё осталось? «Каждый охотник желает знать...» — всплыло из

школьной программы, и воспоминания переключились на детство. Лариса училась средне, а ему, Толе, учёба давалась непросто. Мать — сама вечная троечница — вечерами просиживала возле него, заставляя зубрить уроки. Так и выучила на бухгалтера. Мама. Она была похожа на Ньюшу. Или Ньюша на неё. Толя плавно погружался в сладкую дрему. Наука Юрия Демьяновича не пропала даром: будильник в бухгалтерской голове был заведён на нужное время.

16

Наступила ночь. Ветер за окном насвистывал колыбельную. Соседская собака завывала на круглую луну и тут же, звякнув цепью, забралась в будку. Дом Хитровых заснул. Его обитатели не слышали шороха в коридоре. В это время в настенных часах что-то шевельнулось, чуть треснуло, приоткрылись дверцы. Несколько секунд — и оттуда показалась кукушка. Она повернула голову влево, вправо, и ещё раз влево-вправо. Прислушалась к ночным звукам, подалась вперёд и скосила левый глаз. Её крылья начали медленно вытягиваться. Затем птица наклонилась, изучая циферблат, и прицелилась. Ловко, точно это были не крылья, а пальцы, она перетащила ими стрелки. Ходики сразу отстали на целый час. Пташка замерла и послушала ночную тишину. Покрутила головой, поморгала, возвращая левый глаз на положенное место, и, приняв облик обычной кукушки из часов, вернулась в укрытие. Шшш — и дверцы затворились.

А дом спал. Денис похрапывал, задрав медную бороду к потолку. Вася мечтательно улыбался и негромко сопел. Юра вздрагивал и пыхтел под нос что-то неразборчивое. Аня сладко причмокивала. Пребывая в блаженном состоянии между сном и бодрствованием, Анатолий прислушивался в ожидании, когда же кукушка сообщит: пора.

Содержание

Об авторе.....	3
СЧАСТЬЕ ИЗ ДРУГОГО МИРА.....	4
Часть 1.....	4
1.....	4
2.....	7
3.....	8
4.....	10
5.....	12
6.....	14
Часть 2.....	18
1.....	18
2.....	21
3.....	26
4.....	29
5.....	32
6.....	38
7.....	44
8.....	48
9.....	52
10.....	61
Часть 3.....	66
1.....	66
2.....	70
3.....	86
4.....	90
5.....	92
6.....	94
7.....	98
8.....	101
9.....	103
10.....	105

БОРЬБА С ТЕНЬЮ.....	109
1	109
2	111
3	115
4	116
5	118
6	121
7	122
8	123
9	124
10	127
11	128
12	131
13	132
14	134
15	136
16	139
Эпилог	140
ЧАСЫ С КУКУШКОЙ.....	142
1	142
2	145
3	146
4	151
5	154
6	157
7	161
8	163
9	167
10	171
11	173
12	176
13	177
14	179
15	180
16	184

Рекомендуем книги Галины Березиной

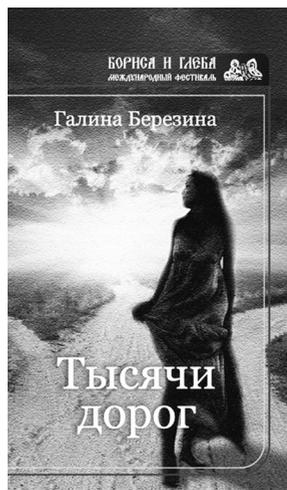
Просто люблю

Любовь и измена. Страсть и разлука. Как часто они идут рука об руку. Казалось бы, ничто не сможет разрушить семейное счастье супружеской пары. Кирилл и Светлана прекрасно дополняют друг друга, их отношения проверены временем. Однако неожиданный поворот событий делит жизнь главной героини на «до» и «после»...

<https://www.litres.ru/galina-sergeevna-berezina/prosto-lublu-prosto-lublu-bolnoe-serdce/>

Тысячи дорог

Не бывает такого, чтобы жизнь шла гладко и безукоризненно. Порой её течение даёт такие повороты — только держись. В рассказах Галины Березиной описаны случаи из жизни обычных женщин. Каждая история поучительна и таит в себе те прописные истины, о которых мы и не задумываемся сами. А ведь зная их, для человека всё становится так ясно и просто...

<https://www.litres.ru/galina-berezina/tysyachi-dorog/>

16+

Литературно-художественное издание

Березина Галина Сергеевна

СЧАСТЬЕ ИЗ ДРУГОГО МИРА

Повести

Главный редактор *А. Иванникова (Дементьева)*

Редактор, корректор *Т. Оконеvская*

Верстальщик *М. Дьяченко*

Художник-оформитель *А. Дьяченко*

Подписано в печать 20.11.2020

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 11.75

Тираж 300 экз.

Издательский и книготорговый холдинг «Новая Страна»

Адрес редакции в Москве:

г. Москва, 2-я улица Энтузиастов, д. 5, офис 402/А

Адрес редакции в Санкт-Петербурге:

г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134, корп. 9,
литера А, офис 304/3

Официальный сайт: www.nstrana.ru

Официальная группа во ВКонтакте: <https://vk.com/nstrana>

Официальная группа Facebook:

<https://www.facebook.com/groups/nstrana>

Официальная страница Instagram:

<https://www.instagram.com/nov.strana/>

Адреса электронной почты:

office@nstrana.ru, zayavki@nstrana.ru (для приёма заявок),

office-nstrana.msk@mail.ru (редакция Москвы),

office-nstrana.spb@mail.ru (редакция Санкт-Петербурга)

Тел.: +7 (977) 836-46-31, +7 (926) 218-99-22 (редакция Москвы),

+7 (921) 916-92-60 (редакция Санкт-Петербурга)